

478

Революция и война

Военно-научный журнал

Сборник третий

Исторический отдел

1920

478

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

РЕВОЛЮЦИЯ и ВОЙНА

ВОЕННО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ.

Сборник третий.

Издание управл. военно-учебных завед. западного фронта.
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ.

1920

Типография издательского отдела УВУЗЗАПА.

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Революция и война

Военно-научный журнал.

Сборник третий.

Издание Управл. военно-учебных завед. Западного фронта.
Издательский отдел.

1920

Типография Издательского отдела УВУЗЗАПА.

СОДЕРЖАНИЕ:

Обзор боевых действий Красной Армии.

Ф. Огородников.

Главнейшие особенности тактических действий в современной войне.

В современных условиях войны замечаются некоторые особенности, которые недостаточно ясно указаны в существующих учебниках тактики и даже в наших главнейших уставах, между тем, незнание этих особенностей приводит к тому, что, даже при добросовестном изучении уставов и начал тактики, будущие красные командиры теряются в действительной боевой обстановке и не умеют отличить главного от второстепенного.

Основные особенности, от которых зависят все прочие: *отсутствие непрерывных, определенных фронтов,* как это было в больших войнах недавнего прошлого; *решающее значение духовно-политических начал и общего (стратегического) положения; неустойчивость—от победы к поражению и обратно, с быстрой сменой событий, столь же быстрые переходы от численного превосходства к численной слабости; недостаток технической подготовки.*

Наконец, особенно важное значение имеет—*сочувствие массы населения.*

Эти основные особенности требуют, прежде всего:

1) *Деятельности* (активности), доведенной до самых крайних пределов *во всем, каждую минуту.*

2) Готовности встретить *противника со всех сторон, во всякое время.*

3) *Отказа от приемов войны,* которые могут восстановить массы населения; *строгой дисциплины* в отношениях к населению.

Деятельность (активность) требует: *решительности действий до последней степени, быстроты* походных и боевых движений, *маневра.*

Все это необходимо, чтобы *действовать на воображение противника, пользоваться превосходством* сил, или *восполнять* их *недостаток,* а также восполнять недостатки стрелковой и вообще технической подготовки.

Указанный общий способ действий требует:

1) Движений и действий *не слишком большими отрядами* и не слишком *глубокими колоннами*,—не более стрелковой бригады, но от *всех родов войск*, для самостоятельности и решительности в действиях:

2) *Простых и подвижных построений.*

3) Особенного *внимания* к службам *разведки, охранения и связи.*

Разведка требует решительности, которая не терпит никакой потери времени и неразрывно связана с опасностью.

Только деятельная, хорошо организованная разведка, может ослабить эту опасность.

Охранение необходимо, чтобы восполнить неизбежные недостатки разведки и обеспечить необходимый покой на отдыхе для войск, от которых требуется постоянная готовность к деятельности.

Связь особенно нужна при действиях небольшими, отдельными отрядами на широком фронте; она нужна для ориентировки в общем положении, которое, как сказано выше, решает дело; без связи становится невозможным управление.

Необходимость встречи противника со всех сторон—требует развития всех приемов для *противодействия охватам, обходам и окружениям.*

Нужны: тактика *преднамеренных, планомерных отходов, борьба* с малейшим проявлением *паники*, тактика *прорыва* из кольца противника, привычное отношение к появлению противника в тылу.

Разведка и охранение должны быть со всех сторон.

С другой стороны, постоянная возможность появления противника на флангах и в тылу указывает на частую возможность *применить в свою пользу*, как *тактику охватов, обходов и окружений*, так *и тактику прорывов:* «кто обходит, тот сам обойден».

Попадая нечаянно и даже преднамеренно в положение обхода, противник сам подвергается опасности.

Кольцо, пока не окрепло, подвергается разрыву. Отсюда важность усвоить тактику прорыва.

В итоге—снова выступает вся важность *подвижности и маневра*, на которых должна быть основана вся современная тактика.

Отказ от приемов войны, которые могут восстановить население и дисциплина в отношениях к этому населению, кроме поддержания *общей дисциплины*, требуют особой осмотрительности в применении таких приемов борьбы, как *ядовитые газы, бомбардировки, пожары* и т. п.

Реквизиции должны производиться с соблюдением строгой законности, порядка и целесообразности, через гражданские власти. Пользование обывательскими подводами должно быть ограничено пределами строгой необходимости и производиться не иначе, как в установленном порядке, также через гражданские власти.

Важное значение имеет строгое соблюдение указанных на местности границ для пользования помещениями, подводами, фуражем, продовольствием и пр.

На обязанности всех начальников лежит наблюдение за этими условиями.

В частности, для *пехоты* требования современной тактики указывают прежде всего на ту же *подвижность*, которая должна быть развита *всеми способами*. Для облегчения людей может потребоваться *перевозка части продовольственных и боевых запасов и снаряжения*.

С другой стороны, большие обозы, в особенности, если они плохо организованы,—ограничивают подвижность.

Поэтому, как *носимый*, так и *возимый груз* должен быть *тщательно расчитан*.

Растянутость фронтов, действия отдельными отрядами, в соединении с их подвижностью,—нередко обеспечивают возможность довольствоваться из местных средств. Но эта возможность должна быть проверена.

Важное значение организованности и точного расчета войсковых обозов требуют *штатного устройства, прочных повозок, хорошего конского состава*. Злоупотребления обывательским обозом недопустимы.

Выгодно применение вьючных животных, например, ослов.

Возможна переноска некоторой части боевых и продовольственных запасов и снаряжения невооруженными командами пополнений, что одновременно может обеспечить быстрый приток укомплектований, но пополнения должны быть в полной готовности встать под ружье и владеть им.

Возможны перевозки всего снаряжения, чтобы люди

могли двигаться налегке, а также перевозки на подводах и автомобилях целых партий и частей, но не иначе, как по оперативным распоряжениям.

Необходимо принимать строгие меры против злоупотреблений и послаблений по этой части, а также строжайшие меры против перевозки с войсками мебели, частных лиц и т. п. Не допускать перевозки винтовок отдельно от стрелков, кроме заручных.

Для маневрирования пехоты должны быть отлично усвоены некоторые простые и наиболее часто применимые построения,--в особенности, маневренные строи.

К таким строям относятся: строи по ротно и по взводно. Также должны быть усвоены маневренные движения небольшими стрелковыми цепями, отдельно и в колоннах цепей.

На подготовку младшего командного состава, т. е. взводных, ротных и батальонных командиров, должно быть обращено самое серьезное, неослабное внимание.

Кроме отчетливого знания своих строевых обязанностей, в особенности—в маневренных строях, и всех отделов полевой службы, они должны понимать стрелковое дело, тактику пулеметов, совместную работу с другими родами войск, бегло читать карту, разбираться в общей, не только тактической, но стратегической обстановке.

Управление не только батальонами, но ротами и взводами, должно быть основано не на отдаче мелочных распоряжений, в которых указываются все подробности исполнения, но на ясной и точной постановке общих и частных задач и постоянной ориентировке в изменениях обстановки.

В младших начальниках надо вырабатывать не только простую исполнительность, *но умение решаться.*

Полевая служба в пехоте, т. е. *разведка, охранение и связь,* составляет один из важнейших отделов обучения.

Хотя в современных условиях войны соединение всех родов войск желательно и даже необходимо, но надо постоянно считаться с возможностью таких положений, когда пехота будет предоставлена собственным средствам.

Поэтому пехота должна вырабатывать все *способы разведки, охранения и связи своими средствами.*

В случае надобности пехота должна уметь производить не только ближнюю—тактическую,—но и дальнюю—страте-

гическую разведку, хотя бы передвигаясь на подводах и применяя способы действий партизанских отрядов.

Охранение должно быть с дальнозоркими наблюдательными постами, с подвижными мерами охранения.

Кроме войсковой разведки и войскового охранения надо применять *тайную разведку* и *тайное охранение.*

Для поддержания связи не ограничиваться одними уставными формами, но применять всевозможные способы связи и сигнализации, как звуковой (колоколами, свистками), так и зрительной (вехами, кострами и т. п.).

Пехота должна быть научена толковому *применению ружейного огня, без напрасной трескотни,* которая служит лишь для подавления робости, и *без напрасной траты патронов.*

Недостаток стрелковой подготовки не дает возможности открывать огня частями при наступлении дальше прямого выстрела (500 шагов), а при обороне—дальше одной версты, но и то при условии измерения расстояний и других приемов изучения и подготовки поля боя.

Это не исключает огня по важным и выгодным целям с более далеких расстояний, но *лучшими стрелками,* на применение которых надо обратить особое внимание.

Недостаток одиночной стрелковой подготовки усиливает значение *стрелковой подготовки младших начальников* для управления огнем частей по участкам обстрела.

Широкое, но умелое применение *пулеметного огня* вызывается, как несовершенством ружейного огня, так и недостаточной устойчивостью и упорством пехотного боя; то и другое возрастает с применением пулеметов.

Но, как оружие решительной минуты,—пулемет не должен слишком часто применяться по иному назначению.

Все начальники должны знать тактику пулеметов, чтобы давать им правильные задачи.

Необходимо требовать ухода за пулеметами, подготовлять резерв пулеметчиков; младшие начальники должны уметь производить стрельбу из пулеметов.

Все пехотные начальники должны быть настолько ознакомлены с другими родами войск, чтобы:

1) *Преодолевать огонь артиллерии противника и ставить правильные задачи своей артиллерии.*

2) *Отражать конницу противника и ставить правильные задачи небольшим конным частям и раз‘ездам,* которые могут быть приданы.

Поэтому они должны хорошо знать свойства артиллерийского огня, его более сильные и более слабые стороны, уметь располагать и передвигать вверенные им части под артиллерийским огнем и уметь поддерживать связь со своей артиллерией.

Особенно важное значение имеет правильная *постановка артиллерийских задач* для командиров батальонов и выше.

Надо знать, в каких *исключительных* случаях можно требовать, как огня на *предельных дистанциях*, так и огня *прямой наводкой.*

Надо усвоить, что артиллерия *не может быть орудием ближнего боя.*

Надо, чтобы пехота действительно берегла свою артиллерию.

Все младшие начальники должны знать основные приемы *отражения кавалерийской атаки*, которые состоят не в каких-либо спешных перестроениях, но в спокойном направлении против конницы наибольшего числа винтовок и пулеметов и во встрече выдержанными залпами повторных атак, хотя бы и на небольших расстояниях.

Для правильного применения небольших частей своей конницы надо хорошо знать те приемы разведки, охранения и связи, в которых конница может с наибольшей пользой заменить пехоту.

Все младшие пехотные начальники, начиная от ротных командиров, должны уметь высылать раз‘езды и понимать их службу.

К. Данишевский.

Политика мира и политика войны Р. С. Ф. С. Р.

I.

Политика мира и политика войны нашей Советской Республики имеет одну и ту же общую задачу,—добиться прочного и основанного на согласованных интересах обоих сторон мира, добиться возможности перейти к мирному строительству хозяйственного, общественного и культурного благополучия трудящихся масс. Цель всех наших войн и, разумеется, всех наших переговоров и договоров с воюющими против нас государствами это — мир. Для нас война, это—средство и путь к миру, это инструмент мира. Война навязана нам внешним капиталистическим миром, поддерживается, организуется и питается им, и мы, ударами своих военных сил, обязаны доказать капиталистической Европе и низвергнутым капиталистическим классам России, что нас разгромить нельзя, что пытающиеся разгромить нас сами себя разоряют и восстанавливают против себя свои трудящиеся массы, утомленные войной, просветленные откровенно классовой политикой капиталистических правительств и поэтому восстающие—против войны и за мир с Советской Россией. Наша война, значит, есть вдвойне инструмент мира: она уничтожает силы выступающего против нас противника и поднимает, укрепляет и воодушевляет силу новую—международно-пролетарскую,—вырастающую в тылу нашего противника и выступающую вместе с нами против общего врага—капиталистического мира.

Наш противник организуется, поддерживается и питается союзом империалистических великих государств — Антантой. Этим же союзом, в общем и целом, устанавливается вся военная политика нашего противника, вся его стратегия, приемы и методы нашего уничтожения и главные направления его ударов по Советской России. В этом положении задача нашей военной политики и нашей стратегии ясна: учитывая общие стремления Антанты по отношению к Советской России и расположение в каждый данный момент главных сил, находящихся и могущих перейти в распоряжение Антанты,—определить,

предвидеть направление движения этих сил, на этих направлениях сосредоточить всю мощь наших сил и своевременно ударить по противнику. А задача нашей политики мира: использовать непосредственное действие этих ударов па военную силу противника и их роль в восстановлении трудящихся масс Антанты против капиталистических правительств, пользоваться торгашескими трениями между государствами Антанты и вырывать из под их сферы влияния и зависимости хотя бы ценой самых крупных уступок и существенной материальной помощи, маленькие самостоятельные буржуазные республики и народы Востока, колонии и полуколонии Антанты. Такая политика мира вполне дополняет и дополняла бы нашу политику войны в решении задачи Советской России,—ослабления, связывания, разложения и уничтожения сил Антанты и ее самой, и в достижении нашей цели—мира и возможности перейти всеми силами и средствами к строительству нашей трудовой Республики.

В положении Советской России, больше чем когда-либо, политика и стратегия, политическое руководство и военное руководство силами и средствами страны должны жить одной мыслью, одной волей и одним согласованным действием.

В определении нашего военного и политического действия должны быть приняты во внимание как соотношение военных сил борющихся сторон, так и в самом широком масштабе положение хозяйственное и политическое Советской России, государств Антанты и пр., и учтены все взаимоотношения как между государствами Антанты, так и отношение к ней в целом и к каждому государству Антанты в отдельности маленьких буржуазных республик и народов Востока и, наконец, должны быть самым внимательным образом учтены взаимоотношения классовые в государствах Антанты и характер выступлений рабочего класса в каждом данном государстве, в каждый данный момент.

В общем и целом, именно, этим методом при установлении политики войны и мира пользовалась Советская Россия, имея всегда в виду ,более или менее отчетливо, главного своего врага—Антанту.

Политика Советской России правильна и целесообразна, она согласована с интересами трудящихся масс, стремящихся к миру и свободе труда.

Все характерные черты, как нашей политики мира, так и политики войны, выявились за период нашей суровой трехлетней гражданской войны. Мы уничтожили армии генералов Дутова, Колчака, Миллера, Деникина, сломали и опрокинули на Эстонию армию Юденича; мы заключили мир с Эстонией, Грузией, Литвой, Латвией, прелиминарный мир с Польшей и мир с Финляндией. И во всех этих событиях, формально совершенно разного порядка, в различных видах и формах, проявилось одно и то же стремление Советской России,—ослабить силы и престиж Антанты, все снова и снова поднимающейся войной против нас. В разных видах проявлялась одна и та же суть всей нашей политики,— высвободить Советскую Россию из под накидываемого на нее Антантой ярма. Разными методами,—миром или войной, уступкой или ударом, уничтожением или сохранением, смотря по характеру противника, его намерениям, социальному облику и пр., решалась одна и та же великая задача современной Советской России,— ослабить и разложить союз империалистических государств Антанты, главную угрозу дальнейшему развитию пролетарской революции.

II.

В войнах против контр-революционных генералов и адмиралов решение упомянутой задачи было очень просто. Политика войны не осложнялась политикой мира или другими привходящими, национальными, общественного и религиозного порядка моментами и предрассудками (предрассудок в известных случаях представляет собой громадную силу, с которой часто приходится считаться даже в решении вопросов войны и мира). Контр-революционные армии хотя и поддерживались, снабжались и направлялись Антантой, но перед широкими трудовыми массами России и Красной Армией они предстали в чистом виде, как армии, стремящиеся вернуть прошлое, власть помещикам и капиталистам, реставрировать капиталистическое общество. Это сознавали не только трудовые массы Советской России и убеждались в правоте своего сознания при временном переходе отдельных районов и городов во власть белых генералов, но также и трудовые тылы контр-революционных армий; трудовые тылы белых армий испытали на себе весь ужас власти помещиков и буржуазии, особенно, ужас

и кошмар возвращения власти низвергнутых капиталистических классов.

Эти войны по существу и в своих внешних видимостях были войны откровенно классовые. В них открыто ставился вопрос о власти того или другого общественного класса,—власть пролетариата и трудового крестьянства, или власть буржуазии и помещиков. „Или“—„или“. Другого выбора, какого-то среднего и третьего,—нет. Здесь не было борьбы между собою отдельных групп одного и того же общественного класса за власть над кем-то или чем-то третьим, которую можно закончить компромиссом, разделом об'екта (предмета) борьбы или установлением совместной (коаллиционной или союзной) власти. Здесь не было и борьбы мировых капиталистических групп между собою, которую возможно было бы лживо представить как борьбу рас, наций, культур, религий и пр., которую, в конечном счете, тоже можно закончить переделом колоний и сфер влияния, переделом порабощенных стран и народов и ввергая в рабство новые страны, совсем не затрагивая структуры общества и государственной власти стран побежденной капиталистической группы. Наоборот, опыт империалистической войны 1914—1918 года показал, что империалистические победители кровно заинтересованы в укреплении, именно, старой,—войной и поражением потрясенной, — власти буржуазии в странах побежденных.

Германия-победительница железом и огнем уничтожила пролетарскую революцию в Финляндии, в Прибалтике, на Украине и восстанавливала повсюду во власти класс буржуазии и помещиков. Антанта-победительница тоже проделала в Венгрии. То же самое Антанта стремится проделать в России. Это понятно, ибо империалист-победитель может надеяться высосать из трудовых масс побежденных стран все их жизненные соки только при посредстве местных капиталистов и помещиков, которые сами заинтересованы в этом высасывании и в обстановке открытого возмущения трудовых масс всегда должны искать опоры у победителя, стать его вассалом и лакеем не только по принуждению, но и по доброй воле, в интересах своего собственного класса, буржуазии и помещиков.

Ничего подобного в нашей войне против напавших на нас белых армий быть не может. Здесь идут войной друг против друга два класса, которые силой заставляют вступать в их

армии и граждан другого класса. Контр-революционные армии проводят мобилизации рабочих и крестьян и заставляют их итти против братской Красной Армии. Но это существа дела не меняет. Классовый характер армии определяется не столько ее личным составом, сколько той задачей и целью, которую армия себе ставит, классовым характером той власти, волю которой она исполняет. И в этом отошении сомнений быть не может и их не было ни у кого. Белые армии шли войной против власти рабочих и крестьян, за власть капиталистов и помещиков, за возврат капиталистам их фабрик и заводов, а помещикам их поместий, которые волей великого октябрьского переворота перешли в руки рабочего класса и трудового крестьянства. Это есть гражданская, классовая война, где в мертвой схватке два класса решают свою судьбу. Здесь не может быть компромисса и не может быть дележа об'екта (предмета) борьбы, ибо в действительности в гражданской войне «суб'ект» и «об'ект» войны—неразделимые трудовые массы—идут войной, в целях освобождения себя от эксплоатации со стороны капиталистов и помещиков, а последние жестоко наступают на рабочих и крестьян, чтобы снова ввергнуть их в рабство и кабалу. В гражданской войне сами борющиеся трудовые массы являются предметом войны, предметом вожделения противной стороны. И наоборот, класс капиталистов и помещиков, как экономическое и социальное явление, есть для трудящихся масс предмет подлежащий уничтожению в этой гражданской войне, ибо только в этом случае рабочие и трудовое крестьянство освободятся от рабства и кабалы и создадут общество свободного труда. Конечно, здесь нет речи о физическом уничтожении, хотя в подобной смертной схватке оно и играет громадную роль, но речь идет, с одной стороны, о хозяйственном, социальном, политическом порабощении класса трудящихся, а с другой стороны, о хозяйственном, социальном и политическом уничтожении класса капиталистов и помещиков. Такова сущность классовой войны. Один из противников должен пасть ниц перед другим, в полном смысле слова должен капитулировать, должен быть разоружен во всех отношениях,—в военном, хозяйственном, социальном и политическом; должен отдаться на милость противнику или драться до последнего воина и быть физически уничтоженным.

Весь ход и тем более исход гражданской войны в разных

странах и на различных фронтах за время 1917—1920 года доказывает, что, именно, так и есть. В 1917 году в Финляндии и в 1919 году в Венгрии и Латвии в жестокой кровавой схватке победила буржуазия и помещики. Рабочий класс был побежден, смят и в полном смысле слова порабощен, а в лучшей своей части физически уничтожен или заключен в качестве военнопленного гражданской войны в тюрьмы на долгие годы. Дикая кровавая вакханалия все еще продолжается в странах, где пролетариат оказался побежденным. Эксплоатация его достигла самых жестоких форм, особенно в Финляндии и Венгрии. Такие же кровавые дни имели место в Германии во время и после неудачных восстаний рабочего класса в конце 1918 и начале 1919 года.

Классовая война не знает пощады. Война очень суровое дело, но классовая война самая суровая из всех войн, ибо в ней безусловно и откровенно ставится вопрос о жизни и смерти борющихся сторон. И в смертной схватке беспощадны обе стороны. Не знали же мы пощады против наступавших на нас армий Дутова, Колчака, Миллера, Юденича, Деникина. Мы отказываемся лишь следовать по стопам буржуазных варваров и не занимаемся диким физическим уничтожением побежденного, капитулировавшего, захваченного в плен врага. Кровавые бани-бойни над безоружным и обезоруженным врагом мы не устраиваем. Этим заниматься способна лишь приговоренная историей к смерти буржуазия. Пролетарий беспощаден только в открытом бою и беспощаден вдвойне в войне классовой, в которой решается историческая судьба его класса.

В классовой войне противопоставляется беспощадность беспощадности и лозунг «победа или смерть», как с той, так и с другой стороны. Вот почему на чисто классовых фронтах— восточном, юго-восточном, южном и северном,—мир наступил только после уничтожения организованной силы противника, после жестоких, очень кровавых боев, которые иногда были похожи на физическое уничтожение противника, и мир настал как бы при кладбищенском мире в стане противной стороны.

В гражданской войне, таким образом, все сводится к чисто боевым задачам, вся политика к политике войны, к разумному и своевременному использованию всех сил и средств против фронта и тыла противника в интересах его ослабления, разложения и уничтожения. Только последнее даст нам победу

и прочный верный мир. В гражданской войне мир наступает тем скорее, чем вернее, сильнее и беспощаднее наши удары по противнику, удары штыка и сабли. Уступки и нерешительность в гражданской войне только умножают количество жертв и сумму разорений, ибо затягивают войну. Но о политике гражданской войны Советской России можно сказать, что она была достаточно выдержана, последовательна и беспощадна. Были колебания, например, осенью 1919 года при решении вопроса бить ли Колчака до конца, гнать ли его беспощадно через Урал, уничтожая его живую силу или остановиться и броситься на другой фронт против Деникина. Но колебание во время было изжито и Колчак был уничтожен, что дало возможность все силы сосредоточить против Деникина. Второе значительное колебание нашей военной политики и недостаточно продуманное действие было весной 1920 г., когда уничтожение Деникинских армий не было доведено до конца и Врангелю была дана возможность не только укрыться в Крыму, но привести себя в порядок и вырасти в грозную силу. Это имело самые неприятные последствия для Советской России. Мы начали сосредоточивать свои силы на трудовом фронте, прежде чем вооруженный и организованный классовый противник был уничтожен. Наш политический центр указывал на необходимость уничтожения контр-революционного крымского гнезда, но, очевидно, что военное командование, особенно фронта, недостаточно серьезно отнеслось к нему, не поняло, что в гражданской войне мир наступает после полного уничтожения противника, и не умело свои силы использовать для решения этой задачи. Этот пример так же, как весь опыт гражданской войны доказывает, что мир здесь добывается лишь беспощадными ударами по противнику, низвергающими его в небытие. Таков единственно правильный путь к миру в гражданской войне. Это должны мы всемерно учесть в своей нынешней схватке с корпусами барона Врангеля.*) Лишь этим мы добьемся мира и подготовим то, что уже подготовляли уничтожением белых армий на других фронтах,—непосредственного ослабления сил и влияния Антанты, разложения ее и падения.

III.

Совершенно другие методы и средства в целях установления мира должны были быть пущены в ход в навязанной

*) Прим. ред. Статья поступила в редакцию в конце октября.

нам войне с маленькими буржуазными республиками. Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Грузия—все они были вовлечены в войну против Советской России, главным образом, происками и давлением Антанты, которая дополняла и пополняла ими свои противосоветские армии. Антантовские политики и агенты ловко играли на ненависти и неприязни самых широких слоев населения этих стран к старой царской и полицейской России, подавлявшей все национально-культурные особенности малых народов, ее населявших. Антантовские агенты и буржуазия этих стран шантажировали этим безобразным прошлым России и лживо сваливали на Советскую Россию грехи ее предшественницы—России царской. И шантаж иногда удавался,— мелкую буржуазию, а иногда и крестьянство, удавалось настроить против России и об'единить в войне против нее. Этим в сильной степени об'ясняется упорная борьба против Красной Армии национальных войск Эстонии и Финляндии, где крестьянство и мелкая буржуазия сильны и нет сосредоточенного в промышленных центрах пролетариата.

Однако, более сильное средство в руках Антанты было непосредственное экономически-финансовое давление на выделившиеся из России мелкие буржуазные республики. Они, особенно, Латвия и Литва, жестоко пострадали уже во время империалистической войны и могли существовать лишь помощью извне. Антанта этим всецело воспользовалась в своих интересах, чтобы товаром и кредитом толкнуть буржуазные окраинные республики против Советской России. Но они поддавались толчкам Антанты добровольно и легко лишь до тех пор, пока толчки эти двигали их к достижению этнографической границы, национальной мечте мелко буржуазной республики и переходили эту границу в исключительных случаях, когда временный успех белого генерала, как Юденича, вскружил голову, например, у Эстонии, но и в этих исключительных случаях буржуазная Эстония двигалась за генералом, оглядываясь, больше занимаясь мародерством, чем войной, больше думая о предательстве, чем о совместном ударе. Такова политика мелких торгашей и крестьянских кулачков, боящихся рискнуть большим, чтобы не потерять весь свой алтын, но которые не прочь примазаться к большому игроку своим пятаком и при случае что-либо слукавить, схитрить для себя, а в слу-

чае выигрыша—громогласно заявлять, что в игре участвовал и он.

Советская Россия била белых генералов, протэже Антанты, на всех фронтах. И чем дальше, тем меньше, особенно с достижением своих этнографических границ, мелко-буржуазные республики поддавались толчкам Антанты; они саботировали своего повелителя и кредитора, осматривались с лукавством уличного торговца, учитывали перспективы великой гражданской войны и беспомощность Антанты в войне против России. И именно в этот момент своевременно было подтвердить и провести в жизнь лозунг пролетарской революции о самоопределении наций в их этнографических границах. Этим предложением Советская Россия шла навстречу мелко буржуазным мечтаниям Эстонии. Латвии и др. буржуазных республик. Советская Россия облекла их мечты в реальные формы, сделала их осязаемыми и предоставляла им возможность приступить к устройству своего маленького хозяйства. И это в то время, когда Антанта—якобы покровительница малых народов против их поработителя России—упорно толкала их на продолжение войны, втягивала в долги, разорение, в большую политику, которая, уж видно было, может окончиться такой же катастрофой как мечты и политика Колчака, Юденича и Миллера.

Невольно мелкая буржуазия окраинных государств должна была сопоставить политику Антанты и Советской России по отношению к ним и, конечно, результат этого сопоставления не мог быть в пользу Антанты, особенно потому, что самостоятельность малых республик Антанта юридически не оформляла и в то же время поддерживала их непримиримых врагов— белых генералов. «Коварная» и «империалистическая» большевистская Россия предлагала мир, самоопределение народов в этнографических границах, признание полной самостоятельности и независимости, а «добрая покровительница» Антанта— толкала на войну, на разорение и не признавала самостоятельности выделившихся республик, не желая поссориться со своими генералами-протэже, ведшими гражданскую войну во имя «великой, единой и неделимой России». Разница очень большая,—не в пользу «покровительницы».

При таком положении не принять предложения самоопределиться в этнографических границах было бы безумно, особенно, для Эстонии. Латвии, Литвы и Грузии, где почти пол-

ностью граница экономической заинтересованности националь-ной буржуазии и землевладельцев совпадает с границей этнографической. Нет в этих республиках экономически сильной группы населения, которая непосредственно рвалась бы через этнографические границы, чтобы присоединить под свою власть земли, заводы и фабрики, лежащие за этой границей, находящиеся вне ее этнографической территории, но принадлежащие ей. Этого нет ни у Эстонии, ни у Латвии ни у Литвы или Грузии. Лишь единичные и то мелкие хозяйства эстонцев и латышей разбросаны за этнографической границей их. Из-за них продолжать войну никто не осмелился бы; такие единичные не-русские хозяйства находятся по всей территории России. Владения латышских кулаков, в общем, кончаются у восточной границы Латгалии; здесь в их руках целый ряд фольварков, имений, торговых и пр. предприятий. Из-за Латгалии латышская буржуазия и прибалтийская бюрократия, имеющая рядом с польскими панами здесь много имений, готовы были продолжать поддаваться толчкам Антанты и продолжать войну против Советской России. Но занятием Латгалии и подтверждением Советской Россией, что она Латгалию считает составной частью латышской этнографической территории, отпал и этот фактор непосредственной заинтересованности латышской буржуазии в войне против Советской России.

До занятия всей этнографической территории война малых буржуазных республик против Советской России имела известный национальный характер. Ее задача была — об'единение всей этнографической территории и выделение ее в самостоятельную национально-государственную единицу. Эта задача сплотила вокруг воинствующей национальной буржуазии все группы имущих классов и даже часть несознательных националистически настроенных рабочих. Правда, выставлением этой национальной задачи буржуазия часто прикрывала иные задачи, поставленные ей империалистической Антантой, а именно, — низвержение Советской власти, что приближало эти национальные войны по существу к войне классовой. Двинуться через свою этнографическую границу на русскую территорию означало бы явный отказ от национального характера войны, означало бы декларировать ее, как войну классовую и всемерно солидаризироваться с Юденичем, Колчаком и Деникиным. Но для Эстонии, Латвии, Литвы и пр. буржуазных республик это

означало бы бросить открытый вызов также и своим рабочим и оттолкнуть от себя и мелкую буржуазию, и трудовое крестьянство, которые не заинтересованы в решении подобной классовой задачи мировой буржуазии. И кроме того, подобный шаг буржуазных республик развязывал бы всецело руки Советской России в поддержке восстания рабочих Эстонии, Латвии и пр. и установления в них Советского строя. На такой возможный исход перехода латышских и эстонских войск через этнографическую границу настойчиво указывала судьба армий контр-революционных генералов. Это был очень большой риск для буржуазных маленьких республик, и они в своих же интересах должны были отказаться от авантюры, на которую толкала их Антанта. Проведение в жизнь принципа национальной политики Советской России — самоопределение нации в ее этнографических границах — совпало с интересами буржуазии большинства окраинных народов и, особенно, с интересами буржуазной Эстонии, Латвии, Литвы и Грузии. И когда эти республики одна за другой убедились, что Антанта не в состоянии их ни существенно поддержать в военном отношении, ни всецело обеспечить в экономическом отношении, ни вполне гарантировать их самостоятельность и независимость,—а это стало совершенно ясно уже после катастрофы Колчака, Юденича и Миллера,—тогда заключение мира было уже обеспечено. Вопрос сводился только к выбору момента, что зависило от положения на том или другом участке фронта, с которым данная буржуазная республика особенно связывала свои вожделения.

Эстония находилась под наибольшим влиянием Антанты, во время подготовки наступления на Петроград Юденича, с судьбой которого, она тесно связывала свое решение о дальнейшей политике по отношению к Советской России. Поэтому Эстония так лихорадочно и неуверенно вела себя во время Псковских переговоров. Юденич пал и рухнул престиж белогвардейщины и престиж Антанты в глазах эстонской буржуазии, и в Юрьеве был подписан Русско-Эстонский мирный договор. Одна — первая буржуазная республика была вырвана из под гипноза силы Антанты, из сферы ее непосредственного давления и влияния.

Грузия последовала этому примеру, когда убедилась, что армии Деникина уничтожаются и границы Советской России

подходят вплотную к ее границам, а красные войска и с севера, и с востока, через Азербейджанскую Советскую Республику, неудержимо рвутся вперед, и «великая» Антанта, «покровительница» грузинских социал-предателей, не может их остановить и должна очистить не только Баку, но и Энзели, и Батум. Деникин пал и рухнул престиж белогвардейщины и престиж Антанты в глазах грузинских меньшевиков и буржуазии, и в Москве был подписан Русско-Грузинский мирный договор. Вторая буржуазная республика была вырвана из под гипноза силы Антанты.

За ними последовала Литовская республика, когда ей казалось, что помещичья Польша сломлена Советской Россией и не сможет ей отомстить ни за мир с Россией, ни за закон о передаче помещичьих (панских) земель без выкупа литовским крестьянам. Это было в момент наибольших военных и дипломатических успехов Советской России,—с нами искали не только мира, но и союза. Под ударами нашей Красной Армии трещал великий союз империалистических государств, и разбуженный ударами наших красных бойцов по вековечным оковам трудящихся масс в самых этих государствах поднимался рабочий класс нам навстречу против своих капиталистических правительств. Буржуазная, вернее крестьянская республика—Литва—шла к нам с миром, уверяя, что никогда она не находилась с нами в положении войны и давала понять, что она не прочь иметь с нами соглашение против исконного своего врага—панской Польши. Это был довольно внушительный удар по системе Антантовского механизма и большая победа Советской России. Кроме того, Литовско-Русская конвенция о срочной передаче освобожденных Красной Армией из под гнета польских панов литовских земель и городов Литовской республике, явно вопреки интересам войны и Красной Армии, наглядно доказала всем еще сомневающимся, что Советская Россия доктринерски верна принципу самоопределения народов в их этнографических границах. Красные армии освободили из под гнета польских помещиков крестьянскую Литву и предоставили ее самой себе, не навязывая ей ни своего общественного строя, ни своей формы государственной власти. Усиливался авторитет Советской России в глазах маленьких народов и авторитет Антанты уменьшался. Мы решали поставленную трудную задачу,—ослабляли силу и престиж союза империалистических государств.

В рассматриваемой группе маленьких буржуазных республик дольше всех торговалась Латвия. До тла она разорена империалистической и гражданской войнами и поэтому она впала в большую зависимость от Антанты, чем, например, Эстония. На нее особенно давила Франция, самый непримиримый, активный и последовательный враг Советской России в союзе империалистических государств. С другой стороны, буржуазная Латвия вела определенную игру с панской Польшей, поддерживала или делала вид, что поддерживает агрессивные намерения Польши против Советской России, с явной целью этим выторговать себе отказ Польши от Латгалии или части ее, на которую, как на католическую страну и вотчину польских помещиков, претендовала Польша. И нет сомнений, что, при помощи панской Польши, буржуазная Латвия питала надежду оторвать от Литвы некоторые участки по границе с Курляндией, куда в массе проникли латышские колонисты и захватили в свои руки целый ряд фольварков и имений на территории Литвы. Все это связывало буржуазную Латвию с панской Польшей и только беспощадные удары наших красных армий по польским легионам, их удаление от границ Латгалии и изгнание из Литвы доказали латышским политикам, что пан—опора плохая, и они уверенно пошли на мир с Советской Россией. Мир был заключен. Эстония, Грузия, Литва и Латвия—целый ряд буржуазных республик, вопреки политике и желанию Антанты, были вырваны из под ее влияния. Медленно, но упорно мы шли по пути ослабления военного и политического престижа Антанты, и вместе с этим по пути усиления и укрепления военного и международного престижа Советской России в глазах рабочих масс всего мира, в глазах маленьких буржуазных республик, в глазах миллионных масс порабощенных Антантой народов Востока и народов Европы, как и в глазах самой Антанты. Для первых это означало призыв к выходу из-под подчинения Антанты, призыв к выступлению против нее, а для последней—призыв к изысканию новых средств, новых методов, новых сил, новых комбинаций для продолжения войны против Советской России.

Подобное положение мы должны были учесть, и в своей военной политике на первое место поставить задачу укомплектования, собирания и сосредоточения в определенных направлениях, а именно, в западном и юго-западном, максимум своих

сил, а в политике мира—итти на крайние уступки, чтобы, если не иначе, то хозяйственными и материальными соблазнами вырвать маленькие буржуазные республики из-под влияния Антанты и добиться возможности сократить на границах с ними до минимума количество красных войск, чтобы максимум их можно было сосредоточить на главнейших направлениях. Это и делалось, чем и об'ясняется передача Эстонии правого берега реки Наровы, участка Псковской губернии, Латвии—Пыталовского желдорожного узла и части Дриссенского уезда, Грузии—Батума, а всем им некоторых экономических преимуществ (лесных заготовок) и по несколько миллионов рублей золотом. Удары по контр-революционным и бело-польским армиям и очень выгодные условия мира имели своим последствием заключение выше перечисленных мирных договоров. Политика мира и политика войны достигли поставленной общей задачи,—ослабили Антанту, вырвали из рядов наших открытых вооруженных врагов целую группу противников, что дало нам возможность сосредоточить все внимание на главном враге и собрать максимум сил против него. Нужно было лишь умело использовать эту возможность и сознательно, и определенно итти на решение основной задачи,—разложения и уничтожения Антанты, сознавая всю серьезность, всю сложность и трудность ее решения, и необходимость, при нашей хозяйственной разрухе и истощенности наших сил и средств, решить ее, хотя во времени и позже, но зато наверняка. Русское «авось» в нашей обстановке абсолютно недопустимо.

Этой основной задачей и обстановкой ее решения определяется и наша уступчивость в мирных переговорах с Финляндией. Они слишком затянулись, главным образом, по вине Финляндии. Финляндская буржуазия, хотя в общем находится в таком же положении по отношению к своей этнографической границе, как и Эстонская, Латышская и пр. буржуазии мелких окраинных республик к своим, но для нее очень важно одно обстоятельство, которое мешает ей безоговорочно принять решение вопроса о государственных границах на основе самоопределения нации на этнографической территории. Это обстоятельство связано, при условии самостоятельности Финляндии, с необходимостью иметь свои собственные незамерзающие порты. Омывающие этнографические границы Финляндии, Ботнический и Финляндский заливы замерзают на пять месяцев. Поль-

зоваться железной дорогой через Швецию невыгодно, ибо транспорт лесных и каменных материалов, почти единственных предметов вывоза Финляндии,—при этом, главным образом, направляемых в Англию и Бельгию, обошелся бы очень дорого при железнодорожном транспорте. Обойтись без морского транспорта ни в коем случае нельзя; ограничиться 5—6 месячной навигацией тоже очень не прибыльно. И вот финляндская буржуазия рвется на север, через свои этнографические границы, к незамерзающим портам (по причине близости теплого течения Гольфштрема) и ставит вопрос о передаче ей Печенеги и допущения ее поближе к железной дороге на Мурманск. Граница экономической заинтересованности финляндской буржуазии не совпадает с этнографическими границами Финляндии, и она пытается заменить наш принцип по этнографическому признаку—принципом установления границ по признаку экономическому (дополненному военными соображениями). Здесь главная причина затяжек мирных переговоров с Финляндией. Она внимательно следила за всеми пирепетиями великой гражданской и русско-польской войны и старалась использовать все временные уклонения военного счастья в сторону наших противников.

Также и Советской России очень трудно было уступить Финляндии в вопросе о **Печенеге**, ибо она сама сугубо заинтересована иметь незамерзающие порты, именно, здесь, после отхода от нее портов Эстонии и Латвии и фактического закрытия Антантой для нее выхода из Черного моря. **Печенегский** край связывает нас непосредственно с Норвегией, а наши незамерзающие порты в Северном океане нас вводят непосредственно в ее воды. Это имеет для нас первостепенное экономическое и политическое значение, ибо этим путем мы непосредственно можем иметь сношения с Западной Европой. Вот мотивы нашего упорства. Но мирные договоры с Эстонией и Латвией, которые более или менее обеспечили нам пользование их портами, немного ослабили для нас остроту вопроса о **Печенеге**, а сознание необходимости добиться мира и на северном фронте в целях освобождения, для решения главной задачи всей нашей политики, также и на нем сосредоточенных сил и средств,—определило уступчивость Советской России и в этом вопросе на переговорах с Финляндией. Было заключено, наконец, перемирие 14 октября и договор о мире, и нет боль-

ше препятствий для мирного сожительства Советской России с Финляндской буржуазной республикой.

Во всех этих событиях первостепенной важности, в заключении перемирия и мира с Финляндией, Эстонией, Латвией, Литвой и Грузией, главнейшую роль (на ряду с боевой работой наших вооруженных сил) играла наша политика мира, которая определенно ставила своей основой самоопределение народа в его этнографических границах, уступчивость в пользу маленьких республик в вопросах экономических и финансовых и обеспечение хозяйственного развития молодых республик. Для Советской России мирный договор ни в коем случае не служил грамотой порабощения, закабаления и унижения противной стороны, а документом, оформляющим мирное и трудовое сожительство между соседними республиками. Мы безапелляционно и открыто идем на мир прочный, справедливый и выгодный для договаривающихся сторон. Всецело от стороны противной, от стороны буржуазной, зависит, будут ли эти мирные договоры также и долговечны. Мы ничего не будем делать такого, что могло бы повредить их долговечности. Для нас важно освободить максимум своих сил и средств для отпора новым возможным козням Антанты против Советской России и освободить силы и средства для строительства нашей трудовой Республики. Это достигается, именно, прочным и долговечным миром.

На Востоке эта задача решается немного иначе. Возмущение народов Востока против Антанты так огромно, престиж Советской России, как друга и покровителя всех порабощенных Антантой народов Востока, так велик, что повсюду, с приближением к границе отдельных государств красных войск, порабощенные народы поднимаются против своих правительств, ханов и эмиров, в большинстве своем агентов Антанты, и спешат навстречу своим друзьям или взывают к ним о подаче непосредственной помощи. Так было в Азербейджане, Хиве и Бухаре, повсюду, где буржуазные или феодально-духовные правительства не принимали протянутой руки Советской России, предлагавшей мирное сожительство, а, напротив, где они или шантажировали наше миролюбие, или же коварно интриговали против нас и поддерживали связь с Антантой, чтобы в выгодный для феодалов Азии и империалистов Европы момент ударить в спину Советской России. Возмущенные такой преда-

тельской политикой народы азиатских сатрапий, при поддержке братских красных войск, призванных на помощь восставшими, поднимались против своих господ и теперь, вместо буржуазных и феодальных государств Азии, мы имеем советские республики,—в Азербейджане, в Хиве и Бухаре. После кровавых и жестоких боев, характерных для гражданской войны, особенно упорных в Бухаре, где фанатически упорно дралось против революционеров духовенство,—в Азии установились первые советские республики, в хозяйственном, политическом и военном отношениях тесно связанные со своей матерью, вызвавшей их к жизни и обусловливающей их существование—Советской Россией.

В нашей политике на Востоке, в данных трех случаях, проявилась истина, что с феодальными и буржуазными правительствами стран Востока Советской России бесконечно трудно установить мирное сожительство, ибо ханы, эмиры, высшее духовенство и феодалы Востока кровно связаны с политикой империализма, разоряющего, порабощающего и держащего в темноте и нищете много-миллионные массы восточных народов, делающихся этим подходящим материалом для дикой и чудовищной эксплоатации не только для империалистов Европы, но и собственных повелителей и рабовладельцев. Существование господства ханов и эмиров обусловлено существованием империализма. Поэтому политика Советской России должна обращаться не к правительствам, а к народам Востока. Только этот путь, через восстания народов Востока против правительств их, ведет нас к решению нашей главной задачи,—ослаблению и подрыву мощи союза великих наших врагов, союза империалистических стран Европы и всего мира. В общем наша политика мира и войны на Востоке идет по правильному пути к решению нашей великой и сложной задачи. И как повсюду и всегда, во время нашей гражданской войны, политика мира и политика войны гармонично об'единяются в решении общей задачи, иногда чередуется лишь соотношение роли той или другой политики; иногда первое место занимают средства и методы войны, а иногда—средства и методы мира. Это—два инструмента для достижения одного и того же факта, одной и той же цели современной Советской России. Оба инструмента великолепны, необходимы и целесообразны. Нужно лишь умело и своевременно использовать их,

согласуя использование того или другого инструмента и обоих вместе с обстановкой, с соотношением и положением борющихся сторон, ничего не форсируя, ничего искусственно не создавая, а пользуясь данными об'ективными условиями арены и характера борьбы борющихся сил. Это главное условие победы, т. е. решения поставленной нам историей задачи по отношению к Антанте. Малейшая ошибка и даже упущение и лихорадочная спешка может нас заставить перерешить всю сложную задачу снова, а это не задача арифметическая и даже не тригонометрическая, а сложная, экономически-политическая задача, в которой фигурируют живые много-миллионные массы и данные самого сложного экономического, социального, политического, культурного и психологического порядка, что обязывает при ее решении быть сугубо осторожными, внимательно и трезво учесть все условия, чтобы иметь минимум данных за ошибку и максимум данных за то, что задача решается правильно.

IV.

Именно в вопросе о польской политике Советская Россия имела перед собой явление самого сложного сочетания. Положение и отношение польской буржуазии и панства к Советской России в корне разнится от положения и отношения к ней, скажем, примерно, эстонской или литовской и даже финляндской буржуазии и баронства. Принцип установления государственной границы по признаку этнографическому не мог ни в коей мере удовлетворить ни польскую буржуазию, ни панов-помещиков. Проведение этнографической границы на западе означает для польской буржуазии отказ от выхода к морю и окружение ее Германией. Проведение этнографической границы на севере, востоке и юге,—означает для польских помещиков и буржуазии лишение громадных имений, винокуренных и пивоваренных заводов и разных промышленных предприятий в Литве, Белоруссии, в восточной Галиции и на Украине (особенно в Подолии и Волыни). И поэтому польское помещичье и буржуазное правительство упорно и всемерно рвалось за этнографические границы и в сторону России, в первую очередь за своими имениями в пределах Белоруссии и Украины, а также—Литвы.

Принцип самоопределения нации в ее этнографических

границах Польшей отвергнут в самой основе, и она противоставит ему границы исторические и границы, обусловленные якобы нуждами нормального экономического развития Польши. Однако, все это в действительности и в конечном счете сводится к вопросу о возвращении польским панам их имений, которые во время революции перешли в руки украинского, белорусского или литовского крестьянства. Здесь нет небольшого уклона от этнографической границы, какой мы наблюдали в политике Финляндии в сторону Печенеги, а принципиальное ее отрицание в пользу существа интересов польской буржуазии и помещиков. И если при известной обстановке, при свободных красных войсках на других фронтах,—финляндская буржуазия отказалась бы от Печенеги и ограничилась бы портами Балтийского моря, то она ни в коем случае не была бы этим бита в основе св... і власти, а лишь в известном направлении был бы закрыт источник ее прибыли и немного сокращена возможность ее обогащения. Основы ее хозяйственной и политической власти остались бы незатронутыми.

Наоборот, при положении польской буржуазии и помещиков, в условиях обособленности буржуазных государств, установление этнографической границы Польши означает удар по самой основе экономической, а, значит, и политической власти имущих классов ее. Отрицание этнографических границ на западе даеть для польской буржуазии выход к морю, к мировой торговле, к обогащению, к арене мировой политики. Отрицание этнографических границ на востоке возвращает польским помещикам громадные латифундии, колоссальные земельные, лесные и прочие богатства, которые они награбили в XV—XVII столетиях, во время владычества феодальной панской республики, у литовских, белорусских, украинских и руссинских крестьян. И вместе с возвращением панам земельных богатств, возвращается их власть над много-миллионным крестьянством—«холопством». Из-за этого стоит отрицать самые лучшие принципы и тем более принцип самоопределения нации в границах этнографических, которые для польских имущих классов явились бы обручами, удушающими их.

Отбросить эти, сковывающие польскую буржуазию, границы—вот задача, определяющая всю политику буржуазно-помещичьей Польши на западе и на востоке и бросившая ее всецело в об'ятия Антанты, которая в этом случае, в стремле-

нии буржуазной Польши, нашла себе попутчика и верного помощника и вассала по удушению и ослаблению двух своих —по разным причинам—главнейших врагов, Германской буржуазной и Российской Советской Республик. Антанта—особенно Франция—считает необходимым уничтожить Германию, чтобы раз навсегда отделаться от опасного империалистического конкурента на арене мирового грабежа и порабощения колоний. Антанта—и опять особенно Франция—считает необходимым уничтожить Советскую Россию, чтобы раз навсегда отделаться от опасного очага мировой пролетарской революции, поднимающей рабочего против капиталиста, крестьянина против помещика, порабощенное человечество против союза империалистов, против самих основ империализма и—о, горе буржуазной Франции—должника против кредитора.

Это полное совпадение интересов национальной польской буржуазии и панства с интересами мирового империализма и, в частности, с интересами самого последовательного и активного члена союза империалистических государств—Франции—обусловливает всю жестокость и все упорство польского буржуазного правительства и командования в войне против Советской России. Интересы панской Польши и интересы империалистической Антанты всецело сплелись, и сплелись вместе с этим и их судьбы. Руководство политикой Польши не в Варшаве, а в Париже—в Парижской бирже,—оттуда получают инструкции и директивы польское министерство иностранных дел, польское командование и польские мирные делегации. И это не есть насильно навязанное руководство, а добровольное следование одного разбойника указаниям и советам другого, более опытного и испытанного в грабежах, убийствах и насилиях. Панская Польша не упирается при ее подталкивании на Советскую Россию Антантой. Наоборот, она желает быть подталкиваемой, ибо это обязывает Антанту ее снабжать, вооружать, финансировать, и толкается же панская Польша в том направлении, в котором имеются ее имения, пивоваренные и винокуренные заводы, куда она стремится сама всей страстью своего опустошенного кошелька.

Разоренный восстанием украинского и белорусского крестьянства польский пан взбешен против восставших «холопов» и дико стремится расправиться с крестьянами и батраками и заставить их вернуть вдесятеро то, что не уплачено за

годы революции. Разоренный восстанием российского крестьянства и рабочего класса французский финансовый пан, биржевик и буржуа, взбешен против восставших должников и дико стремится расправиться с Советской Россией и заставить ее вернуть весь много-миллиардный долг царской России со всеми процентами. Польский пан рассматривает крестьянина и батрака, как предмет эксплоатации и наживы. Для французской биржи не существует человека и гражданина, а лишь должник, подлежащий приведению к повиновению, к обещанию платить по векселю царизма, т. е. быть рабом, предметом эксплоатации французской биржи. Польский пан готов бросить последний рубль и мобилизовать последнего польского крестьянина для войны за возвращение своих имений и приведения в покорность взбунтовавшихся белорусских, галицийских и литовских крестьян и батраков, ибо это его единственное спасение. Французский биржевик и буржуа готов с этой же целью бросить последний свой франк, чтобы заставить должника платить, ибо при упорном отказе должника платить по векселям—разорение грозит самому кредитору. Сам кредитор восставшего должника стал должником более счастливого кредитора—Америки—и пользуется кредитом отчасти только потому, что есть еще некоторая (тщетная) надежда на уплату по царским векселям. И, наконец, последняя параллель: польский пан стремится поработить крестьянство белорусское, украинское, литовское, чтобы добытыми средствами поднять свой престиж и укрепить свою силу, необходимую для поддержания порядка и панского владычества в Польше этнографической. Французская биржа и буржуазия стремятся поработить непокорного должника, высосать у него все жизненные соки, чтобы подкрепить свое в конец расшатанное хозяйство в самой Франции и этим держать в черном теле и своего ворчащего французского рабочего.

Полное совпадение стремлений, задач и основ политики французской и польской буржуазии и помещиков по отношению к Советской России. В войне польско-русско-украинской мы определенно имеем дело с Антантой и в первую очередь с Францией. В этом вся ее серьезность, что нужно было учесть во всех отношениях и что не всегда достаточно внимательно учитывалось. Иногда говорили, что польские базы иссякают, что тылы истощены и пр., а нужно было принять во вни-

мание, что базы панской Польши расположены по всей империалистической Европе, что тыл ее упирается в берега Сены и Темзы. Панская Польша очень серьезный противник Советской России не своими национальными средствами и силами, но своими связями с союзом империалистических государств. Национальностью и национальными предрассудками панская Польша воспользовалась лишь для того, чтобы лживо прикрыть перед мелкой буржуазией, крестьянством и рабочими экономическую сущность войны, чтобы прикрыть то, что война ведется единственно в интересах польского панства, польской буржуазии и в интересах разбойной Антанты. По существу польско-русская война есть типичная классовая война или вернее,—крестьянская война эпохи пролетарской революции, когда во главе восставшего против помещиков крестьянства стоит рабочий класс. Эту классовую сущность польско-русской войны нужно было во всех случаях показывать самым широким массам, особенно польскому крестьянству и батрачеству, ибо литовское, белорусское и украинское крестьянство отлично понимало, что война эта, именно, классовая и ведется крестьянством против возвращающегося дикого панства. Всемерно нужно было избегать таких шагов, при которых польское крестьянство могло бы хоть на минуту усомниться, именно, в этой классовой сущности войны. Особенная осторожность требовалась по мере нашего продвижения с востока к этнографической границе Польши, когда внимание и нервы польской мелкой буржуазии и крестьянства были напряжены до высшей степени, когда панство, духовенство и буржуазная интеллигенция мобилизовали все свои силы, средства, красноречие и ложь, чтобы истолковать наше движение, как поход Московии против Польши, как „исконную русско-польскую распрю“, как продолжение политики Петра Великого и Екатерины Великой (слова Домбского в Минске) и пр., и пр., чтобы лживо прикрыть национальным покрывалом классовую суть войны, которая, конечно, не изменялась с приближением к этнографической границе и с переходом ее, но внешне, по своей видимости, она получила форму войны национальной, ибо к *польской* Висле и к *польской* Варшаве приближалась хотя и Красная, но все же русская армия. Осторожность была сугубо необходима, чтобы не дать польским имущим классам затмить внешностью содержание и вдолбить, хоть на время, в

голову польского крестьянства и хотя бы части польского рабочего класса, что польско-русская война не классовая, а национальная. И нужно признать, мы не были достаточно внимательны. Мы не учли в достаточной степени ни национального, ни религиозного момента, мы не считались с этими предрассудками. Мы забыли, что национальные и религиозные предрассудки в самых широких массах польского населения, также и рабочих, очень сильны, что предрассудки это—факт, а факт—это очень упорная вещь, с которой приходится считаться какого бы происхождения она ни была. Мы это забыли и упорно отказывались припомнить. Нам говорили, что поход Красной Армии к Варшаве произведет такой же эффект, как в свое время приближение ее к Казани, к Архангельску, к Томску, к Риге и т. д., где это приближение служило сигналами к восстанию рабочих. Мы не учитывали того, что к перечисленным городам приближалась Красная Армия, однородная по своему национальному составу с рабочими этих городов (к Риге приближались красные латышские стрелки), и что никакой национальной демагогии вызвать нельзя было, хотя и старались, например, латышских стрелков выставить китайцами. А к Варшаве приближались красные *русские* войска. Для национальной, подкрашенной антисемитизмом, антимосковской агитации и демагогии было много материала и во многом игра польской буржуазии удалась. Польская буржуазия с'умела, хотя бы отчасти временно, лживо прикрыть классовую сущность войны национальным покровом, поднять национальный шовинизм в массах и использовать его в своих классовых интересах. При более осторожном и внимательном отношении к делу влияние этой демагогии можно было довести до минимума. Но мы рвались вперед и на эту „мелочь“ не обращали внимания. Мы гнались за территорией и полагали, что этим мы заставим отказаться польскую шляхту от возобновления борьбы против Советской России, прекратить войну и мириться с нами, когда уже тот факт, что польская шляхта и буржуазия были загнаны в польские этнографические границы, сам по себе означал для них в перспективе экономическую и политическую гибель и заставил их, как и во всякой классовой войне, как и на всех других наших участках гражданской войны, напрячь все силы и средства для решающего боя за власть, за имения, за винокуренные и пивоваренные заводы. Для польской буржуазии и

шляхты не могло иметь место и отчаяние, при котором часто наступает апатия и пассивность, ибо за ней стояла Антанта, хотя потрескивающая, но за то Франция усилила свою активность во всех отношениях. Все это необхоимо было учесть, предвидеть,—это задача политики—и считаться с выгнанной из Литвы, Белоруссии и Украины панской Польшей, с ее, хотя и изрядно растрепанной, армией, все же как с внушительной силой, готовой и готовящейся к новому решающему прыжку. В предвидении этого прыжка и во избежание возможности повести националистическую демагогию, при убеждении, что польская шляхта уже наполовину убита лишением ее имений к востоку от этнографической границы, целесообразнее всего было остановиться на этой границе и, если, паче чаяния, панская Польша готова мириться, то-есть, примириться с своей близкой гибелью, то итти на это ради прекращения кровопролития, а на всякий случай привести в порядок свои армии и готовиться к отпору нового или отсроченного прыжка на Советскую Россию. При таком решении у нас не было бы неприятных неожиданностей, мы были бы готовы принять, как контрудар, так и сами ответить ударом на удар и при том ударом на уничтожение, ибо в таком случае положение было бы ясно для каждого, националистическая демагогия никого не могла бы оболгать, война продолжалась бы, как откровенно классовая против польского панства—задиры.

Прискорбнее всего то, что, как оказалось, история взаимоотношений шляхетской Польши к Советской России нас еще недостаточно вышколила, и мы недостаточно учли упорство ее в стремлении добиться решения классовой войны в свою пользу. Не раз Советская Россия предлагала Польше мир на чудовищно выгодных условиях для нее. В апреле 1920 года мы предлагали ей государственной границей линию тогдашнего фронта, примерно, от Полоцка, по реке Березине, всю Белоруссию, Подолию и Волынь. Поляки на это ответили походом на Украину, т.—е., походом к своим украинским имениям, захватили почти всю правобережную Украину и Киев и перебросились на левый берег Днепра. Шляхетская Польша стремилась к границе 1772 года, т. е., к имениям, захваченным ее разбойными, феодальными предшественниками в землях украинского, белорусского, литовского и латвийского крестьянства. И не могла панская Польша остановиться даже на этой границе, ибо не

могла оставить она по соседству с порабощенным крестьянством, крестьянство свободное, выгнавшее своих помещиков, уничтожившее свое дворянство—панство. И в этом же направлении толкала ее и Антанта, кровно заинтересованная, как и помещичья Польша, в уничтожении свободного трудового крестьянства и свободной трудовой Республики. И здесь также проявился классовый характер польско-русской войны, которая не может добровольно надолго застыть на какой нибудь географической линии, но должна катиться дальше, до уничтожения враждебной классовой власти. Остановки классовой войны—лишь кратковременны, лишь передышки—подготовки к новой схватке.

Армии панской Польши катились дальше, ибо, как сам начальник Польского Государства Пилсудский, прокламировал, их задача—уничтожить Советскую власть на Украине и укрепить в ней власть буржуазно-помещичью—атамана Петлюры. Однако, армии помещичьи наткнулись на все большее сопротивление армий крестьянских, которые под руководством пролетариев-коммунистов перешли в решительную контр-атаку и выгнали помещиков из Украины, Белоруссии и Литвы. Крестьянская армия полубосая и в лаптях, при громадных лишениях, смяла армию помещичью, одетую, обутую, снаряженную и вооруженную великими державами империализма. Это был удар, от которого не могли не вздрогнуть основы капиталистического мира и всей его системы власти, и эксплоатации. Но не могли также при таком исходе великой классовой схватки руководящие силы империализма остаться пассивными: погибал же их мир, трещала же их система. Под ударами Рабоче-Крестьянской армии разлеталась в действительности их военная мощь, проваливался их престиж и гипноз их власти и всемогущества. Старый мир готовился к отчаянной бойне. Его мощь еще достаточно солидна и бой представлялся колоссальным, как по своему упорству, жестокости, так и по своим размерам, которые приближались к мировым и в первую очередь захватывали всю Европу. Все это можно было предвидеть, нужно было предвидеть и быть сугубо осторожным в оценке условий предстоящей мировой схватки, учете количества, качества и характера сил, и ни в коем случае не недооценивать силы противника, не переоценивать собственные силы и не стараться рисовать положение

розовыми красками, а хладнокровно и беспристрастно высказать себе и другим все то, что есть, говорить одну лишь правду — только правду. При решающих схватках всегда нужна полная ясность всей сложной обстановки боя, чтобы принять бой и дать его при возможно выгоднейших условиях, и бить по возможности наверняка. И во всяком случае, недопустимо итти на «авось» и добровольно форсировать события при невыясненной или недостаточно выясненной обстановке. Все эти элементарнейшие истины, в большей своей части были забыты, именно накануне назревающих и отчасти уже назревших великих мировых решающих событий. Вот это то и особенно прискорбно.

Тов. Ленин на с'езде рабочих и служащих кожевенного производства (в начале октября 1920 года) следующими словами характеризовал создавшееся международное положение в связи с нашим подходом к Варшаве: «Подход Красных войск особенно к Варшаве оказался международным кризисом, вот почему это так взволновало всю буржуазную прессу. Вопрос стоял так, что еще несколько дней победоносного наступления Красной Армии, и не только Варшава взята (это не так важно было бы), но разрушен Версальский мир и вся международная система, которая завоевана победами над Германией, рушилась бы. Если бы Польша стала Советской, Франция не имела бы тогда буфера, ограждающего Германию от Советской России. Она не имела бы тарана против Советской Республики. Она не имела бы надежды вернуть свои десятки миллиардов и подходила бы к катастрофе еще скорее, чем она идет к ней сейчас. Франция в долгу, как в шелку. Раньше она была самым богатым ростовщиком. Теперь она должна втрое больше Америке, чем другие государства. Она идет к банкротству. Она в безвыходном положении...»

Версальский мир угнетает сотни миллионов населения. У Германии он берет уголь, берет молочных коров и ставит ее в условия неслыханного, невиданного рабства.

Поэтому самые широкие слои населения Германии радостно, как друзей и освободителей, встречали красные войска, когда они двигались вдоль германской границы или выгоняли поляков из немецких городов.

«Когда красные войска подходили к границе Польши, победное наступление Красной Армии вызвало неслыханный по-

литический кризис. Главная сущность этого кризиса состояла в том, что английское правительство грозило нам войной... Но английские рабочие заявили тогда, что они не допустят этой войны... Образовался в Англии «Комитет действия». Это есть великий переворот во всей английской политике. Рядом с парламентом, который сейчас в Англии избирается почти всеобщим избирательным правом (что происходит только с 1918 года), возникает самочинный «Комитет действия», опирающийся на рабочие профессиональные союзы, т.-е. тред-юнионы, а они насчитывают там более 6 миллионов членов... И английские рабочие заявили: «мы не позволим воевать и французам; французы живут английским углем, и если это производство остановится, то это будет большим ударом для Франции». «Вы знаете, какое отражение нашел Европейский кризис в Италии. Италия—страна победительница, и когда победы Красной Армии вызвали движение в Германии и перелом в английской политике, в Италии борьба обострилась до того, что рабочие стали захватывать фабрики, брать квартиры фабрикантов, поднимать на борьбу сельское население, и Италия находится теперь в таком положении, которое ни в какие мирные рамки не укладывается. Вот каков был ход развития польской войны. Вот почему, мы, зная, что польская война близко связана со всем положением международного империализма, шли на самые большие уступки, лишь бы избавить от ее тяжести рабочих и крестьян». Но именно потому, что польская война связана со всем положением международного империализма,—даже самые большие (апрельские) уступки не удовлетворяли польских панов и французских биржевиков. Это надо было всецело учесть и готовиться к самой тяжелой борьбе, о которой говорит тов. Ленин. Ясно, необходимо было сознать, что до последней возможности панская Польша и французская биржа будут пытаться добиться своей заветной мечты. Панская Польша и французская биржа не хотели удовлетвориться хотя бы целым куском живого мяса, вырезанным из под сердца Советской России. Они жаждут крови Советской России, т.-е. ее смерти. Смерть и гибель Советской Республики нужна им, современным ростовщикам—Шейлокам.

Это было ясно, но мы не сделали из этого все надлежащие выводы. Раз в апреле панская Польша не приняла наши чудовищно-выгодные для нее условия, фунт живого мяса, вы-

резанного у самого сердца, но без крови, значит, она, т.-е. Антанта, идет на большую войну и хочет добиться нашей крови. Раз 12-го июля 1920 года мы в действительности отвергли посредничество «Лиги наций» на ведение переговоров с панской Польшей на основе признания ею государственной границей границу этнографическую, то ясно, что мы сознательно приняли вызов Антанты (именно, Антанты, а не Польши), помериться силами в решительной схватке и заставить ее отказаться не только от требования нашей крови, но и мяса из под нашего сердца и, больше того, мы своим отказом определенно шли на уничтожение дикого кровавого ростовщика Шейлока, эпохи империализма. После 12 июля маски совершенно были сброшены и две мировые силы-гиганты, союз держав мирового империализма и союз Советских Республик, стали друг перед другом на мертвую решающую схватку. Из этого положения нужно было сделать все необходимые выводы и принять все меры, чтобы не было никаких серьезных неожиданностей.

Ясно было и то, что в этой схватке без участия мирового пролетариата не обойтись. Даже больше того, если не было бы определенных признаков, что участие это обеспечено и до того времени, пока эти признаки не давали бы себя осязательно чувствовать, ни в коем случае нельзя было бы принять боя, ибо в этой стадии мировой гражданской войны ее исход в нашу пользу могло обеспечить лишь самое активное участие мирового пролетариата.

Помощь Советской России мировой пролетариат оказывал довольно-существенную, особенно, английский, итальянский и германский. Снабжение польской армии тормозилось самыми энергичными мерами, вплоть до уничтожения и взрыва военных транспортов. Но ближайший—чисто польский—тыл польской армии был сравнительно спокоен, а его разложение имело бы более существенное значение, ибо оно непосредственно влияло бы на активную силу—на польскую армию. Польский сознательный рабочий и часть крестьянской бедноты нас ждали, но они, при диком помещичьем военном терроре и поднятой националистической демагогии среди крестьянской и даже рабочей массы, не были в состоянии выступить нам навстречу даже тогда, когда мы стояли под Варшавой и переправлялись уже через Вислу. И это можно и нужно было предвидеть и учесть при движении вглубь Польши.

Можно было и не переоценить начавшееся мировое выступление пролетариата. В своей, уже нами отмеченной речи, тов. Ленин, между прочим, снова подтвердил уже не раз сказанное: «...рабочие Европы зрели не по дням, а по часам; к рабочей революции дело подходит неуклонно, но все же слишком медленно, если сравнить с быстротой развития в России... В Европе война кончилась. Армия демобилизовалась. Солдаты разошлись по домам. Рабочие и крестьяне разоружены. Там теперь развитие идет медленно, но оно идет. Как только международная буржуазия замахивается на нас, так ее руку схватывают ее собственные рабочие». О медленном развитии восстания рабочих в Европе,—правда. Но если так, то переоценивать непосредственное значение для нас каждого данного момента этого движения не следует. Правда и то, что международный пролетариат схватывает поднятую против нас руку международного империализма, но он в данный момент еще не в состоянии удержать эту руку от нанесения нам удара, он лишь ослабляет удар; конечно, и это хорошо, но необходимо иметь в виду, именно, лишь указанный эффект жеста и движения международного пролетариата. Не больше и не меньше. Теперь это ясно для каждого, но была масса указаний еще во время нашего продвижения вглубь Польши, в начале выступления английских рабочих, что, именно, такой характер имеет это выступление: требование не советизировать Польшу, не навязывать ей коммунизм на ряду с требованием Лойд-Джордж—установить с нами торговые сношения,—доказывало, что пока это движение представляет собой только либеральное рабочее движение, захватившее громадные массы пролетариата и об'ективно, организационно противопоставившее себя буржуазному правительству; это, конечно, давало надежду, что движение выйдет на путь революционный и придет к методам революционным, особенно, по мере наших успешных ударов по польской помещичьей армии и вместе с этим по системе Антанты, что подрывало бы все больше и больше в глазах рабочих авторитет союза государств победителей. Но именно поэтому, в интересах революционизирования движения мирового пролетариата, необходимо было создать по возможности максимум условий, при которых можно было бы бить с максимальной уверенностью на успех. Мы этих выводов не сделали. Мы отчасти несознательно шли на риск, на «авось»,

ибо перспективы были громадные, возможности колоссальные, захватывающие, и, когда определенно оказалось, что мы многое не учли, о многом имели превратное представление, многое переоценили, а другое—не дооценили, когда Франция демонстративно и самым активным образом выступила против нас, когда Лойд-Джордж прервал с нами политическую беседу и просил тов. Каменева удалиться из Англии, когда международный пролетариат схватил, но не удержал занесенную над нами вооруженную руку империализма и т. д., и пр., когда началось жестокое контр-наступление польских армий—. мы несомненно растерялись. Мы даже не попытались от недостаточно осознанного риска перейти к риску сознательному и бросить в мертвую схватку во фланг наступавшего от Новогеоргиевска противника группу наших лучших войск 15 и 4 армий и кавалерийского корпуса тов. Гая. И большую часть переименованных войск мы все таки растеряли, без попытки их сознательно использовать активно, с определенной надеждой на некоторый успех. Мы растерялись, ибо сознали, что не все учли, что в такой обстановке, перед решением такой гигантской мировой задачи учесть должны были и учесть могли.

Мы откатывались, и откатывалась или застыла даже и волна движения международного пролетариата. Международный пролетариат застыл как-бы в изумлении. Мы своим быстрым движением вперед, захватом территории, создавали неправильное представление о нашей военной мощи и неправильное представление о соотношении сил на польском фронте. Мы создали впечатление легкой победы и этим отчасти дали право международному пролетариату мобилизовать не все силы и не все средства и методы борьбы против империализма; мы отчасти сами создали психологическое основание для недооценки и международным пролетариатом мощи и стойкости системы империализма. И вдруг, перед глазами международного пролетариата снова неожиданно предстал во всей гигантской силе и всемогуществе союз мировых разбойников. Так же и международный пролетариат отчасти ошеломлен этой неожиданностью и может теперь, наоборот, переоценить силу Антанты, что будет иметь такое же отрицательное влияние на ход рабочего движения, как и недооценка...

Движение помещичьих армий на восток, исконное стремление панов к своим белорусским, литовским и украин-

ским имениям задерживалось не столько сопротивлением наших отступающих войск, сколько пространством и усталостью от громадных переходов польских войск, истощением тыла и наростанием возмущения в польских рабочих массах против продолжающейся войны. Конечно, свою роль сыграло и выступление рабочих Европы против помещичьей Польши и продолжение ее блокады международным пролетариатом. Только совокупность этих главнейших обстоятельств, вопреки советам французской биржи и воинствующего польского панства, создала обстановку, при которой помещичья Польша согласилась пока удовлетвориться куском живого мяса из под сердца Советской России и подписать в Риге 12 октября договор о перемирии и прелиминарных условиях мира между Россией и Украиной.

При вырисовывавшейся после польского контр-удара военной обстановке и международном положении, конечно, не могло быть и речи о настаивании в Риге на условиях, оглашенных нами в Минске. И даже в Минске, в момент их оглашения 19 августа, они оказались уже запоздалыми. Нельзя было, чтобы переговорами за столом в зале заседания мирной конференции достигалось то, что не достигнуто на поле брани. Минские предложения были согласованы с кажущимся положением на фронте и в Европе к концу июля и в начале августа. К средине августа стало ясно, что за кажущимся внешним благополучием назревал крутой, опрокинувший всю внешность, перелом, которого поджидало польское правительство и поэтому сознательно оттягивало начало мирных переговоров. Рига была логичным результатом этого перелома. При данной обстановке за Минском должна была следовать Рига—с формальным отказом от всех Минских условий, которые фактически были сняты уже в Минске нашим заявлением на четвертом заседании конференции, что ни одно из наших предложений не ставится ультимативно и что они все являются предметом обсуждения конференции. Рига должна была начать предложением уступок во всех отношениях, чтобы снова попытаться этим путем приостановить кровавую бойню и избежать ужасов зимней кампании. Достичь этого на поле брани нам не удалось, хотя это и было бы более верное обеспечение мира, при выше обрисованном отношении помещичьей Польши и Антанты к Советской России.

Подписанными прелиминариями граница с Польшей установлена по Западной Двине от Латвийской границы до Дисны. Потом на юг через станцию Орехово вдоль ж. д. Полоцк—Молодечно, на 20 верст к востоку от Молодечно и 30 верст к востоку от Вилейки. Далее, на станцию Колосово по реке Лань до Припяти, на станцию Ракитно через Корецк—Острог—Шумск и по реке Збруч до Днестра. По этой границе к Польше отходит западная часть Белоруссии и Волыни и под ее непосредственное влияние подпадает Восточная Галиция и Литва, которая широким корридором отделяется от Советской России. Литве не сдобровать. Помещики возвратятся. Это видно по всей политике помещичьей Польши к крестьянской Литве. Польша не считается ни с какими протестами, ни договорами Литвы. Польские войска, под названием белорусско-литовской дивизии, заняли 9 октября Вильно. Польское правительство разыгрывает мало прикрытую комедию о своей непричастности к этому делу и официально заявляет, что генерал Желиховский при занятии Вильно действовал без ведома правительства и командования, «как уроженец города Вильно». Занятие литовской области Гродно—Лида обещает генерал Сикорский тоже при помощи «солдат—уроженцев этих местностей». А польский сейм в то же время заявляет, что «единственное, необходимейшее средство для мирного (!) урегулирования положения—это возможно скорое присоединение Виленской области к польской республике, что согласуется с неоднократно выраженным желанием населения». Это—«мирная» политика всех хищников, как в мире империалистическом, так и в мире животном: самое «мирное» средство урегулирования взаимоотношений это—поглощение жертвы.

Наверно, этим же мирным путем и методом намерены действовать польские помещики и в Восточной Галиции: не трудно же будет найти какого-нибудь польского генерала, уроженца, например, гор. Львова. И дальше. Соблазнительно продолжать этот путь и в сторону, например, Латгалии, (часть Латвии), где большинство помещиков—поляки и среди них вероятно и несколько генералов или полковников, а население там католическое и притом духовенство, по крайней мере в половине своей, с определенной ориентацией в сторону католической Польши (Латвия в остальной своей части лютеранская). А теперь, по договору от 12 октября, польский кор-

ридор, отделяющий нас от Литвы, своим концом непосредственно упирается именно в Латгалию. И характерно, что именно в последнее время в Латгалии усиленно ведется агитация за отделение от Латвии, за самостоятельность Латгалии или единично, чтобы запутать карты,—за присоединение к Советской России. Ясно, что агитация эта поддерживается приверженцами Польской ориентации. «Самостоятельная» Латгалия неминуемо превратилась бы в провинцию Польши, и Советская Россия была бы отрезана не только от Литвы, но и от Латвии. Буферная и корридорная система защиты империалистической Европы от влияния Советской России этим почти была бы завершена, на удовлетворение всей Антанты и в первую очередь Франции, проектом которой она по всей вероятности и является, ибо в первом предложении Домбского в Риге еще не было определенного указания на предполагавшееся создание корридора.

Но при таком положении ясно, что помещичья Польша, как и вся Антанта, провела не границу мира, а границу обессиления и удушения Советской России, что это граница не прочного мира и добрососедского сожительства, а граница войны и подготовки к новой войне. Ни в коем случае мы не должны этого выпустить из виду. Заявление в договоре, что Польша отказывается от поддержки контр-революционных организаций Врангеля, Петлюры и Савинкова,—пустые слова, пока рабочий класс Польши не сможет взять в тиски польское панство и вырвать Польшу из союза мировых разбойников или же пока мы окончательно не уничтожим корпуса барона Врангеля и этим не получим возможность подкрепить словесные обещания помещичьей Польши сосредоточением в неособенно удобных для Польши направлениях красных войск, в случае неисполнения ею условий мирного договора во всех его частях.

Мы должны иметь в виду, что государства Антанты всегда при удобном для них случае готовы итти на нарушение мирных договоров и поэтому мы должны быть всемерно начеку и наготове, чтобы дать должный отпор в случае возможного возобновления войны против нас. Но нам нарушать мирные договоры нет ни малейшего основания. Глубоко прав тов. Троцкий, когда говорит (Изв. Наркомвоен, от 13 октября 1920 г.): «Мы искренно и честно хотим мира, ибо таким путем мы избегнем зимней кампании и уменьшим страдания трудящихся

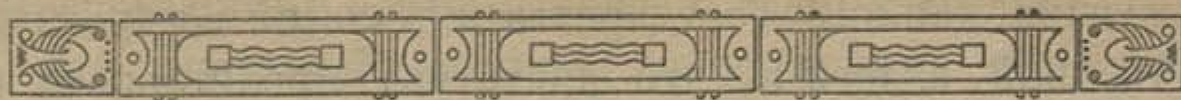
масс России, Украины и Польши. У нас нет и не может быть никакого интереса нарушать мирные договоры, как те, которые мы уже подписали, так и те, которые собираемся заключить. Мы слишком твердо знаем, что силы истории работают за нас. Долговечность буржуазного режима и буржуазных правительств стала воспоминанием прошлой эпохи. Этот режим обречен и час его крушения приближается на наших глазах:... Мы, международный союз коммунизма, призваны стать могильщиками капиталистического строя. Эту работу мы выполним. Долговечны и несокрушимы только мы,—в войне, как и в мире».

Эти простые истины никогда мы не должны забывать, но всегда мы обязаны помнить и то, что пока существует мощный союз государств империализма—Антанта—не быть прочному миру в Европе, не иметь нам возможности кинуть все силы, всю энергию и средства на строительство благополучия трудящихся масс, не освободиться нам от необходимости держать наготове достаточно крупные вооруженные силы, чтобы дать отпор врагам и перейти самим в наступление, с целью уничтожить наступающего противника. Задача всей дальнейшей политики мира и политики войны остается неизменной, пока существует Великий Союз Разбойников, а именно:—способствовать всеми средствами и помочь международному пролетариату и всему порабощенному человечеству ослабить, разложить и уничтожить разбойный союз—Антанту.

Задача сложна и очень трудна. Требуется напряжение всей энергии и воли, выдержка и хладнокровие, и беспристрастие, и правдивость в оценке сил и обстановки. И сложную, и трудную задачу мы решим,—должны решить.

М. Тухачевский.

Революция извне.*)

Борьба пролетариата против буржуазии должна вылиться, в конце концов, в захват государственной власти пролетариатом.

Было бы естественно предположить, что этот акт будет иметь место самостоятельно в каждом отдельном государстве. Маркс указывал, что, „если не по сущности, то по форме, борьба пролетариата против буржуазии есть прежде всего борьба национальная. Пролетариат каждой страны покончит со своей собственной буржуазией".

Однако, дело не всегда может сложиться так благоприятно.

Громадная сила, заключающаяся в государственной власти буржуазии, малая вероятность одновременной, революционной, социалистической вспышки в нескольких государствах сразу и, наконец, накопившийся у буржуазии опыт борьбы с рабочим классом, заставляют признать, что государство, в котором пролетариат захватил власть в свои руки, может на некоторое время остаться оторванным социалистическим островом среди моря окружающих его буржуазных государств.

Вспышка социалистической революции в одном из государств неминуемо вызовет в соседних государствах усиление диктатуры буржуазии. На государство же восставшего пролетариата будут немедленно направлены гром и стрелы всего буржуазного мира.

В таких условиях зарождается гражданская война. Она, прежде всего, разгорается в размерах национальных, хотя низверженная буржуазия в своей контр-революционной борьбе и получает поддержку от буржуазии мировой.

Эта гражданская война из своих национальных размеров развивается в размеры больших внешних классовых войн, по мере того, как буржуазный мир убеждается, что побежден-

---

*) Примечание редакции. Р. С. Ф. С. Р. вела и может вести лишь оборонительные войны, тем не менее, редакция находит возможным поместить настоящую статью, выражающую суб'ективный взгляд т. Тухачевского на вынужденный способ ведения классовой войны, по внутренним операционным линиям.

ная буржуазия данного государства не может возвратить себе государственной власти и, что диктатура пролетариата в этом государстве, принимая все более и более совершенные и прочные формы, начинает уже одним своим существованием угрожать спокойствию мирового капитала.

Таким образом, с момента восстания, пролетариат данного государства вступает не только в борьбу со своей собственной буржуазией, но и в неравную борьбу с буржуазией всего мира.

Итак, в развитии борьбы рабочего и буржуазного классов, она из внутренней борьбы выростает во внешнюю войну, в которой пролетариат не может ограничиться пассивной ролью.

Наступление же революционной армии рабочего класса в пределы соседнего буржуазного государства может низложить там власть буржуазии и передать диктатуру в руки пролетариата.

Захват власти. В общем захват государственной власти в буржуазной стране может итти двумя путями: во-первых,—путем революционного восстания рабочего класса данной страны и, во вторых,— путем вооруженного действия со стороны соседнего пролетарского государства.

Оба эти случая имеют одинаковую задачу,— произвести социалистическую революцию, а потому, естественно, должны быть равноценны для рабочих всех стран.

Условия захвата и удержания государственной власти. Основным условием успешности захвата государственной власти является подготовленность масс к революционному перевороту.

Эта подготовленность с одной стороны определяется степенью развитости рабочего класса и, с другой стороны, и притом, главным образом, безнадежностью всяких других путей.

Ненависть разделяет рабочий класс и буржуазию на два непримиримых класса, которые уже не могут избежать кровавого столкновения.

Это сознание своих классовых врагов и одновременно сознание классовой солидарности рабочих всего мира, главным образом, и создают почву, необходимую для социалистической революции.

Чрезвычайные препятствия встречает на своем пути революция, если классовый инстинкт пролетариата отуманен мелкобуржуазным национализмом.

Наростание революции. Социалистическая революция начинается захватом государственной власти.

Этот захват только тогда будет прочен, если пролетариат уже вполне подготовлен к революции, или же способен к быстрому революционизированию и, таким образом, способен поддержать свой более смелый и подготовленный авангард.

С этой стороны революция внутри данного государства имеет за собой большие преимущества: она, начинаясь чаще всего захватом власти в столицах, в дальнейшем будет наростать, углубляясь в рабочие массы.

Это наростание революции, внедрение ее в пролетарские массы, является абсолютно необходимым условием успеха коммунистического движения. Посягательство на установившийся десятилетиями и веками буржуазный строй не может удастся, если революция не всколыхнет главных масс трудового народа. Только общее революционное потрясение, зажигающееся ярким огнем революционного духа, создает неудержимое по стремительности и мужеству наступательное движение, необходимое для разрушения старого и создания нового строя.

Авангард рабочего класса, захвативший власть, должен опереться на широкие массы. Он создает впервые вооруженную силу пролетариата и это небольшое ядро быстро обрастает революционными добровольцами, создавая мощную армию рабочего класса.

Таким образом, нормально развивающаяся революция начинает с захвата государственной власти и, постепенно углубляясь в трудовые массы, создает как формы нового строя, так и вооруженную силу для защиты и дальнейшего углубления революции.

Это создание Красной Армии совершается в больших муках. Непрерывная борьба с внутренней контр-революцией, затем борьба со ставленниками внешней контр-революции не дают ей возможности спокойно доформировываться: ей приходится понапрасну растрачивать свои молодые не сформировавшиеся силы.

Буржуазия же имеет готовую, хорошо обученную и вооруженную армию, снабженную опытным, хорошо подготовленным, офицерским составом.

Посмотрим теперь на борьбу этих двух армий.

Процесс гражданской войны более всех других углубляет революцию. Классовая вражда достигает предельных размеров.

Гражданская война, хотя и разорительна и изнурительна, но зато более всего ускоряет ход революции.

В случае наступательной социалистической войны, представляющей особую форму оборонительной войны по внутренним операционным линиям, возникновение революции слагается так.

Прежде всего захват государственной власти не может быть достигнут сразу. Для захвата ее надо еще разгромить и уничтожить буржуазную армию данного государства и завоевать значительную часть пространства.

Это дело, нелегкое само по себе, значительно осложняется национальным вопросом.

Ловкая контр-революционная агитация, при условии слабой революционности рабочих масс, может легко сорвать дело социалистической революции. А между тем, социалистическое наступление должно сопровождаться тем же наростанием революционных масс, как и в случае внутренней вспышки. Даже более того. Наступающая революционная армия в непрерывных боях и операциях все время уменьшается в числе и идет на убыль. Социалистическая же революция требует постоянного роста своих сил, ибо сопротивление старого мира чрезвычайно велико, а ожесточение его в борьбе прогрессивно увеличивается.

Таким образом, по самому своему смыслу, как революции извне,—социалистическое наступление должно сопровождаться непрерывным и прогрессивным увеличением своих сил за счет местных революционных средств.

Это вполне понятно,— вооруженная сила пролетариата всегда будет делать одно и то же дело, какой бы она национальности ни была и в каком бы она государстве ни действовала.

В обоих случаях эта революционная социалистическая война,— безразлично, с внутренней или с внешней буржуазией,— развивается и питается за счет местных революционных масс.

Такое питание войны, давая обширный кругооборот революционным массам, стремительно насаждает революцию. Классовая обостренная борьба проникает во все уголки жизни государства, а раз там загорается искра революции, то оттуда стихийно потянутся средства, питающие все массовое революционное движение.

Вот этот мощный революционный кругооборот и создает условия, при которых возможно успешное завершение социалистической революции.

Революция извне и революция изнутри, оставаясь совершенно равноценными в смысле их значения для освобождения пролетариата, тем не менее различаются по отношению, проявляемому к ним малосознательными массами.

Революция изнутри, свергая свою собственную буржуазию, является национальной. Революция же извне, при недостаточной подготовленности рабочего класса данного государства, может быть легко использована буржуазией для возбуждения шовинистической самозащиты от „империалистического нашествия".

Вооруженная сила революции. Уже говорилось выше о том значении, какое для революции имеет вооруженная сила.

Одна сторона — буржуазия — владеет регулярной, хорошо обученной и снаряженной армией, командный состав которой прочно пришит к буржуазии и, подобно ей, приучается ненавидеть всеми силами души всякое пролетарское движение. У другой стороны лишь нарождается армия рабочих, которая должна формироваться из ничего, не имея ни своего командного состава, ни вооружения, ни снаряжения.

Положение Рабоче-Крестьянской армии настолько тяжело в период ее формирования, что если только буржуазия будет готова к отпору и будет действовать решительно и быстро, то восстание рабочих может быть легко задушено.

Зато, если буржазия будет медлить, а рабочие с молниеносной быстротой поставят на ноги свою армию, словом, если гражданская война имеет основание затянуться, то постепенно все выгоды определенно переходят на сторону революции.

В самом деле, чем сильна буржуазная армия?

Она сильна своими размерами, своим командным составом, а также тем, что вышколена и подготовлена десятилетиями.

Зато масса, заполняющая ряды этой армии, далеко ненадежна.

Она состоит из крестьян и рабочих и только палочной дисциплиной и самой подлой агитацией может быть удерживаема в повиновении. По мере затягивания войны, по мере увеличения трудности и неизбежных тягот, глаза у темной массы солдат начинают открываться и тогда буржуазная армия становится опасной для буржуазии.

При первой же неудаче она начинает рассыпаться. Соотношение сил Красной и белой армий начинает резко изменяться в пользу Красной Армии. Это происходит не только оттого, что рассыпается белогвардейская армия. Этого мало. Резко изменяет соотношение и то, что Красная Армия комплектуется за счет покинувших буржуазный лагерь рабочих и крестьян.

Это самое замечательное и наиболее характерное явление для гражданской войны!

Таким образом, при полном напряжении сил, гражданскую войну может выиграть только пролетариат и чем длительнее будет война, тем более будет у него шансов на успех.

То же самое, в полной мере, касается и внешней войны между пролетарским и буржуазным государствами. Но здесь все же являются некоторые вводные условия.

Во первых, период, в течение которого белая армия еще сохраняет свою спайку, может быть значительно длиннее, ибо необходимо прежде всего изжить национальные, а иногда и религиозные предрассудки. Во вторых, рабочий класс может быть не всегда готов к протянутой ему руке помощи. Ему нужно еще время, чтобы оглядеться и понять, где ему надо искать спасения. Словом, социалистическое наступление не всегда окажется согласованным с революционным восстанием данного народа.

Однако, нет никаких оснований полагать, чтобы рабочие и крестьяне не поняли своих интересов в той кровавой борьбе, в которую их толкает буржуазия против пролетариев—освободителей соседнего государства.

Опять таки выдержка и затяжка войны придут рабочему классу на помощь.

Это усиление Красной Армии идет не только за счет армии буржуазии, оно идет и за счет местного населения, за счет его трудовых классов.

Если только революционное разложение коснется в этот период войны буржуазного строя, то он немедленно начнет распадаться и тогда Красная Армия найдет не мало сил и средств по мере своего наступления. На об'явление мобилизации наступающим рабочим классом ответят трудовые слои массовым наплывом под красные знамена.

Эта способность Красной Армии разносить своим наступлением революцию и бесконечно пополняться за счет революционных масс всех национальностей и народов,— даст необычайные возможности социалистической, классовой стратегии. Она с полной уверенностью может почитать себя будущей победительницей над мировым капиталом.

Таким образом, понятие о классовой стратегии никак нельзя отделять от теории революции вообще. Они совпадают.

В области теории революции вообще, классовая стратегия исследует область применения в целях революции вооруженной силы и возможности углубления революции путем вооружения рабочего класса.

Если мы посмотрим теперь на качество Красной Армии, то увидим, что Красная Армия будет находиться в значительно лучших условиях при революции извне, чем при революции внутренней.

Мы уже указывали выше на те трудности в образовании армии, которые встречает восставший рабочий класс. Зато рабочий класс, наступающий за пределы своего государства, должен быть уже готов к этому и потому, при правильно расчитанной революции извне, вопрос вооруженной силы для рабочего класса обстоит значительно благополучнее.

Условия возникновения социалистической войны. Указанные выше особенности в ведении войны классовой — внешней — заставляют очень осторожно и внимательно отнестись к ней.

Прежде всего надо оценить и взвесить степень подготовленности рабочего класса и крестьянства к пришествию красных освободителей.

Этот вопрос очень трудный и на нем более чем легко сорваться,

Если этот вопрос разрешается благоприятно, то стало-быть и медлить нечего, можно наступать с теми силами, которые

есть. Надо лишь смелыми действиями . одержать первоначальный успех и тогда внутренняя революция свое дело в армии противника сделает,— развалит ее.

Если же этот вопрос обстоит не благополучно, то надо очень и очень обдумать это дело.

Как мы уже указывали выше, успех в ведении такой войны вовсе не безнадежен, наоборот, мы видели, что, в конце концов, упорство, со стороны социалистической, неминуемо приведет к длительной борьбе, а это, в свою очередь, неминуемо повлечет за собой революционное разложение буржуазного строя.

Но, обещая в конечном результате успех, длительная внешняя гражданская война потребует и громадных военных и прочих средств.

Надо учесть и победы, и поражения, надо учесть снаряжение и продовольствие, надо учесть вопрос комплектования с тылу, вопрос в полном об'еме не всегда обычный для гражданской войны. Наконец, надо учесть общие средства государства, его способность к длительной и упорной войне, не жалея сил и средств.

Зато, раз на эту войну решились, то ее надобно вести до конца, до намеченной победы.

Подготовка внешней классовой войны. Из всего сказанного ясно, что внешняя классовая война требует большой подготовки ее в отношении сил и средств.

Должно быть заранее предусмотрено время, на которое эта война может затянуться и на это время должны быть заготовлены соответствующие средства.

Но подготовка внешней классовой войны должна вестись не только внутри социалистического государства. Она должна быть тщательно и при том, главным образом, подготовлена внутри атакуемого буржуазного государства.

Эта подготовка должна выразиться в коммунистической работе. Она должна воспитать рабочий класс в духе взаимной выручки, развивая международный пролетарский стратегический прием „движения на выстрелы“.

Эту работу приходится проводить, как общее правило.

В случае же подготовки к какой-либо определенной войне надлежит и коммунистической работе придать прикладной

характер, подготовляющий рабочие массы к восприятию революции извне.

Если в сознание рабочих масс глубоко проникает мысль о поддержке извне соседнего рабочего класса, то он и сам изготовится к восстанию, и первая неудача на фронте буржуазной армии сделает эту революцию возможной.

Тогда приближающиеся революционные силы найдут источник для питания революции. Тогда наступательное шествие социалистической армии примет формы и характер разразившейся социалистической революции.

Эта работа по подготовке не должна ограничиваться мерами общего характера.

Надобно еще подготовить надежный пролетарский командный состав для будущей Красной Армии.

Наступающая же сторона может подготовить даже небольшие кадры будущих красных частей.

В общем, ведение социалистической войны должно явиться продолжением революционной работы коммунистов другого государства, если сложившиеся там условия не позволяют развиться революции самостоятельно.

Задумывать насильственную социалистическую революцию невозможно. Социалиалистическая революция извне может быть только подачей вооруженной силы революционному рабочему классу, не могущему справиться с армией и жандармерией своей буржуазии.

Вполне понятно, что, если соседний рабочий класс и не подготовлен к встрече социалистического нашествия извне, то в наше время, когда социалистическая революция назрела всюду, он может быть легко подготовлен к этому нашествию.

Должна быть заранее установлена тесная связь с жизнью угнетенного рабочего класса.

Настроение рабочих слоев, прежде всего, определяет действительное соотношение между классами и партиями.

Социалистическому государству надо всегда уметь точно и верно определить настроение соседнего рабочего класса.

Коммунистический интернационал. Эту всеохватывающую работу может провести только коммунистический интернационал.

Только он может правильно руководить мировым революционным движением, а социалистическая война есть часть такового.

Коммунистический интернационал сумеет согласовать революционное движение внутреннее с движением извне.

Он должен учесть те средства, как людские, так и материальные, которые наступающий рабочий класс сможет впитать в себя из освобождаемых районов. Он должен определить количество военных средств, необходимых для наступления, в зависимости от готовности к революции данного государства. Он должен предусмотреть длительность и напряженность войны. Словом, он должен руководить войной мирового пролетариата против власти мирового капитала. Это уже чисто военная работа коммунистического интернационала или, лучше сказать, его генерального штаба.

При условии правильного согласования и руководства всеми боевыми действиями рабочего класса, на всем земном шаре, средства мировой революции удесятерятся.

Ни одна капля крови рабочего не упадет даром и каждая из них пойдет на разрушение буржуазного мира.

Согласованное напряжение сил рабочих всех стран и народов придаст, наконец, мировой революции тот неудержимый ход вперед, который опрокинет все преграды на своем пути к коммунизму.

Д. Зорин.

Преступления в Красной Армии.

Преступления в Красной Армии, как и вообще преступления в Советской России, есть следствие тяжелого наследства, которое пролетариат получил от капиталистического строя. Сознание широких народных масс тысячелетиями воспитывалось по указу и велению имущих классов, классов правящих, класса эксплоататоров. Инстинкт собственности капиталистический строй каждому человеку прививал в достаточной степени крепко. Незыблемость и „справедливость“ существования буржуазного общества тщательно внедрялась школой, церковью в сознание человека с самого раннего возраста. Нищета и голод порождали преступления. Люди, не имеющие средств к существованию и не имеющие возможности свои сильные, мускулистые руки приложить к труду, обреченные безработицей на безделие, толкались на путь преступлений и являли примеры полного одичания.

Октябрьской Революцией источник преступлений—капиталистический строй в России—разрушен, но нельзя разрушить силою штыка внедренную в сознание человека гниль. Это достигается лишь только воспитанием, упорной, продолжительной работой просвещения трудовых масс и созданием экономических условий, которыми была бы окончательно низвергнута нищета, голод и другие социальные факторы преступлений.

Советское правительство многое сделало за три года своего существования в отношении искоренения социального неравенства; проделана громадная работа в области просвещения трудовых масс, но по отношению к тому, что нужно еще сделать, чтобы окончательно поставить крест над буржуазным наследством, сделанное является очень небольшой долей.

В Красной Армии за два с половиной года ее существования произведена большая работа по просвещению и воспитанию, но она кажется чрезвычайно ничтожной по сравнению с тем, что еще необходимо сделать, чтобы каждый красноармеец, каждый командир был сознательным воином армии пролетарской революции. Сознательный красноармеец не может быть преступником. Всякий, совершающий в Красной Армии преступление, является недостаточно сознательным человеком, не отдающим себе ясного отчета в своих поступках и в своем отношении, как общественной единицы, к целому перестраивающемуся в корне обществу. Печать наследственности отражается в составе тех преступлений, которые совершаются в Красной Армии. Состав преступлений изменяется пропорционально изменению причин, порождающих преступления; социальный свет и просвещение—бальзам, вылечивающий от тяжелой наследственной болезни, доставшейся пролетарским массам от капиталистического строя.

Красная Армия болеет болезнью преступлений, но эта болезнь быстро излечивается.

Цифры—прекрасное, правильно отражающее зеркало этой болезни в Красной Армии. Цифры—лучшие доказательства, разбивающие чрезвычайно легко самую изощренную и убедительную клевету.

Какие же преступления совершаются в Красной Армии, какие слои и группы сильнее заражены буржуазной наследственностью и совершают преступления?

Ответим на этот вопрос цифровыми данными, взятыми из отчетности Р. В. Т. западного фронта за 1919 г. и за первые 10 месяцев 1920 г. Конечно, эти цифры будут не абсолютно точными в отношении имеющихся преступлений во всей Красной Армии, но, все-же, они дают картину состава преступлений, имеющих место в рядах Красной Армии. Необходимо отметить, что наши Р. В. Трибунальщики меньше всего обращали и обращают внимания (даже Р. В. Т. Р.) на правильный учет произведенной работы. Нет никакой статистики преступлений в Красной Армии. Классификация преступлений в той отчетности, какая установлена Р. В. Т. Р., не выдерживает ни малейшей критики. Нет сводок преступности. Поэтому приходится ограничиться пока цифровыми данными только Р. В. Т. западного фронта, который принимает к производству дела более важные и дела по обвинению комсостава.

Следующую картину рисуют данные о преступлениях, совершаемых в Красной Армии.

Сведения о возбужденных делах.

Наименование преступлений:	За 1919 год. Колич. дел.	За 1919 год. %% всех возбужд. дел.	За 1920 г. (10 м.). Колич. дел.	За 1920 г. (10 м.). %% всех возбужд. дел.
1. Политические преступления.				
Заговоры	17.	2,70 %	4.	0,29 %
Измена	8.	1,27 %	9.	0,65 %
Саботаж	28.	4,44 %	37.	2,63 %
Расглашение военных тайн	29.	4,60 %	49.	3,65 %
Итого	82.	13,01 %	99.	7,22 %
2. Обще-уголовные преступления.				
Спекуляция	12.	2,00 %	51.	3,73 %
Пьянство	42.	6,66 %	63.	4,60 %
Разбой и насилие	9.	1,43 %	37.	2,63 %
Кража	24.	3,84 %	67.	4,89 %
Итого	87.	13,93 %	218.	15,85 %

3. Преступления по службе.				
Неисполнение приказов.	15.	2,38 %	21.	1,53 %
Дезертирство	68.	10,90 %	168.	12,27 %
Нарушение устава внутр. служб.	12.	2,00 %	30.	2,19 %
Использование служебного положения для личных выгод	17.	2,70 %	77.	5,62 %
Превышение власти; бездействие власти	255.	40,05 %	548.	40. %
Взятки.	6.	0,98 %	26.	1,90 %
Присвоение и растрата.	68.	10,88 %	151.	11,09 %
Подлоги	20.	3,17 %	32.	2,33 %
Итого	461.	73,06 %	885.	76,93 %
Всего	630.	100. %	1370.	100. %

Из этой ведомости мы видим не только преступления, ершаемые в Красной Армии, но имеем возможность, хотя за короткий сравнительно срок, убедиться документально, какие преступления в Красной Армии имеют преобладающее значение и какие из преступлений вовсе отмирают.

При рассмотрении цифровых данных необходимо иметь в виду следующее:

1) что в 1919 году западный фронт имел немногочисленные армии;

2) что он почти совершенно не имел больших конных частей;

3) что в 1919 г. Р. В. Т. запфронта еще только начинал работать и далеко не выполнял своим аппаратом тех задач, которые он выполняет в 1920 году.

Этими тремя причинами об'ясняется рост возбужденных дел в 1920 году по сравнению с 1919 г. Главная причина, конечно, численное увеличение армий западного фронта. Но для нас здесь важно процентное отношение преступлений к количеству всех возбужденных дел и насколько процентное отношение преступлений из года в год уменьшается или растет. При росте преступлений, разумеется, что армия не становится боеспособной; если преступления, особенно политические, растут, значит армия разлагается. Во всякой капиталистической армии рост политических преступлений свидетельствует, что армия перестает быть послушным орудием угнетения и подавления, солдаты становятся сознательными и поэтому сознательно творят преступления. Забитый, темный человек—лучший солдат в армии белогвардейцев. Обратная картина—в Красной Армии. Бессознательный, темный, не сознавший своих интересов красноармеец совершает преступления политического характера, или сознательный контр революционер, пролезший в Красную Армию.

Политических преступлений в 1919 году было 13,01%, а в 1920 г. их только 7,22%, т. е. сократилось почти в 2 раза.

В действительности же, к концу 1920 г. процент политических преступлений еще меньший. Цифры измены—9 случаев—0,65% и заговоров—4 случая—0,29% относятся к началу 1920 г.

Что же касается саботажа и расглашения военных тайн, то этот род преступлений политическую окраску совершенно уже потерял. В большинстве саботажем теперь именуют не сознательное ничегонеделание, с целью этим принести вред Советской власти, а нерадение по службе, и правильней будет, если мы его отнесем в служебные преступления.

То же и с расглашением военных тайн. Сознательного расглашения военных тайн, с целью нанести вред Красной Армии, не имеется, а имеется пустое, бессознательное трепание языком о служебных, оперативных и др. вопросах с лицами, коим это ведать не следует. При таком содержании этот состав преступлений к концу 1920 г. следует отнести к рубрике „преступления по службе“. Таким образом, от контр-революции в Красной Армии ничего не остается. Просвещение Красной Армии, рост сознательности у красноармейцев и комсостава создали такую атмосферу в рядах Рабоче-Крестьянской армии, что дохнут все контр-революционные бациллы. Это первое и основное положение боеспособности, выносливости, самоотверженности Красной Армии.

Красная Армия ассимилирует белогвардейца, делает его зрячим политически. Это свидетельствуют цифры об измене и заговорах в Красной Армии, которые составляли в 1919 году еще 2,70 и 1,27%, а в 1920 году лишь только 0,29 и 0,65%. В 1921 году Красная Армия, несомненно, в классификации преступлений не будет иметь ни заговоров, ни измены. Разбивши контр-революционные силы на всех фронтах, ряды Красной Армии стали от этого сильней. Однородный коммунистический состав,—вот загадка нашей силы, которую не в состоянии разрешить буржуазный мир, и поэтому он гибнет.

Обще-уголовные преступления составляли в 1919 г. 13,93%, а в 1920 году 15,85%, т. е. увеличились на 1,92%. Увеличение этой рубрики преступлений об'ясняется, в отдельности по каждому составу преступлений, различно.

Спекуляция. Состав спекуляции в Красной Армии по существу, или внутреннему содержанию, чрезвычайно отличается от понятия спекуляции частного рынка. Под спекуляцию в Красной Армии подводят продажу красноармейцами своих вещей, даже не военного характера, как-то: гармоники, часы, личное белье и пр.

Сознательная часть красноармейцев не допускает абсолютно никакой купли и продажи в рядах Красной Армии. Всякую перепродажу личных вещей именуют „спекуляцией“ и тащат в Р. В. Трибунал. За 1920 год в ряды армий западного фронта влилось довольно большое количество вновь мобилизованных, которые привезли с собой из деревень кой-какое „барахло“, которое продавали и меняли на продукты. Спекуляция казенным обмундированием—единичные случаи и то замечалась лишь со стороны завхозов. Вот причины увеличения „спекуляции“.

Разбой и насилия, по сравнению с 1919 г., в 1920 г. увеличились на 1,20%. Это ничтожное увеличение свидетельствует лишь о том, что наши кавалерийские части достаточно дисциплинированы. В 1919 г. больших кавалерийских частей западный фронт не имел, а в 1920 году они были и по численности представляли внушительную силу. Совершая громадные марши, отрываясь от баз снабжения, иногда в силу необходимости и для себя, и для

лошади, кавалерист отбирал необходимое. Культурно-просветительная и партийная работа в кавалерийских частях, вследствие постоянного их передвижения, ведется значительно хуже, чем в пехоте,—вот этим, главным образом, и об'ясняется увеличение уголовных преступлений в частях западного фронта в 1920 году. Чрезвычайно показательно, что в 1920 году **пьянство**, с 6,66% в 1919 г., уменьшилось до 4,60%. Древне - русская поговорка, „Руси веселие—есть пити", при Советской власти совершенно оскандалилась. В царской армии, если солдат не пил, то именовался не солдатом, а бабой. И понятно, что капиталистам необходимо ручное и покорное пушечное мясо, а в Рабоче-Крестьянской Красной Армии должен быть только сознательный, просвещенный защитник интересов трудящихся масс. Красная Армия громадной чарой пьет из резервуара просвещения. Газета, книга, клуб, театр—вот причины сокращения пьянства в Красной Армии.

Преступления по службе составляли 73,06% всех дел, возбужденных за 1919 г., а в 1920 г.—76,93%. Состав этой категории преступлений довольно большой. Но значительную часть их можно об'единить термином „желудочных преступлений". Так, взятки, подлоги, присвоение, растрата и использование служебного положения в личных выгодах, в большинстве, совершаются канцелярскими служащими, казначеями, завхозами, публикой, с мелко-буржуазным душком и привычками жить на широкую ногу. За отчетный период имевшие место 26 случаев взяточничества, в большинстве, были взятки продуктами от дезертиров. Присвоение и растрата—101 дело, т. е. 11,09%, относятся, главным образом, к продуктовому снабжению и обмундированию; растрата денежных сумм—единичные случаи.

В 1919 г. западный фронт не имел такой подвижности, как в 1920 г. Весеннее отступление, летняя кампания и марш на Варшаву, и осенние операции,—все они характерны большими переходами и часто по родным красноармейцам деревням и городам, где проживают их семьи, и все же, несмотря на чрезвычайно трудные условия, дезертирства злостного с фронта—ничтожный процент: 10,90% в 1919 г. и 12,27% в 1920 г. Конечно, эти данные не имеют правильного отражения по отношению ко всем частям Красной Армии, так как я уже выше отмечал, что в Р. В. Т. запфронта возбуждаются дела, в том числе и дезертирские, более важные.

Самый большой процент преступлений в Красной Армии,—это превышение и бездействие власти. Превышение власти совершается в процессе великого строительства в фронтовой, прифронтовой полосе и внутри самой Красной Армии. Ошибки, связанные с превышением власти, повлекшие за собой вредные последствия,—вот смысл этого преступления. Бездействие же власти есть безинициативное прозябание лиц административной службы, комиссарского и командного состава, которое карается Революционным правосудием и заставляет лодырей, взявшихся за гуж, не говорить, что не дюж, а работать.

Неисполнение приказов в Красной Армии,—этот состав преступлений совершенно отмирает, за год оно сократилось почти в два раза, с 2,38% до 1,53%.

Теперь не без'интересно выяснить, кто и какие преступления совершает в Красной Армии.

Для освещения этого вопроса я вынужден пользоваться цифрами только Р. В. Т. запфронта за первые 10 месяцев его работы в 1920 г. Разработать цифровые данные за 1919 г. того же Р. В. Т. абсолютно не представляется возможным,—нет правильной отчетности.

За 10 месяцев 1920 года всего осуждено Р. В. Т. запфронта 370 человек, из них:

Коммунистов 81—21,88%.
Беспартийных 289—78,12%.

Из них:

Крестьян 191—51,62%.
Рабочих 60—16,21%.
Интеллигенции 119—32,17%.

Из них:

Комсостава 61—16,50%.
Политработников 32— 8,65%.
Канцеляристов, завхозов, лиц административной службы 94—25,42%.
Красноармейцев 113—30,54%.
Советских работн. 16— 4,33%.
Частных граждан 54—14,56%.

Какие же каждая из этих категорий осужденных совершили преступления? На этот вопрос дают вполне исчерпывающий ответ следующие две таблички:

По классовому и партийному составу.

Наименование преступлений.	Рабочих.	Крестьян.	Интеллигент.	Коммунистов.	Беспартийн.	ВСЕГО.
1. Политические преступлен.						
Заговоры	1.	3.	1.	—	5.	5.
Измена	—	1.	2.	1.	2.	3
Саботаж	—	3.	1.	2.	2.	4.
Расглашение военных тайн	—	44.	11.	11.	44.	55.
	1.	51.	15.	14.	53.	67 чел.
2. Обще-уголовные преступления.						
Спекуляция	23.	35.	46.	4.	100.	104.
Пьянство и буйство	7.	10.	4.	12.	9.	21.
Разбой и насилие	2.	10.	4.	2.	14.	16.
	32.	55.	54.	18.	123.	141.

3. Преступления по службе.						
Неисполнение приказов.	—	1.	1.	—	2.	2.
Дезертирство	2.	11.	1.	2.	12.	14.
Использование служебного положения в личных целях	3.	20.	16.	12.	27.	39.
Превышение власти	15.	28.	15.	23.	35.	58.
Взятки	1.	2.	3.	2.	4.	6.
Присвоение и растрата	6.	23.	10.	10.	29.	39.
Подлоги	—	—	4.	—	4.	4.
	27.	85.	50.	49.	113.	162.
Итого	60.	191.	119.	61.	289.	370.

По служебному положению.

Наименование преступлений.	Комсостава.	Политработников.	Лиц административн. служ.	Красноармейцев.	Советских служащ.	Частн. гражд.	ВСЕГО.
1. Политические преступлен.							
Заговоры	2.	—	—	1.	—	2.	5.
Измена.	1.	—	—	1.	—	1.	3.
Саботаж	1.	—	3.	—	—	—	4.
Расглашение военных тайн . . .	4.	1.	13.	37.	—	—	55.
	8.	1.	16.	39.	—	3.	67.
2. Обще-уголовные преступления.							
Пьянство	8.	2.	6.	2.	—	3.	21.
Разбой и насилие	3.	—	2.	6.	—	5.	16.
Спекуляция	8.	1.	17.	28.	10.	40.	104.
	19.	3.	25.	36.	10.	48.	141.
3. Преступления по службе.							
Неисполнение приказов	—	—	1.	1.	—	—	2.
Дезертирство	1.	—	—	12.	—	1.	14.
Использование служебного положения в личных целях	7.	12.	11.	7.	1.	1.	39.
Превышение власти и бездействие власти	11.	10.	31.	—	5.	1.	58.
Взятки	1.	1.	—	4.	—	—	6.
Присвоение и растрата	12.	5.	8.	14.	—	—	39.
Подлог	2.	—	2.	—	—	—	4.
	34.	28.	53.	38.	6.	3.	162.
Итого	61.	32.	94.	113.	16.	54.	370.

За политические преступления осуждено 67 чел., т. е. 18,1% всех осужденных, но здесь необходимо учесть, что из политических 67 больше, чем $^2/_3$—55, осуждено за расглашение военных тайн, но это расглашение, как я уже выше указывал, является по внутреннему своему содержанию скорей преступлением служебного характера. Как видим из таблиц, самыми болтливыми элементами являются лица административной службы,—24%, из осужденных за болтливый язык, осуждено канцеляристов и лиц административной службы. Красноармейцы, хотя и осуждены 39 чел., но, по отношению к численности красноармейской массы, даже только штабных отрядов и учреждений, составляют ничтожный процент. Кто саботирует или правильней безинициативно в безделии прозябает? лица административной службы: из всех, осужденных за это преступление, 75% принадлежит им. Обращают на себя внимание в политических преступлениях „частные лица", из них совершивших измену за отчетный период 1 человек; участвовали в заговоре 2.

Откуда эти пришельцы? Из стана контр-революции. Но какая жалкая их судьба! Кого они с'агитировали на измену: одного красноармейца и двух лиц комсостава.

Кто больше всех в Красной Армии пьянствует? Командный состав—почти 40% и лица административной службы—30%.

Причины спекуляции в Красной Армии, высказанные выше, целиком подтверждаются цифрами, указывающими, кто совершает спекуляции. Скупщиками являются частные граждане, они составляют с советскими служащими 50% всех осужденных, и продавцами—красноармейцы, „завхозы", лица административной службы.

Кто превышает свою власть и кто бездействует? В первую очередь лица административной службы—31 из 58 осужденных за это преступление, т. е. 54%.

Из осужденных 61 человек командного состава:

Осуждено за политические преступления 8 чел.—13%.
Общеуголовные 19 чел., т. е.—32%.
Преступления по службе 34 чел.—55%.

Лиц административной службы всего осуждено 94 чел., из них за политические преступления 16 чел., т. е.—17%.

Обще-уголовные . . 25 чел.—27%.
За прест. по службе . 53 чел.—56%.

Политработников (за 10 мес.) 32 чел., из них:

За политпреступл. . 1 чел.— 3%.
Обще-уголовные . 3 чел.— 9%.
Преступления по службе 28 чел.—88%.

По классовому положению осуждено за преступления политического характера:

Рабочих . . . 1 чел.— 1%.
Крестьян . . . 51 чел.—75%.
Интеллигентов . . 15 чел.—23%.

Обще-уголовного характера:

Рабочих . . . 32 чел.—22%.

Крестьян . . . 55 чел.—49%.
Интеллигентов . . 54 чел.—49%.

Преступления по службе:

Рабочих . . . 27 чел.—17%.
Крестьян . . . 85 чел.—53%.
Интеллигентов . . 50 чел.—30%.

Цифры настолько ярко рисуют картину преступлений в Красной Армии, что никакие комментарии к ним не требуются. Лишь необходимо одно подчеркнуть, что „пресловутая интеллигенция“ в Красной Армии в ряде преступлений оспаривает у крестьянина первенство. Это чрезвычайно характерное явление. Наследственная болезнь поразила сильней интеллигенцию, чем даже крестьянские массы. Рабочие массы и даже крестьянские массы перерождаются и вылечиваются от наследственной болезни скорей, чем интеллигенция.

Рабоче-крестьянская масса стоит в передовых рядах революции, а интеллигенция и в Красной Армии занимает почетное место в первых рядах преступников против революции.

Социальный свет и просвещение гонят довольно успешно невежество и темноту из рядов Красной Армии, вылечивают от преступлений, и Красная Армия стоит несокрушимой скалой, о которую окончательно разобьет свою голову международная контр-революция.

Н. Шелавин.

Германские позиции 1915—1918 г.г. на западном фронте.

I.

Исторический обзор возникновения позиций.

Недавно исполнилось пять лет с начала постройки в районе нынешнего западного фронта германских позиций, тянущихся полосой от Риги, восточнее Двинска и Постав, к озеру Нароч, далее проходящих западнее Молодечно через местечко Сморгонь, восточнее Барановичей, на юг по Огинскому каналу и восточнее, мимо Пинска, откуда они поворачивают на юго-запад к австрийской границе (черт. № 1).

После того, как в конце июля 1915 года пала крепость Ковно, а затем Гродно (во второй половине августа того же года), наши войска отступили на правый берег Немана и, несмотря на крайне расстроенное состояние (в корпусах было по 2000—3000 человек), недостаток огнестрельных припасов и утомление, несколько задержались западнее Вильны, Оран, по берегу Немана около Мереча, Гродно.

Но удачный Новосвенцянский германский прорыв в тыл наших корпусов снова заставил эти последние отходить на восток.

Положение тогда было критическое.

Ряд неудач, почти сплошное отступление,—привели русские войска к сознанию своей слабости, а немцев, упоенных удачей, к чрезвычайной наглости. Поток беженцев вызвал появление в районе войск холеры. Приходилось считать осеннюю кампанию 1915 года окончательно проигранной, что вынудило к отводу войск в тыл и эвакуации штаба западного фронта из Минска с тем, чтобы, укрепив рубеж Полоцк—Березина—Бобруйск и сосредоточив остатки корпусов и свежие пополнения в этом районе для его обороны, начать весною новую кампанию.

Другого выхода, как будто, не было, так-как немецкая гвардейская кавалерия проникла в это время уже до станции Парафианово и местечка Докшицы; отступившие из Лиды наши части подвергались ударам в районе Молодечно; немцы делали попытки взорвать Бори-

совский железнодорожный мост; вообще хозяйничали в этом районе нашего тыла, почти, как хотели.

Наши войска были без патронов, артиллерия—без снарядов; мобилизовали промышленность, но еще на фронте этого не чувствовалось.

Связь наших войск, даже с ближайшими штабами, во многих местах была потеряна.

Командующий западным фронтом генерал Эверт все-таки упорно требовал от командующих армиями оказания сопротивления противнику на линии Барановичи—Молодечно и не соглашался на от‘езд штаба фронта из Минска, полагая там оставаться до последней возможности.

Сформированные из пополнений и остатков рассеянных частей отряды и уцелевшие части были двинуты в район Березины (восточнее Докшицы), для вытеснения немецкой кавалерии; с поездов ссаживали в районе Молодечно, перевозимые из Лиды по другим назначениям, части резерва и, собрав из них кулак для удара во фланг прорвавшимся немцам, остановили противника. В первой половине сентября выяснилось, что положение на фронте восстановлено, натиск ликвидирован, кризис миновал.

Помогли этому и только-что построенные (после отхода из Гродно) участки укрепленных позиций в районе Молодечно и Баранович (Докшицкая была занята немцами).

В конце-концов, германские войска вынуждены были несколько отступить из захваченной при прорыве местности и, после незначительных колебаний, в ноябре 1915 года, окончательно установилась вышеуказанная боевая линия. Та и другая сторона спешно ее укрепляли,—немцы усиленно оплетались колючей проволокой, мы, вследствие малых запасов таковой, пользовались зимним временем, лишившим врага охоты к дальнейшему наступлению, и если укреплялись, то только в меру необходимости—иногда до смешного слабо (например, против немецких 9—12 рядов кольев с толстой колючей проволокой, у наших окопов торчал забор из одного ряда натыканных в снег и мерзлую землю колышков с 2—3 проволоками, представлявший меньше препятствий даже, чем простая изгородь).

Вместо отсутствующей колючей проволоки натягивали сплошь и рядом телеграфную, гладкую. Неприхотливые солдаты сидели и мерзли в окопах, имевших вид простых канав, строя для согревания от стужи, главным образом, землянки, вовсе не предохранявшие от неприятельских снарядов, даже полевой артиллерии.

Оборона основывалась почти исключительно на маскировке—невидимости наших сооружений.

Тыловые инженерные организации усиленно работали в это время, по распоряжению свыше, на рубеже Березины и в глубоком тылу,— под Витебском, Оршей, Могилевом и даже почти под самой Москвой.

Когда, в конце декабря, выяснилось более или менее устойчивое положение боевой линии, им было приказано прекратить постройку Березинской позиции и, выдвинувшись в район 12—30 верст сзади войсковых позиций, принять от армейских организаций постройку второй полосы позиции.

Корпусным и армейским инженерным частям явилась возможность приступить к приведению в порядок боевой позиции и к укреплению ее второй линии.

Исходя из имевшегося уже опыта позиционной войны, было указано,—обратить главное внимание на выбор и укрепление этой последней позиции, как неподверженной непосредственному поражению артиллерийским огнем противника, без переезда батарей на новые позиции.

Проводился принцип: первая боевая линия является линией сторожевого охранения; оборонять ее упорно, зачастую по местным условиям, невозможно, а при силе артиллерийского огня противника, могущего срывать до основания, обращать в какие-нибудь полчаса любой участок укреплений во вспаханное поле—нет оснований. Весь центр тяжести обороны сосредоточивается на второй линии, а далее, при ее прорыве,—на второй полосе. Эти линии укреплялись в полном возможном размере, на них было поставлено много рабочих, инженерных организаций и частей и даны наибольшие технические средства (все-таки в сравнении с германскими—очень ограниченные).

Что было сделано немцами, мы узнавали во время войны путем разведок и аэрос'емок, но данные эти составляли «секрет» и даже ответственные строители русских позиций только случайно знакомились кое с чем из богатого материала штабов, и в то время, когда немцы из такого же материала ежемесячно печатали в громадном количестве карты с точными планами наших позиционных работ и сооружений, широко снабжая ими, как стоявшие против нас свои войска и все части, так и инженеров, строивших им укрепления,—мы прятали свои ценные сводки в железных ящиках штабов и, видимо, берегли их «для истории войны», но, кажется, не сберегли вовсе. В результате, только после ухода немецких войск в конце 1918 года и в начале 1919 года явилась возможность широкого ознакомления с сооружениями немцев, но из-за возникшей гражданской войны,—только урывками, по частям, т. к. для полного ознакомления надо было бы совершать целые путе-

шествия, экспедиции, на что ни у кого не было ни возможности, ни времени, особенно в последний горячий период гражданской войны.

Переходы территории, на которой расположены эти позиции, из рук в руки, необходимость разрушать вредные в тактическом отношении участки их, растаскивание имущества вернувшимися беженцами,—все это сделало еще более случайным и неточным ознакомление с ними, но именно, вследствие этого, становятся ценными, хотя и не систематические, отрывочные исследования отдельных участков, сделанные специалистами окопного дела.

Поэтому, предлагаем вниманию читателей сведения об одном из таких участков германской позиции по фронту оз. Нароч—Сморгонь—Крево—Вишнев, извлеченные из описания, сделанного отдельным руководителем работ 18-го Военно-Полевого Строительства по осмотру этих позиций в августе и сентябре сего года. К сожалению, осмотрена была лишь первая полоса позиции, тыловые же остались не исследованными. Но немцы сосредоточивали всю оборону на первой полосе позиции и очень незначительно укрепляли тыл, главным образом, на важных направлениях или при заведомо неудобной местности первой полосы. Поэтому, для основательного знакомства с их работами, оказывается достаточным рассмотреть укрепления передового района.

II.

Позиции. (Черт. № 1).

Позиции, проходя по сильно пересеченной местности, большей своей частью расположены на командующих высотах, с которых открывается широкий и дальний обстрел. В промежутках между высотами и на низинах построены соединительные участки (на невыгодной для обороны местности, поэтому с повышенной, путем устройства насыпных окопов, линией огня).

Оборона, повидимому, основана на чрезвычайно развитых, хорошо обстреливаемых, искусственных препятствиях, местами сделанных из 10—14 рядов кольев, оплетенных колючей проволокой и, кроме того, усиленных сзади (между окопами и искусственными препятствиями) еще полосами проволочных сетей на низких кольях, или из пришпиленных к земле спиралей колючей проволоки.

Проволочные заграждения обстреливаются фланговым огнем и из окопов, и из специальных капониров; для лучшего обстрела, полосы проволочных заграждений в плане, не только не следуют за начертанием линии огня окопов, но отходят от таковой, разделяются на не-

сколько независимо идущих полос, образующих между собою корридоры, фланкирующиеся сильным огнем.

Разбивка проволочных заграждений чрезвычайно обдуманная и хорошо примененная к местности. Они имеют уступы в тыл, для лучшего фланкирования из капониров в вершинах углов уступов; снабжены передовыми участками, прикрывающими окопы для секретов; ходы для сообщений с последними предохранены корридорами из полос кольев с проволокой; имеются отсеки, образуемые отходящими в тыл полосами заграждений. Везде, где только можно, каждое свободное пространство в районе позиции,—овраги, ложбины запутаны колючей проволокой; входы в казематы, наблюдательные пункты, блиндажи и лисьи норы так же прикрыты участками проволочных заграждений, а ходы сообщений, время от времени, преграждены дверями из колючей проволоки разных систем (опускными, свертывающимися, створными) (черт. № 3).

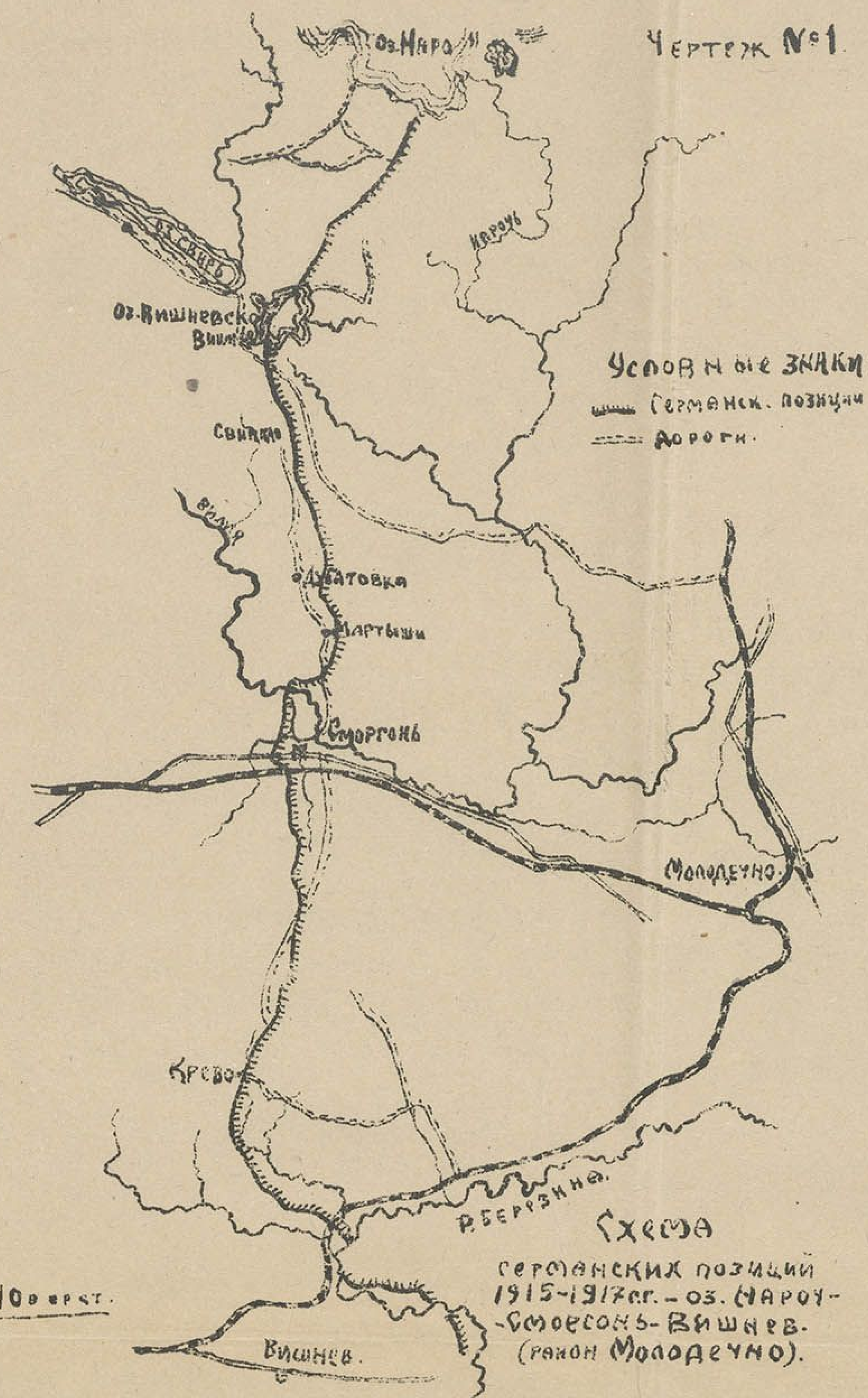
Типы проволочных заграждений тоже всевозможные: рогатки железные из уголков и деревянные, сеть—на деревянных и железных кольях, высоких и низких, в перемежку или сплошь низких; с первым рядом, приспособленным для электризации (электрический забор), с подвешенными гремящими предметами и звонками и т. п. Самая проволока различная,—от нормальной, нашего образца, до всех видов усиленной, с более густо насаженными колючками или, вместо сплетенных тонких проволок, перекрученная; тонкое полосовое или четырехгранное железо.

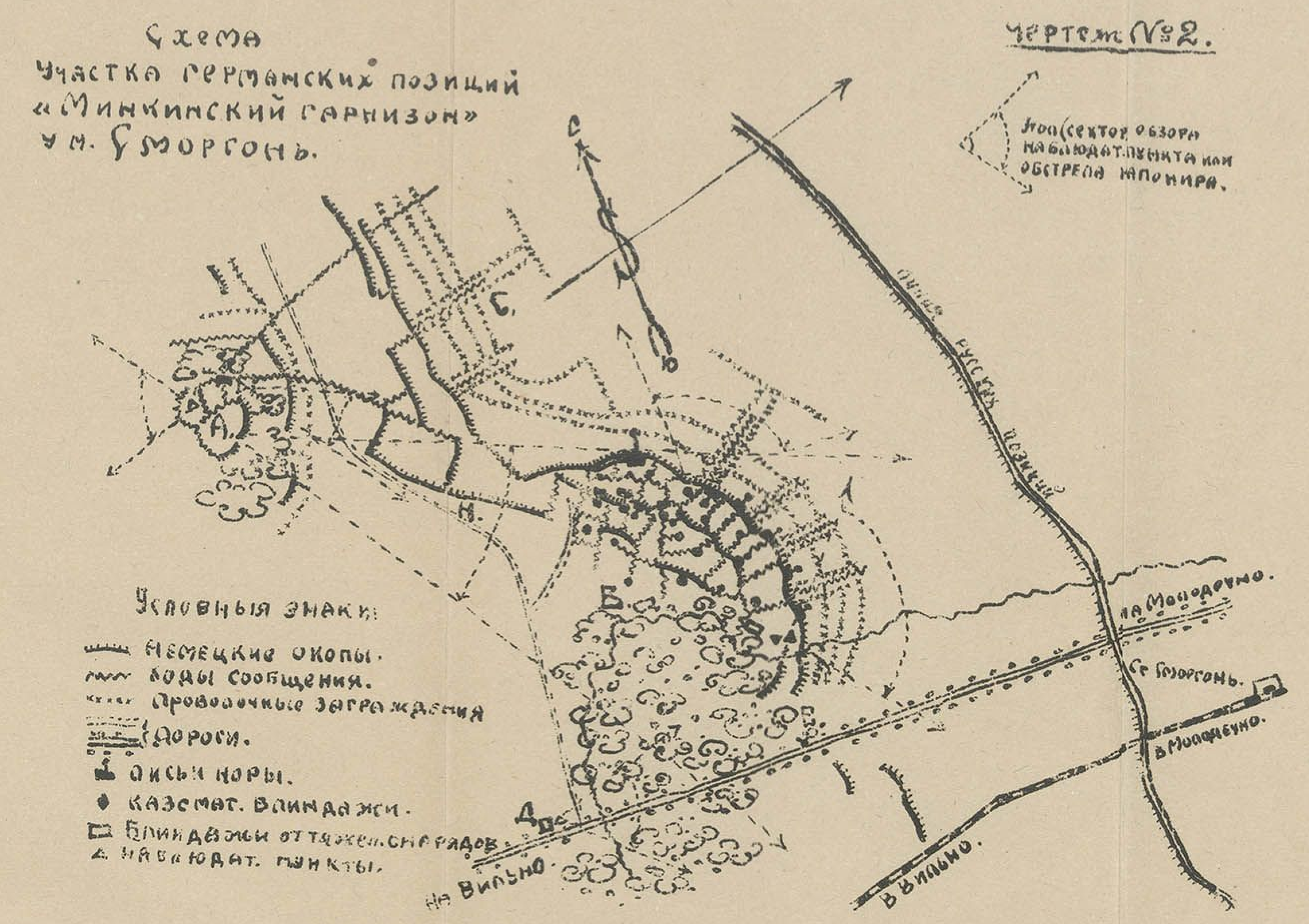
В проволочных заграждениях местами оставлены проходы не более 2-х шагов ширины.

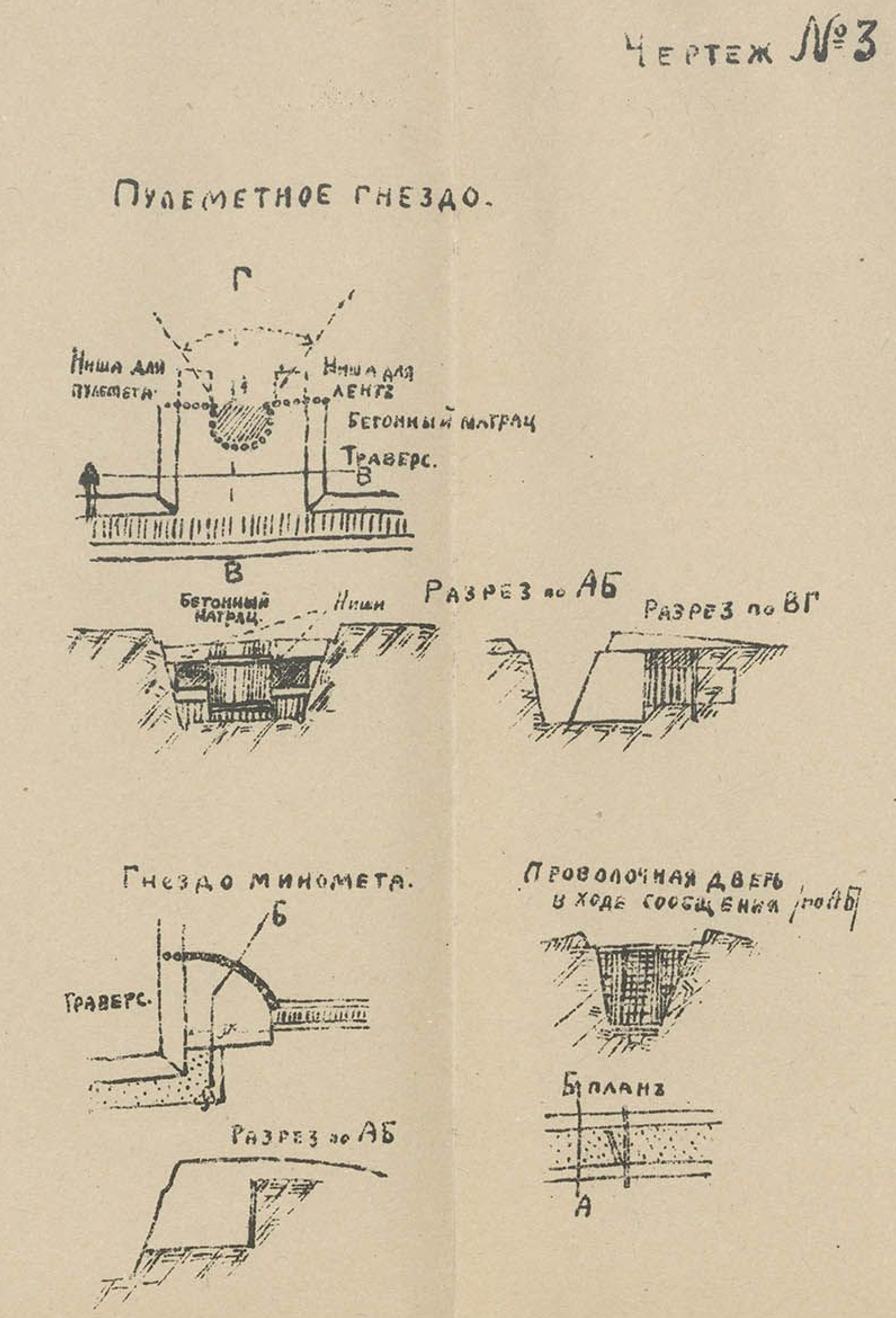
Тактические ключи позиции (группы на возвышенностях, у дорог и переправ) сильно выделяются: они укреплены несколькими линиями окопов с блиндажами от снарядов тяжелой артиллерии (бетонированными—черт. № 5), обеспечены от обходов траверсными и уступными участками позиции с общей огневой обороной.

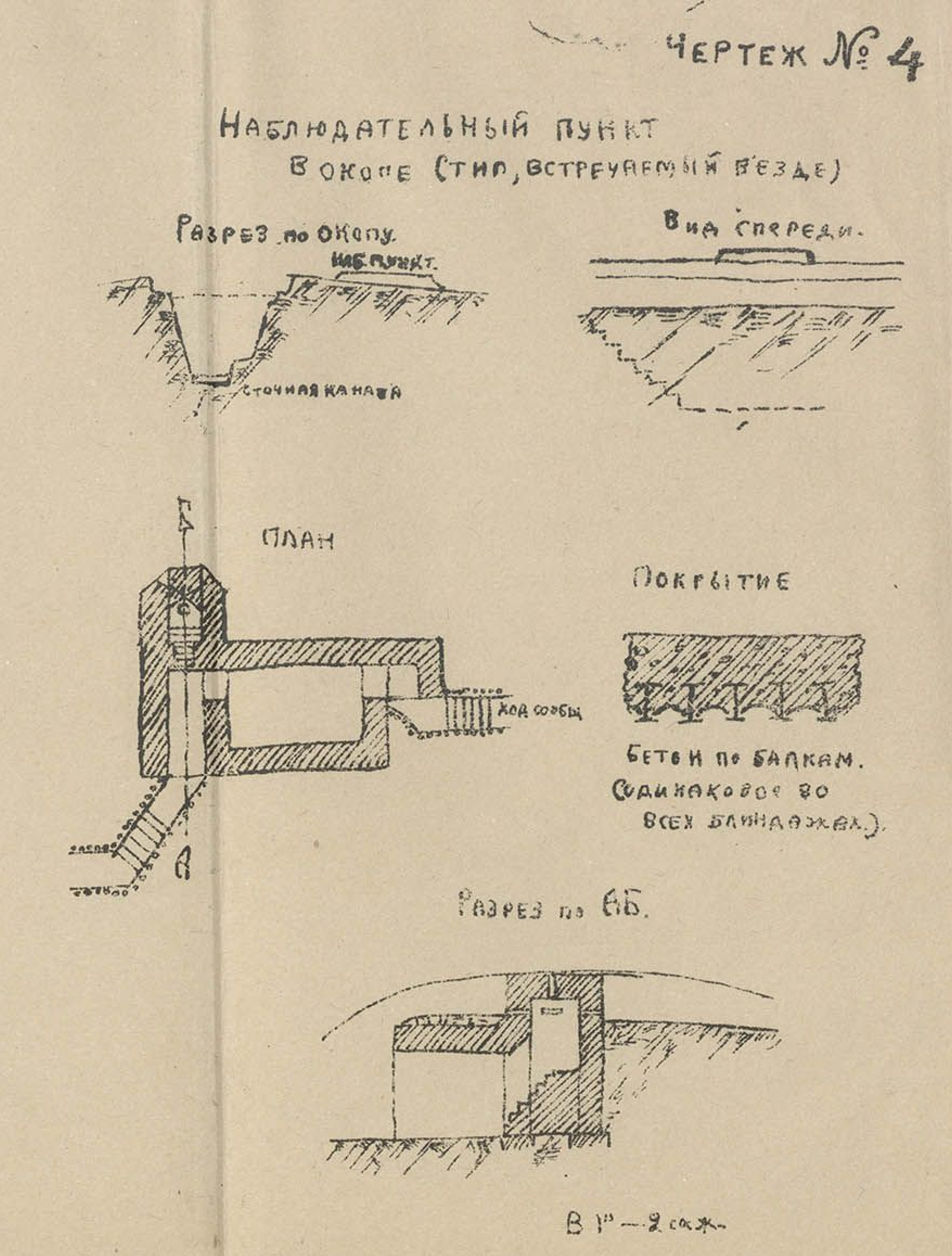
Окопы на возвышенностях—углубленной профили, в низинах—насыпные, одеты везде жердями или дерном (последний при крутых поверхностях насыпных окопов придерживается гладкой проволокой, натянутой рядами между врытыми в землю, с наклоном по профили насыпи, железными рельсами и балочками). Дерн хорошо принялся и держится превосходно, всюду, даже теперь.

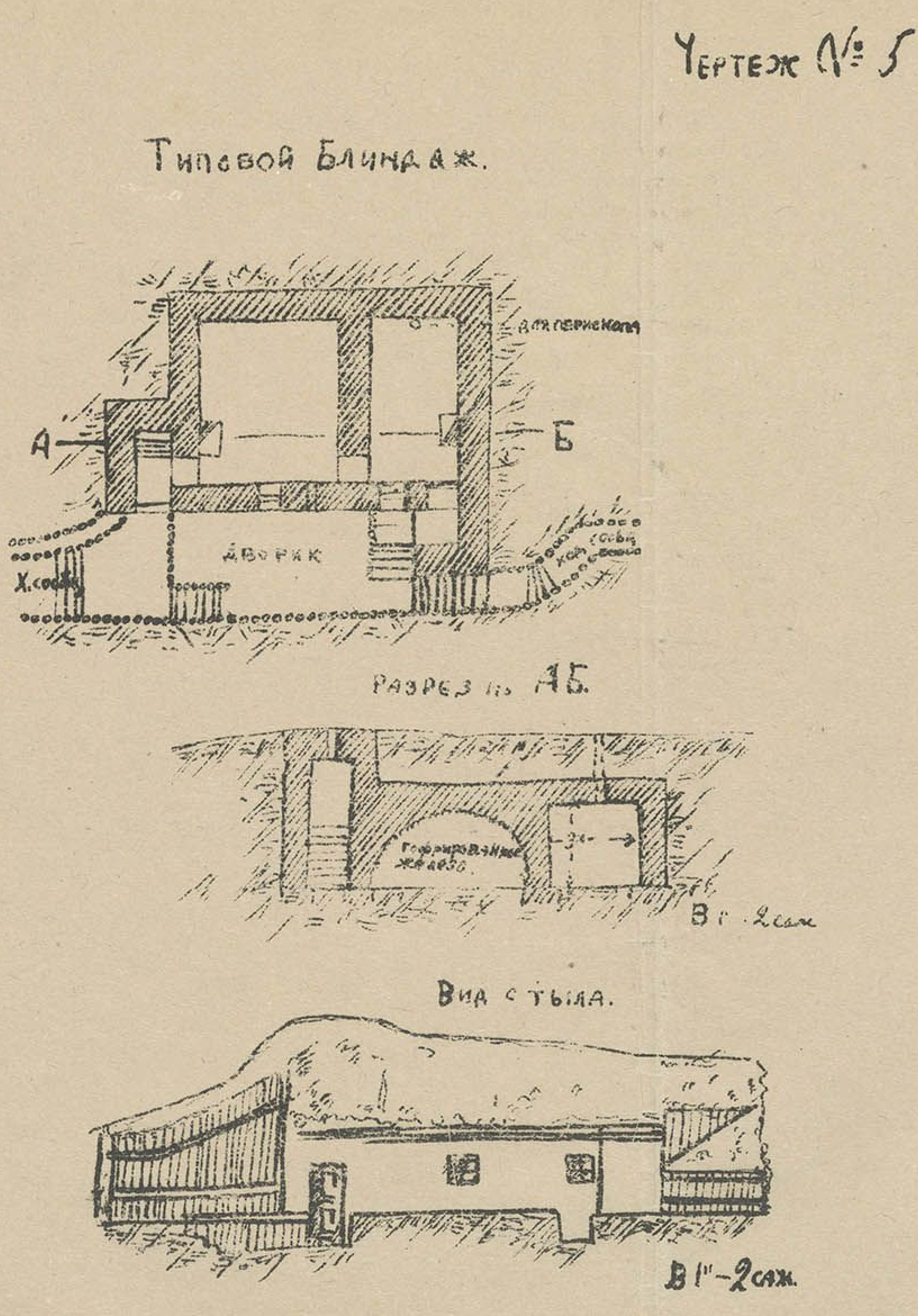
По дну окопов (и ходов сообщения) уложены мостки из досок, а также из деревянных плашек, связанных проволокой или скреплен-

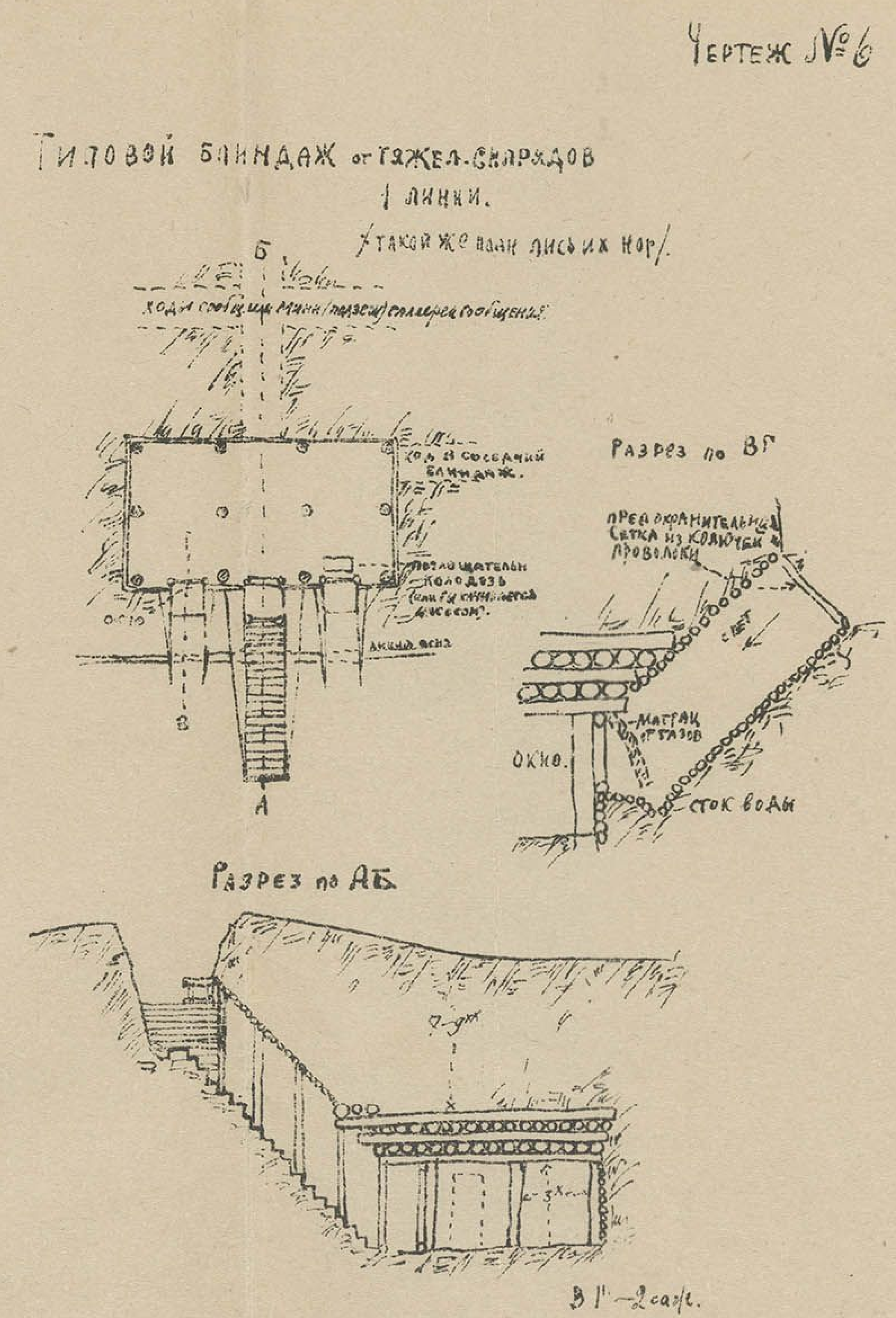

Чертеж №1
оз. Нарочь
оз. Вишневск
Условные знаки:
Германск. позиции
Дороги
Сморгонь
Молодечно
Крево
Р. Березина
Схема германских позиций 1915-1917 гг. - оз. Нарочь - Сморгонь - Вишнев. (район Молодечно).
Вишнев
В 1"-10 верст.

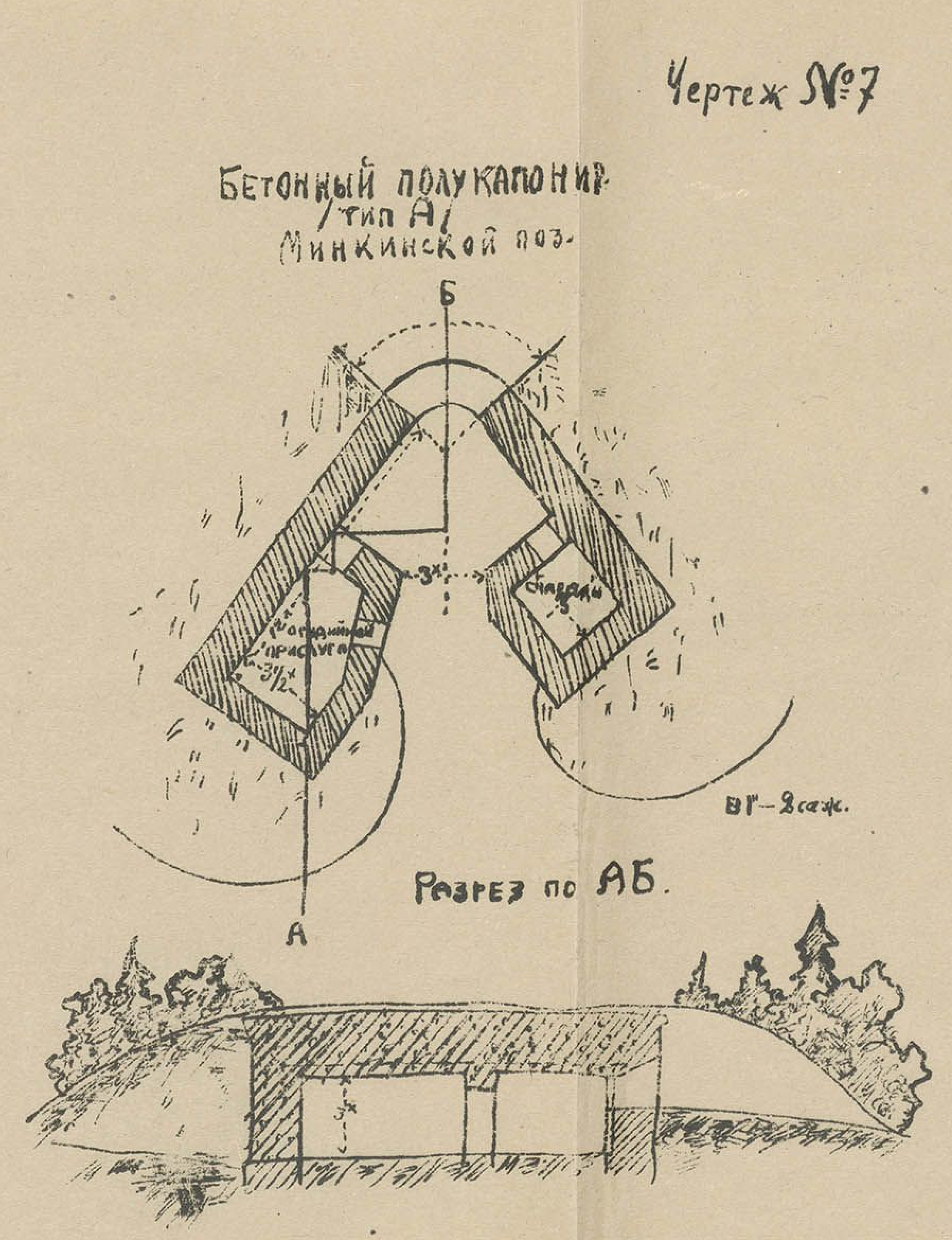

Схема участка германских позиций «Минкинский гарнизон» у м. Сморгонь.
Чертеж №2.
Условныя знаки:
Немецкие окопы
Ходы сообщения
Проволочные заграждения
Дороги
Лисьи норы
Каземат. блиндажи
Блиндажи от тяжел. снарядов
Наблюдат. пункты
на Вильно
в Вильно
на Молодечно
Ст. Сморгонь
в Молодечно

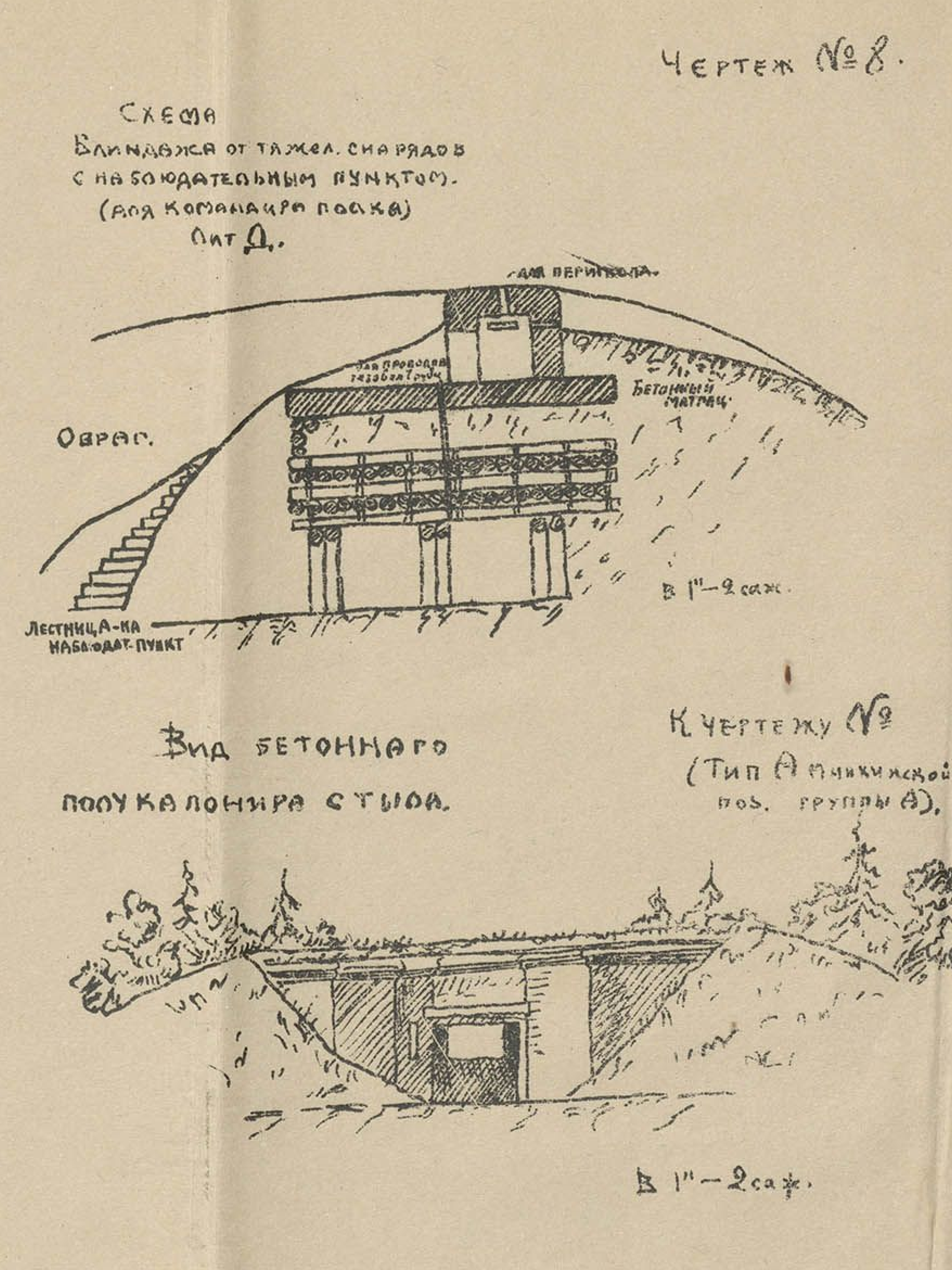

Чертеж №3
Пулеметное гнездо.
Ниша для пулемета
Ниша для ленты
Бетонный матрац
Траверс.
Разрез по АБ
Разрез по ВГ
Гнездо миномета.
Проволочная дверь в ходе сообщения
Траверс.
Разрез по АБ
План

Чертеж №4
Наблюдательный пункт в окопе (тип, встречаемый везде)
Разрез по окопу.
Вид спереди.
Сточная канава
План
Покрытие
Ход сообщ.
Бетон по балкам. (одинаковое во всех блиндажах.)
Разрез по АБ.
В 1"-2 саж.

Чертеж №5
Типовой блиндаж.
Дворик
Разрез по АБ.
Вид с тыла.
В 1"-2 саж.

Чертеж №6
Типовой блиндаж от тяжел. снарядов I линии.
(такой же план лисьих нор)
Разрез по ВГ
Сток воды
Разрез по АБ.
В 1"-2 саж.

Чертеж №7
Бетонный полукапонир /тип А/ Минкинской поз.
В 1"-2 саж.
Разрез по АБ.

Чертеж №8.
Схема блиндажа от тяжел. снарядов с наблюдательным пунктом. (для командира полка) Лит Д.
Овраг.
Бетонный матрац
Лестница на наблюдат. пункт
В 1"-2 саж.
Вид бетоннаго полукапонира с тыла.
К чертежу №7 (Тип А Минкинской поз. группы А).
В 1"-2 саж.

ных скобами. Под мостками — сточные канавки, для отвода воды в дренажные выпускные трубы или поглощательные колодцы.

Отвод воды сделан безукоризненно и даже теперь, без чистки и надзора в течение 2—3 лет, всюду отлично действует.

Ходы сообщения глубокие и широкие, были одеты дерном, жердями или досками. Большая часть одежды разрушена и разобрана местными жителями, но все-таки местами сохранилась до сих пор.

Всякий холмик, возвышение в тылу позиции (до 300 саж. от передовой линии) использованы для постройки наблюдательных пунктов разных конструкций (черт. № 2), особенно в узлах сопротивления. Сильно укрепленные тактические ключи образуют узлы сопротивления между слабыми промежутками.

Окопы богато оборудованы пулеметными площадками, большей частью (до 90%), открытыми (без покрытия от пуль и осколков), гнездами для минометов и бомбометов (черт. № 3). Позиция изобилует всякого рода убежищами (блиндажами, лисьими норами и пр.), наблюдательные пункты, как в первой линии, так и в ближайшем тылу, хорошо оборудованы и сделаны безопасными, вплоть до применения броневых башен (черт. № 10).

Для выхода из окопов на бруствер заделаны в землю бруствера железные и проволочные скобы, схватываясь за которые одной рукой, легко быстро выскочить на верх.

Конструкция покрытий от тяжелых снарядов очень сильная, в большинстве, в виде бетонной или железобетонной плиты, набитой на месте или, чаще, сложенной из заранее сделанных в тылу и привезенных на место постройки отдельных бетонных или железобетонных плит-элементов; под плитой несколько рядов бревен (черт. № 8).

Встречаются покрытия и из одних бревен: 6—8 рядов (6-ти вершковых), связанных шипным железом или употребляемым при железобетонных работах полосовым, $^1/_4$ дюйма толщиною, с дырочками овальной формы (черт. № 6).

В настоящее время деревянные части почти везде сгнили, или растащены жителями, бетонные же сооружения сохранились хорошо.

При осмотре позиции бросается в глаза отличное оборудование и приспособление сооружений для жизни войск: всюду было проведено электрическое освещение из центральных станций в ближнем тылу позиции; устроены водопроводы из насосов, поставленных в колодцы, с трубопроводами в блиндажи к умывальникам и водоразборным кранам; блиндажи покрыты гладким и волнистым железом, толем, брезен-

тами, оштукатурены внутри, побелены, окрашены, иногда оклеены обоями; снабжены окнами.

Для предохранения от газов, окна и двери прикрывались матрацами из клеенки, набитыми ватой и стружками; стекла в окнах—с внутренней железной сеткой, залитой в стекло, предохраняющей от разлета осколков, при взрывах вблизи окон артиллерийских снарядов и ручных бомб (черт. № 6).

В блиндажах—мебель: нары с проволочными упругими сетками, столы, табуреты.

Убежища, находящиеся в окопах, соединены между собой, с тылом и с соседними окопами телефонными проводами; в ближайшем тылу, за боевой линией, хорошо оборудованы центральные телефонные станции.

В тылу боевой позиции построена сильно развитая сеть узкоколеек, пересекающихся во всех направлениях; подвижной состав отсутствует, за исключением брошенных разбитых вагонеток.

Вблизи узкоколеек видны остатки бетонных заводов для изготовления бетонных и железобетонных плит, покрытий для блиндажей и для других сооружений.

В настоящее время, все вышеуказанное в полуразрушенном и запущенном состоянии, но, видимо, многое еще цело, ценно и годно для обороны.

Немцы и поляки не разрушали этих позиций, приберегая их на случай надобности (несомненно, разрушая, при всякой возможности, остатки русских позиций,—немцы, например, сдавали их с торгов для разборки и уничтожения). Мы, в 1918—1919 г.г., в течение нескольких месяцев, хотя с весьма небольшим успехом (через Трамот и Особую Комиссию), вывозили с них оборонительное имущество и приступили перед самым отступлением к основательному разрушению, но, как и в нынешнем году, к сожалению, мало успели сделать. Осмотр их в текущем году обнаружил большую боеспособность и заставляет считать позицию сильной для обороны.

Особенно важны в этом отношении хорошо сохранившиеся, как сказано выше, бетонные постройки, находящиеся в узлах сопротивления и на промежутках.

Для более детального ознакомления помещается здесь схематический план «Минкинского» узла (на немецких «досках-указателях» именуется «Минкинским Гарнизоном»), на месте деревни Минкин (район Сморгони) (черт. № 2).

Ближайшая к большой дороге из Вильно в Молодечно часть его укреплений разрушена в прежнее время, остальное хорошо сохранилось

На схеме показаны проволочные сети, окопы, ходы сообщения, расположение лисьихъ нор (которыми богато снабжены окопы первой и второй линии), блиндажей от тяжелых снарядов и наблюдательных пунктов.

Сильная группа В расположена на небольшой высоте,—почти на одном уровне с противолежащей нашей позицией. Группа С построена тоже на небольшой возвышенности, но более слабая (промежуточная). Долина между В и С—прикрыта проволочными заграждениями. За ходом сообщения, соединяющем группы В и С, расположен насыпной окоп Н, прикрывающий и маскирующий позиционную дорогу.

Группа А, тоже на несколько большей высоте, прикрывает орудийный полукапонир, обороняющий фланговым огнем подступы и проволочные заграждения группы В и обстреливающий весь ее тыл, на случай захвата группы противником (черт. № 7).

Группа А прекрасно замаскирована (вообще же немцы обычно пренебрегали маскировкой), вблизи ее не видно совсем воронок от наших снарядов (кроме одной—мортирного попадания, около амбразуры полукапонира, не повредившего его вовсе). При капонире (черт. № 7) помещение для дежурной прислуги и погреб для зарядов.

Назначение полукапонира—обстреливать продольным огнем своего орудия нашу позицию, идущую на юг от железной дороги (от станции Сморгонь). Вся она хорошо видна с наблюдательного пункта. При наблюдательном пункте—блиндаж (черт. № 9) с помещением для артиллеристов. Огонь этих групп дает прекрасную общую оборону. Окопы построены с изломами и на каждом изломе построено по пулеметному гнезду с нишами для укрытия пулемета и лент. Таких гнезд в группе В сохранилось 50 штук (черт. № 3).

Невдалеке, в тылу, у деревень Модки и Нареты расположена батарея с бетонными казематами.

Необходимо сказать про этот участок, в дополнение вышесказанного, что лисьи норы первой линии, кроме ходов сообщения, на поверхности земли между, входами в них,—связаны между собою еще подземными галлереями, обделанными голландскими рамами (черт. № 6).

Наблюдательные пункты, кроме наблюдения через щель, снабжены трубами для перископов. Во многих жилых блиндажах также поставлены трубы, приспособленные для наблюдения перископами (черт. № 4 и № 5). Ходы сообщения, в изобилии соединяющие все три линии окопов узла,—хорошо применены к местности и укрыты от наблюдения с нашей позиции; кроме того, они покрыты проволочными сетками, отчасти предохраняющими от внезапного вскакивания про-

тивника, проникшего в тыл окопов, а главное, маскирующими ходы от аэропланов (покрытием по сетке травой, ветвями и т. п., подходящим под цвет местности материалом, делаются неподдающимися фотос'емке с аэропланов).

Ходы сообщения в группе А приспособлены к обороне, снабжены пулеметными гнездами и, таким образом, превращают группу в кольцевой окоп—сомкнутый опорный пункт. Кроме того, в этой группе устроена вышка для наблюдения за своим тылом.

В тылу, у дороги, командный наблюдательный пункт (Д) (видимо для полкового командира),—из него хорошо наблюдается шоссе и правый фланг участка (по направлению дорог—самый важный и опасный). При пункте, в овраге, внизу, блиндаж с покрытием от тяжелых снарядов из 8 рядов 6-ти вершковых бревен и бетонного матраца. Блиндаж снабжен всеми удобствами: изразцовыми печами, стены побелены,—очевидно предназначен для штаба полка. По лестнице, одетой жердями, выход наверх блиндажа, на бетонную площадку, где устроен окоп на одно отделение и пулемет, защищающий наблюдательный пункт (черт. № 8).

Ручей, протекающий между группами Е и В, перегорожен сплошь проволокой; по берегу его расположены блиндажи, разбиты садики с клумбами, сделаны мостики, прикрытые проволочными заграждениями, обороняемыми из стрелковых окопов.

III.

Заключение.

Забота о безопасном, удобном и даже приятном пребывании на позиции—видна на германских позициях повсюду (на австрийских южных участках—еще более). Несомненно, последнее проводилось сверху и вменялось в обязанность всем частям войск. Тыл позиции—всюду приводился в порядок, (шла борьба с вековечной грязью, занимаемых войсками, наших деревень, делалось все возможное для украшения их улиц, в'ездов, кладбищ и мостов, избы тщательно дезинфецировались, стены обивались картоном, фанерой, оклеивались особой глянцевой белой бумагой, или белились), проводилось электрическое освещение, отрывались колодцы, строились легкие бараки.

Соблюдение порядка и чистоты требовалось на позициях еще строже, чем в тылу.

Такой же, разработанный тщательно порядок, граничащий с шаблоном, наблюдается и на самих укреплениях: явно выражено всюду стремление применять только испытанные типовые сооружения—«по утвержденным проектам». Это имеет свои преимущества перед ши-

рокой свободой проявления инициативы и фантазии—каждым строителем, каждым войсковым начальником. Меняя позиции, войска находили на новых своих участках те же главные постройки, ту же систему фланкирования, ту же систему ходов сообщения. Новым—оказывался только план участка и сила укрепления, зависевшие исключительно от местности и цели укрепления.

Заканчиваем эту статью сожалением, что мы не смогли из-за текущих событий изучить основательнее, по подлинникам, этот высокий образец инженерной обороны и будем пользоваться в будущем, вероятно, только немецкими источниками. Практически, потери от этого несем немного, так как несомненно долго будет немыслимо возникновение позиционной войны. Мимо этих позиций проходили два года не обороняя их. Если же она когда нибудь и начнется, то прогрессирующая техника пред'явит тогда новые требования, даст новые средства боя и заставит решать по новому задаваемые боевой обстановкой задачи. Поэтому современные детали—маловажны, а основные принципы своевремено выяснены и разработаны военно-научными силами обоих враждовавших сторон.

Б. Ибрагимов.

Выездка кавалерийской лошади.

Система езды и выездки кавалерийской лошади, принятая в России, настолько отстала от жизни, что нуждается в тщательном пересмотре и коренном изменении.

За два года существования Красной конницы, мы не выработали своего „Наставления для выездки лошади“*), а часть I-я строевого кавалерийского устава Рабоче-Крестьянской Красной Армии преподносит нам правила езды, вытекающие из „Наставления для выездки кавалерийской лошади“, издания 1902 года.

Пункт 5-й „Введения“ этого устава (стр. 8) гласит следующее: „Ввиду современных условий прохождения службы в кавалерии, в связи с краткими сроками обучения, равно как и условий выездки ремонтных лошадей, езда на мундштуке временно заменена ездою на уздечке (трензелях)“.

Таким образом, оказался не разрешенным самый острый вопрос о мундштуке, непригодность которого сказалась, как на опыте современной гражданской войны, так и на опыте последней империалистической войны.

Новый наш устав, считаясь, однако, с современными условиями, тем не менее, не решился окончательно порвать с основами езды и выездки, принятыми в царской кавалерии и, допустив езду на уздечке, лишь как временную меру, сохранил в себе все старые принципы.

В чем же заключается нежизненность старой системы?

Отвечая на этот вопрос, мы постараемся вкратце дать понятие об основах езды и выездки, выработанных в старой армии и от которых мы до сего времени не можем отрешиться.

„Наставление для выездки кавалерийской лошади“ было издано в 1902 году, и в нем изложены принципы, принятые офицерской кавалерийской школой. В этом и сказался главный недостаток системы. Офицеры постоянного состава школы, проводя целые дни в манеже и совершенствуя своих лошадей в высшей езде, постепенно забывали строевую службу и прямое назначение кавалериста и превращались в берейторов и „престарелых конюшенных мальчиков“. Те требования, которые должны пред'являться к строевому коню в поле, в бою, почти не принимались во внимание. Кавалерийская школа, увлекаясь всевозможными манежными трюками, отлично вырабатывала лошадей для „каруселей“ и плац-парадов, т. е. для всего того, что совершенно не нужно кавалеристу-бойцу.

Такая ненормальная односторонность об'ясняется, прежде всего, тем, что в основу системы, принятой кавалерийской школой, было положено учение Филлиса, знаменитого циркового наездника, англичанина, приглашенного в начале девятисотых годов в школу, в качестве старшего инструктора

*) Прим. ред. В настоящее время такое „Наставление“ уже в центре выработано, но на фронт еще не поступало.

верховой езды. Будучи прекрасным манежным ездоком, отлично понимающим лошадь и умеющим подчинить ее своей воле, Джемс Филлис, в самый короткий срок, ставил лошадей на „высшую школу", за что и получил прозвище „бога езды", но, как человек не военный, не мог понять того, что вся его система совершенно не применима для армии. Впрочем, этого не могли понять и высшие руководители кавалерийской школы.

В основу выездки было положено „искусственное равновесие" лошади, которое, по мнению кавалерийской школы, необходимо „для того, чтобы восстановить, утраченное под тяжестью всадника, природное равновесие" („Наставление для выездки". Стр. 3). Для этого „Наставление" рекомендует: „а) развить мускулы и суставы зада и сделать их настолько гибкими, чтобы задние ноги имели возможность свободно и равномерно подступать под туловище; б) уплотнить шею в холке и путем соответствующих упражнений развить мускулы шеи и затылка; в) поднять шею лошади, дабы передать центр тяжести коня с всадником от холки к заду и облегчить перед лошади вследствие чего передние ноги будут свободнее выноситься вперед".

Далее в „Наставлении" говорится: „Чем больше зад будет подведен под туловище, при высоко поднятой шее, тем сильнее будет перемещен центр тяжести лошади к заду. В зависимости от службы, к которой готовится лошадь, центр тяжести должен быть перемещен с переда на зад, в большей или меньшей степени". Однако, на стр. 4 „Наставление" сознается, что, „при подготовке лошадей к высшей езде, необходимо перемещать центр тяжести возможно ближе к заду, потому что все ее движения должны производиться на заду".

Вот в этом то и „собака зарыта". Дело в том, что вся эта запутанная и неестественная теория об искусственном равновесии применима лишь для высшей езды, а место высшей езде, с такими упражнениями, как „пиафе" и „испанский шаг,"—только в цирке.

Мы имеем основание предполагать, что для каждого ездока, не принадлежащего к числу поклонников Филлиса, но тем не менее знающего лошадь, вполне ясно, что задумываться над каким то искусственным равновесием, по меньшей мере, наивно. Естественно, что, согласно свойственному каждому животному инстинкту, лошадь всегда сумеет найти нужное ей равновесие, и для этого совершенно незачем заставлять ее подводить задние ноги под туловище, а шею ее подвергать какому то „уплотнению".

Теория искусственного равновесия была необходима Филлису для, так называемого, „сбора" лошади, который являлся краеугольным камнем всей выездки. Сбором называется такое положение лошади, когда она, двигаясь вперед от действия шенкелей всадника, подводит задние ноги под туловище, причем всадник трензельными поводьями ставит шею лошади, не давая ей опускать голову и одновременно набирая мундштучные поводья, заставляет ее сделать сгибание и „сдать в челюсти". В общем, лошадь шенкелями высылается вперед, а поводом задерживается, от чего она больше идет вверх, чем вперед. Одним словом, хорошо выезженная лошадь должна походить на „пряник". Такие „пряничные" лошади ласкали глаз старых кавалерийских генералов в манеже и на плац-парадах. Теперь у нас

вательно, нам не нужно и „пряничной“ теории езды, а на манеж и парады мы должны обращать как можно меньше внимания. Нам нужен конь боевой, а не манежный, парадный или цирковой. Ведь, естественно, что в поле, в раз'езде, в строю, ни один всадник не должен и не будет заботиться о том, чтобы лошадь шла больше вверх, чем вперед, и о том, чтобы она красиво несла шею.

Мы не брали бы на себя смелость отрицать теорию, по которой десятки лет выезжались лошади русской кавалерии, причем, как известно, русская кавалерия занимала в Европе не последнее место; но имея за собой известный опыт в деле выездки, после всестороннего изучения системы Филлиса, мы вполне сознательно считаем эту теорию мертвой в кавалерийском деле.

Отрицая „сбор“ лошади, мы, естественно, отрицаем и мундштук и считаем его совершенно ненужной „болтушкой“ во рту лошади.

Сторонники старой системы неоднократно указывали нам на то, что не ...кую лошадь всадник может удержать на одной уздечке, тем более, если лошадь эта горяча, норовиста и имеет склонность „таскать“; однако, наши оппоненты, очевидно, упускали из виду, что мундштук был необходим Филлису исключительно для выездки и постановки „сбора“ и что для удерживания лошади он ни в коем случае служить не может, т. к. „таскающая“ лошадь, при наличии мундштука, имеет большую площадь для упора и следовательно ей гораздо легче „таскать“ всадника.

Известно, что на скаковом кругу, во время утренней работы, 15-ти летние конюшенные мальчики, без всяких усилий, справлялись с горячими и нервными чистокровными двухлетками, а на эскадронных учениях в царской армии, нередко, сильного солдата выносила из строя какая-нибудь донская полукровка. На скаковом кругу, как известно, лошади работались на уздечках, а царская кавалерия имела мундштуки *). Отсюда ясно, что тут дело не в мундштуке, а в мягкости руки и в понимании лошади.

Выяснив нежизненность системы езды и выездки, мы считаем необходимым указать на бесцельность тех манежных упражнений, которые создала эта система.

Прежде всего, совершенно ненужными являются боковые движения или, так называемые, „принимания“. Упражнение это заключается в том, что лошадей, идущих в сбору, заставляют откидывать зад или перед во внутрь манежа и, согнувшись в боку и в шее (сбор в сторону движения), продолжать движение вдоль стены в „два следа“. Полагаем, что неестественность такого упражнения понятна каждому. Мы не отрицаем, что в строю всаднику очень часто приходится заставлять лошадь принять в ту или другую сторону, но для этого совершенно незачем заставлять ее, изогнувшись, двигаться вдоль стен манежа, придав голове ее неестественное положение.

По нашему мнению, хорошо выезженная лошадь (в том смысле, как выездку понимаем мы), под действием шенкеля и повода, всегда примет в сторону.

*) Во время последней империалистической войны почти все кавалерийские полки ...лись от езды на мундштуках, сдав таковые в обозы 2-го разряда. Б. И.

Ненужными упражнениями являются также манежные аллюры: сокращенная рысь и манежный галоп, которые основаны исключительно на сборе лошади.

Кроме того, мы отрицаем теорию взаимодействия шенкеля и повода, которая, к сожалению, целиком вошла в наш новый строевой кавалерийский устав. На стр. 35-й этого устава (часть I) говорится следующее: „при переходе из большего аллюра в меньший, следует, нажав шенкеля и подав корпус несколько назад, сделать полудержку и плавно перевести лошадь в новый аллюр, после чего прекратить усиленное действие шенкелей и поводьев“. Таким образом, например, для того, чтобы перевести лошадь с рыси на шаг, необходимо действием шенкелей подвести задние ноги лошади под туловище и вместе с тем набрать на себя повод. Иными словами, лошади пред'являются два диаметрально противоположных требования. Ее одновременно и высылают вперед, и задерживают. Применение той же „механики“ требуется и при остановках.

Вполне ясно, что действие шенкелей должно определенно указывать лошади на требование всадника двинуться вперед или усилить аллюр, при переходе же в аллюр меньший или при остановке, следует слегка откинуть корпус назад и мягко набрать на себя повод. В этом случае, никакого действия шенкелей (тем более усиленного) быть не может. Шенкеля следует лишь держать наготове, дабы лошадь не могла откинуть зада в сторону.

Что касается прыгания через препятствия, то „Наставление“ точно так же стоит на неправильной точке зрения, т. к. рекомендует первоначальное напрыгивание лошадей без всадника, на корде или в шпринггартене. По работе мускулов лошади, прыжок на свободе и прыжок под всадником не имеют между собою ничего общего. Опыт показал, что лошади, дающие отличные прыжки на корде, нередко совершенно не могут прыгать под всадником. Таким образом, напрыгивание на корде и в шпринггартене является непроизводительной тратой времени. Шприцгартен, кроме того, для напрыгивания крайне вреден, т. к. приучает лошадей итти на препятствия „полным махом“. Мы рекомендуем производить напрыгивание, хотя бы на самых незначительных препятствиях, под всадником и прибегать к корде в исключительных случаях, когда лошадь боится того или иного барьера, и всадник не может побороть ее страха. Говоря о посадке на прыжке, „Наставление“ рекомендует освобождать совершенно поводья и уклонять корпус несколько назад (стр. 112), а новый строевой устав требует освободить повод лишь настолько, чтобы дать полную свободу шее и голове лошади, корпус же, устав рекомендует, сохранять во все время прыжка в отвесном положении (стр. 59).

В обоих случаях и „Наставление“, и „Устав“ не правы. Прыжок, прежде всего, зависит от силы толчка задних ног лошади, а потому, подходя к барьеру, всадник должен, перед самым толчком, мягко согнуться в пояснице и слегка наклониться вперед, все время сохраняя (через повод) контакт со ртом лошади. Затягивание лошади, точно так же, как и бросание повода, крайне неблагоприятно отражается на правильности прыжка. Необходимо развить наибольшую чувствительность в кисти и в пальцах и „сдавать“ повод

лишь в той мере, сколько спросит его лошадь. Если всадник ведет лошадь на препятствие в поводу, а перед самым прыжком, неожиданно, освобождает его, то лошадь, потеряв упор, теряет и равновесие и сбивается с прыжка. Обыкновенно, в этом случае, лошадь останавливается перед барьером или закидывается в сторону.

На стр. 58-й строевого кавалерийского устава есть такая фраза: „Для прыгания через препятствия применяется обыкновенно галоп". С этим, конечно, никак нельзя согласиться. Если приучать лошадей брать препятствия на голопе, то они, обыкновенно, при одном виде барьеров, начинают горячиться и нервничать, вследствие чего не могут правильно расчитать прыжка. Мы считаем, что главное условие при напрыгивании лошади должно заключаться в том, чтобы она совершенно спокойно шла на любое препятствие. Не имея возможности, в настоящей статье, подробно излагать все приемы напрыгивания, которые мы с успехом применяли при подготовке лошадей к конским состязаниям, мы принуждены ограничиться общим указанием,—начинать напрыгивание, через самые незначительные препятствия, на шагу. Более повышенные барьеры следует брать с рыси. Галоп можно применять в исключительных случаях, и то, только тогда, когда лошадь вполне усвоила технику прыжка.

Указав на главные недостатки системы езды и выездки, которую мы в наследие получили от царской армии, мы считаем необходимым указать также на то обстоятельство, что „Наставление" имело в виду двухлетнюю под'ездку лошади (первый год в запасном кав. полку и второй год в действующем), что, конечно, не применимо при срочных формированиях красных конных полков.

Кроме того, система эта, по своей запутанности, крайне трудна для понимания рядового красноармейца. В царской армии имя Филлиса пользовалось большой популярностью, но систему его знали очень немногие строевые кавалерийские офицеры. Лошадей, действительно выезженных по всем правилам „Наставления", было не более 5—8 в каждом эскадроне.

Заканчивая настоящую статью, считаем не лишним сказать несколько слов о системе езды и выездки, принятой в итальянской кавалерии, которая по своей простоте, ясности и жизненности заслуживает особого внимания. Систему эту создал не цирковой наездник, а кавалерист, капитан итальянской службы Федерико Каприлли, изучивший лошадь в строю, на скачках, конкурсах и на пробегах.

Система Каприлли чрезвычайно проста. Отбросив мундштук, он добивался лишь того, чтобы безусловно подчинить лошадь своей воле и сделать из нее смелого, сильного и выносливого боевого коня, для которого в поле не должно существовать преград. Избегая манежа и сменной езды, Каприлли считал для выездки лошади необходимым:

1) Развить ее природные силы, путем постепенного втягивания в работу и сделать способной переносить тягости похода военного времени.

2) Развить мягкость рта, дабы лошадь была чрезвычайно чувствительна к управлению поводом.

Вполне выезженная, по системе Каприлли, лошадь должна удовлетворять следующим требованиям:

1) Иметь выработанные аллюры;

2) Спокойно итти в сомкнутом строю и смело отделяться от строя;

3) Спокойно и расчетливо преодолевать самые разнообразные препятствия в поле;

4) Смело итти на самые крупные спуски и под'емы;

5) Хорошо плавать, и

6) Быть совкой и ловкой.

Система капитана Каприлли была принята Пьенерольской кавалерийской школой и в настоящее время вводится во всей итальянской кавалерии.

При тщательном изучении итальянской системы, не трудно заметить некоторую ее односторонность, но, во всяком случае, она имеет все преимущества перед системой Филлиса.

В противоположность русской кавалерийской школе, увлекавшейся манежными трюками, Пьенерольская школа увлекалась полевой ездой и напрыгиванием лошадей на препятствия. *)

Для нашей Красной конницы, мы должны создать новую теорию езды и выездки, заимствовав все жизненное и дельное, как из итальянской системы, так и из системы казачьей езды, которая так же, как и система капитана Каприлли, гораздо жизненнее системы циркового наездника Джемса Филлиса.

Но за главную основу новой теории мы должны взять то, что нам дала сама жизнь и двухлетнее существование победоносной Красной конницы: что конь красноармейца должен быть не дрессированным цирковым животным, а его боевым товарищем, его главным оружием в борьбе с классовым врагом.

*) Основание выездки лошади по итальянской системе заключается в ежедневных прыжках через целую систему небольших барьеров, расставленных во всевозможных направлениях. Такого рода упражнения развивают природные силы лошади и делают ее ловкой и поворотливой. Б. И.

Поэтому [illegible] что [illegible] должна [illegible] следующим требованиям:

1) Нечто [illegible]

2) [illegible]

3) Спокойно и [illegible]

4) [illegible]

5) [illegible]

6) [illegible]

[illegible]

При [illegible]

[illegible] Фадикова.

В [illegible]

[illegible] Феликс [illegible]

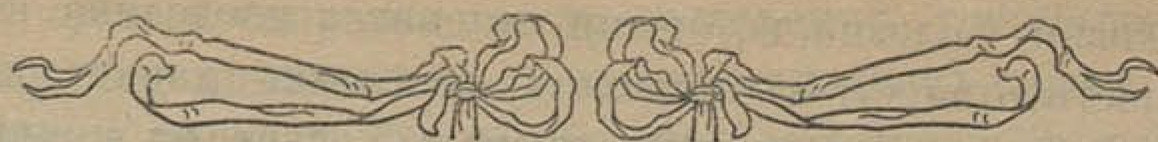
[illegible] что [illegible]

[illegible]

ОБЗОР

боевых действий Кр. Армии.

М. Волчанецкий.

На подступах к Варшаве. *)

(Действия артиллерии 2-й стрелковой дивизии в бою 14—17 августа).

I. Обстановка.

Быстрый отход армий западного фронта, который последовал за стремительным наступлением их, приведшим к стенам самой Варшавы, свидетельствует о том, что в принятом способе боевых действий были сделаны какие то отступления от боевых норм, превратившие безудержный успех в отход по всему фронту.

С этой точки зрения, изучение боя под ст. Воломин, овладение районом которой являлось конечным этапом для форсирования Вислы и взятия польской столицы, является весьма поучительным. Хотя удар противника, понудивший армии западного фронта к отступлению, пришелся мимо 2-й стрелко-

---

*) Описание боя артиллерии 2-й стрелковой дивизии, сделанное ниже, и разбор деятельности общевойсковых и артиллерийских начальников, если судить о работе последних с нормальной точки зрения, может привести к выводу, что участники боя на подступах к Варшаве были, попросту, во многих вопросах тактики — безграмотны.

В действительности, конечно, лица, занимавшие ответственные посты старших начальников, были прекрасно знакомы с правилами боевого применения своего рода оружия — артиллерии. Поэтому разгадку, кажущихся на первый взгляд странными, действий начартдива 2 т. Моисеева, следует искать в установившейся, вопреки всем принятым взглядам на условия целесообразной работы артиллерии, традиции считать легкие артиллерийские дивизионы неот'емлемой принадлежностью стрелковых бригад.

Имеющиеся документы и личная беседа с начартдивом заставляют утверждать, что т. Моисеев отнесся к своей работе вполне вдумчиво, прекрасно сознавал необходимость об'единенной, групповой работы артиллерии, приложил немало усилий к созданию, под руководством командира 1-го легартдива, группы для борьбы с бронепоездами и к направлению, вообще, всей работы артиллерии в нормальное русло.

Если же, несмотря на это, деятельность артиллерии 2-й стрелковой дивизии, в описываемом бою, поражает забвением элементарных тактических истин, то вину в этом следует искать отнюдь не среди артначальников; то традиционное прикрепление легкой артиллерии к бригадам, о котором говорилось выше, как оказалось, настолько в'елось в плоть и кровь общевойсковых начальников, что все попытки выделить, хотя бы одно орудие, в группу определенного назначения, казались преступлением, превышением власти и нарушением основ организации и тактики. В таких условиях, надо думать, редкий начальник сумел бы сделать больше, чем выполнил т. Моисеев.

Имеющийся материал для описания боя 14—17 августа пока далеко не полон. От автора ускользнули многие интересные и важные эпизоды, чрезвычайно характерные для выяснения общей картины событий, разыгрывавшихся на подступах к Варшаве. Автор на-

вой дивизии, болезни, которыми занемогла последняя, в результате шестисотверстного перехода, настолько характерны, что освещение их может пролить не малый свет на причины неуспеха красных армий.

Не задаваясь широкой переспективой,—выяснить причину отступления,—что не подлежит оценке с артиллерийской точки зрения, пользуясь имеющимся материалом, можно наметить некоторые детали, характеризующие положение, в котором Красная артиллерия вела бой на подступах к Варшаве.

Описание действий артиллерии 2-й стрелковой дивизии 13—17 августа, сделанное ниже, не может претендовать на полноту, вследствие отсутствия данных с польской стороны, и утраты некоторых журналов военных действий с нашей; вместе с тем, будучи составлено на основании одних артиллерийских материалов, оно, быть может, несколько односторонне и не даст картины всего боя.

За этими поправками, дело под ст. Воломин рисуется в таком виде.

Следуя за отходящим противником, 2-я стрелковая дивизия подходила к Варшаве. 13 августа был отдан приказ по дивизии продолжать наступление и к исходу 14 августа, овладев районом: Радимин—Станиславов—Пустельник—Геленов (чертеж № 1), выйти на линию р. р. Королевский канал—Новый канал, „выслав усиленную разведку на р. Вислу, с целью тща-

---

деется, что впоследствии ему удастся восполнить видимые ему самому, но неустранимые пока, пробелы и дать более полное освещение истины.

Чрезвычайно трудно судить о событиях, живое впечатление о которых еще свежо в памяти; не менее затруднительно и разбирать действия людей, с положением которых, в момент отдачи того или иного распоряжения, со стороны, быть знакомым нельзя. Безусловно, la critique est aisee, mais l'ar est difficile; но автором руководит вовсе не желание судить, ни, тем более, осудить кого либо, а только стремление, указанием на раз сделанные ошибки, избегнуть повторения их в будущем.

Быть может, некоторые общевойсковые начальники, увидев воочию, к каким тяжелым последствиям может привести прикрепление легкой артиллерии к бригадам, согласятся с автором, исповедующим, что для успеха артиллерийской работы часто бывает необходимо об'единенное управление, под начальством одного артиллериста, значительно большего числа орудий, чем включает в себя нынешняя стрелковая бригада, что считать бригадные артиллерийские группы каким то nec plus ultra, готовым распределением артиллерии на все случаи боя,—значит совершенно отрицать значение обстановки, как фактора повелевающего. Быть может, они поймут, что, сплошь и рядом, старшие артиллерийские начальники вполне логичны в своих требованиях временно из'ять часть артиллерии из состава бригад и что эти требования диктуются отнюдь не каким то артиллерийским сепаратизмом, а здравой оценкой обстановки.

Если в этом направлении произойдет хотя бы незначительный сдвиг, автор будет считать свою миссию выполненной.

тельной рекогносцировки реки, выяснения группировки сил и укрепления противника на левом (западном) берегу р. Вислы, а также определения наилучших подступов и переправ" (приказ № 088). Начарту, тем же номером, приказывалось: „выслать разведку, с целью определения артиллерийских позиций, обеспечить части достаточным количеством огнеприпасов".

Участок дивизии определялся расграничительными линиями: на севере—д. Садова—Багно—г. Радимин; с юга—д. Проховня—д. Домброво-Шляхецка—д. Пустельник. Соседями ее являлись: справа—27-я и слева—17-я стр. дивизии, действовавшие: первая—на участке Липки—Домбровка и вторая—в районе г. Ново-Минска.

В состав дивизии входили 4, 5 и 6 стрелковые бригады 3 легких артиллерийских дивизиона (6 батарей), 1 тяжелая и 1 гаубичная батареи 2-го гаубичного артдивизиона (другая с управлением дивизиона находилась в это время в г. Старый Быхов, Гомельской губернии).

Состав артиллерии определялся следующей таблицей:

Наименование частей.	Число батарей.	ОРУДИЯ.				Комсостава.	Красноармейцев.	Лошадей.
		3″. пш.	48″ гб.	42″ пш.	6″ гб.			
1 легкий артдивизион . .	2	8	—	—	—	18	447	213
2 " " . .	2	8	—	—	—	14	400	214
3 " " . .	2	7	—	—	—	17	402	230
2 гауб. артдивизион . .	1	—	2	—	—	5	117	63
2 тяж. " . .	2	—	—	2	—	18	399	178
Итого . .	9	23	2	2	—	72	1765	898

Как видно из предыдущего, начдив считал, что противник отошел за Вислу, прикрываясь которой, он попытается оказать сопротивление дальнейшему продвижению красных. На деле же вышло иначе.

Поляки укрепились на линии г. Радимин—Геленов—Чарна Стара—ст. Воломин—Лесняковизна—м. Окунев (чертеж № 2) и, видимо, решили оказать отчаянное сопротивление. 27-я дивизия, сбившись со своих расграничительных линий, завязала бой на линии Мокре—Радимин—Цемне, левее 17-я дивизия, развернувшись к югу от железной дороги, повела атаки на Оссов—Окунев.

При этом, как пишет начартдив 2, 27-я и 17-я дивизии, „игнорируя директивы, ими полученные, лелеяли лишь одну мысль,—первыми войти в Варшаву, совершенно не учитывая возможности защиты города со стороны поляков“, к тому же, „за дивизиями, перешедшими расграничительную линию, следовали их обозы, внесшие путаницу и невообразимый хаос. Плачевное столкновение с противником 81-й Крестьянской бригады (27 дивизии) и ее отступление внесло еще большую запутанность, так что потребовалось много времени, чтобы установить порядок и водворить части на свои места“.

Таким образом, артиллерии 2-ой дивизии, вместо предполагавшегося безпрепятственного продвижения, пришлось вести неожиданный бой с противником, оборонявшимся, как увидим ниже, чрезвычайно активно. Смешение частей, паника в 81-й бригаде и „хаос“ в тылу отнюдь не благоприятствовали действиям батарей. Бой еще только начинался, а „батареям (уже) было приказано принять все меры предосторожности“, на случай неуспеха (журнал военных действий 3-го легкого артдивизиона 2-й дивизии).

Следуя полученным указаниям, дивизия развернулась на участке Радимин—Цемне—Геленов—Чарна-Нова (чертеж 3).

Местность, на которой ей предстояло действовать, представляла, в общем, равнину, однообразно пересеченную многочисленными дорогами, поросшую отдельными лесками и чрезвычайно густо населенную. Такой характер, с одной стороны, благоприятствовал развертыванию и маневрированию артиллерии, с другой же, предоставляя такие же удобства и противнику, благодаря плохим условиям наблюдения, весьма затруднял ведение огня.

Северная часть позиции, в районе Радимин—Чарна-Стара, имеет более открытый характер, с некоторым командованием в стороне противника.

Кирпичный завод, западнее Цемне, и группы отдельных деревьев, южнее этой деревни, могли служить неприятелю отличными наблюдательными пунктами. В восточной стороне преобладал лесисто-болотистый и кустарниковый характер местности, который нарушал треугольным, открытым клином плато у д. Геленов. Закрытия позиций имелись только на правом фланге, в районе Викторов—Раштов, и на южной оконечности

к северу от д. Загосцинец. Наблюдательные пункты с широким кругозором совершенно отсутствовали.

Другая половина, на которой сосредоточились боевые действия после 16 августа, имеет более закрытый характер. Ее покрывают две группы лесов: одна—в районе Чарна-Стара—Добчин и другая—к югу от линии Мостувка—Грабич. Первая расположена перед фронтом неприятельских окопов и своей массой затрудняет наблюдение за ними. Разветвления ее, продолжаясь на восток отдельными рощицами до д.д. Цуховец—Добчин, обеспечивают скрытый подход к наблюдательным пунктам на нашей стороне; пунктами такого рода здесь могут служить: у противника—отроги к югу от высоты 51,3 и возвышенности около д. Грабич, а южнее—опушки лесов.

С восточной стороны аналогичное значение имеет район, прилегающий к железнодорожному полотну, который и привлек к себе главную массу артиллерийских наблюдательных пунктов.

Позиции для батарей, благодаря отсутствию глубоких естественных закрытий, почти исключительно маскированные, за дер. Грабе-Нове и Грабе-Старе, и наблюдались со стороны ст. Воломин. Скрытое маневрирование артиллерии обоих сторон наличными масками вполне обеспечивалось.

Такой характер местности представлял большие удобства для обороняющегося. Скрывая его позиции и препятствуя организации перекрестного наблюдения, он дробил артиллерийский огонь и лишал его планомерности. Наличие железной дороги позволило противнику, кроме того, ввести в бой бронепоезда.

Сознавая значение удержания линии Радимин—Окунев, поляки сосредоточили здесь отборные силы и подтянули большое количество артиллерии крупных и мелких калибров. Исходя из данных разведывательного отделения штаба западного фронта, можно считать, что здесь действовало около 3-х польских дивизий, приблизительно с 60 легкими и 40 тяжелыми орудиями.

Красные же могли противопоставить им только перечисленные выше 9 батарей и то полностью, как увидим, в бой не введенных. Положение артиллерии 2-й стр. дивизии ухудшалось еще тем обстоятельством, что безлошадная, резервная группа, под начальством командира гаубичного дивизиона Смирнова, включавшая половину всей наличной гаубичной и тяже-

лой артиллерии, отстала и только подходила к г. Седлец. Та же судьба постигла и парки,—артиллерийский и ружейно-пулеметный.

Таким образом, положение огнепитания, по выражению начартдива, было «отчаянное», на орудие оставалось по 100—120 снарядов. Зарядных ящиков не было и доставка патронов производилась на обывательских подводах. Посланный к паркам транспорт снарядов не доставил, так как обратный путь его оказался перерезанным прорвавшимся противником. Соседи были в аналогичном положении и помочь не могли. Приходилось, следовательно, расчитывать исключительно на свои силы и на тот небольшой запас, который оставался при батареях.

В таком состоянии застало артиллерию 2-й стр. дивизии утро 15 августа. Батареи расположились следующим образом:

Первый легкий дивизион в резерве, вместе с 4-й бригадой.

Второй легкий дивизион действовал на правом фланге с 5-й бригадой, 3-я батарея в движении, с 14 стр. полком, 4-я, в полночь, 14 августа прибыла в г. Радимин, совместно с 15 полком.

Третий легкий дивизион стоял на позиции на участке 6-й бригады, 5-я батарея на восточной окраине д. Грабе-Нове, 6-я—на северной. Наблюдательный пункт 6-й батареи—у фольварка без названия, к ю.-з. от д. Загосцинец.

Тяжелая группа, в составе 1-й тяжелой и 2-й гаубичной батарей в резерве, в господском дворе Цигов (чертеж 2).

Общей конкретной задачи всей артиллерии первоначально дано не было. Начарт, в свою очередь (приказ № 034), предложил командирам дивизионов, «оставаясь в непосредственном подчинении комбригов, все распоряжения получить от них», и разработав боевую задачу, донести о ней.

Вследствие этого, тесного об'единения работы артиллерии на участке дивизии не было. Впрочем, его и быть не могло, так как задача артиллерии вытекает из задачи дивизии, а последняя, как видим, втянулась в бой случайно и в первый момент направлялась инициативой комбригов, а не приказом начдива, который имел в виду совершенно другую обстановку.

Руководящую роль, следовательно, должны были играть командиры дивизионов. О том же, что делали последние, нет данных судить. Все журналы военных действий об оперативных распоряжениях комдивов не упоминают; скорее начарт

руководит батареями, в пределах компетенции комдивов, чем последние. Поэтому, вероятнее всего предположить, что командиры дивизионов ограничились передачей батареи приказания начарта, проявляя лишь весьма малую долю личной инициативы.

Общая работа определилась так: второй дивизион — содействие 5-й стр. бригаде, действовавшей на правом фланге дивизии; 5-я и 6-я батареи занимают позиции, «приготовившись к самообороне»; 6-я батарея назначалась для обстрела железной дороги, и директрисса ее стрельбы была направлена на железно-дорожную будку у господского двора Липины, 5-я же должна была помогать 150 стр. полку, действовавшему на участке Мостувка—Майдан.

II. Ход боевых действий.

15 августа.

Роль застрельщика выпала на долю 2-го дивизиона. Противник, сосредоточив на правом фланге большие силы, повел наступление на гор. Радимин; 3-я батарея заняла позицию в районе Викторов — Крашев, поддерживая огнем 14 и 15 полки. В 14 ч. 5 м. противник занимает западную окраину г. Радимин; 4-я батарея, отступая, становится на позицию в районе деревни Крашев и присоединяет свой огонь к стрельбе 3-й батареи. Не ограничиваясь занятием г. Радимин, противник продолжает теснить 5-ю бригаду в юго-восточном направлении, так что батареям приходится вести огонь на прицелах 20—30.

На крайнем левом фланге участка поляки также повели наступление; в виду неопределенности положения, 5-ю батерею к 15 ч. 30 мин. пришлось снять и перевести на позицию в 300 саж. северо-восточнее дер. Загосцинец (чертеж 3).

К 16 ч. 30 м. обстановка рисовалась в следующем виде: 27-я дивизия вела бои справа от 2-й дивизии; на левом фланге 49-я и 50-я бригады 17-й дивизии атаковали противника на участке к югу от д. Липины, с целью выхода в направлении Туров — Оссов. Противник, при поддержке своей артиллерии и трех бронепоездов, оказывал упорное сопротивление, переходя в контр-атаки.

Начдив решил притти на помощь 17-й дивизии, для чего выдвинул из резерва 4-ю бригаду и приказал ей в $17^1/_2$ час. перейти в решительное наступление, с целью занятия станции

и дер. Воломин и выхода на линию Нова-Весь--фл. Воломинек (черт. 3). Начарту было отдано распоряжение: «поддерживать наступающие части, организовав борьбу с бронепоездами, артиллерией и уничтожение живых целей» (опер. телегр. № 249/пол.).

Во исполнение этого, начарт выдвинул на позицию 1-й легкий дивизион и 1-ю тяжелую батарею, расположившиеся следующим образом: первая легкая батарея — на вост. окраине дер. Грабе-Нове, вторая — на северной (черт. 3). Наблюдательные пункты: командирские, обоих батарей, на выс. 46,1 и передовые: 1-й батареи—у второй жел. дор. будки от ст. Воломин, 2-й батареи — в г. дв. Липины. Управление 1-го легартдива, со штабом 4-й бригады, в дер. Надбель. Тяжелая батарея стала на позицию восточнее дер. Грабе-Нове, имея один наблюдательный пункт на фольварке, вместе с 6-й легкой батареей, и другой в жел. дор. будке, вместе с батареями 1-го легкого дивизиона. Всем им была поставлена задача,—борьба с бронепоездами, разрушение жел. дор. полотна и помощь пехоте при взятии ст. Воломин.

К 18 ч. 4-я бригада перешла в наступление, и 18 полк занял дер. Нова-Весь. По распоряжению начартдива, 6-я батарея переносит огонь одного взвода для помощи полку. 5-я батарея стреляет по высоте 51,3, расчищая дорогу 16-му полку. Последний, однако, подойдя к проволочным заграждениям, залег и, встреченный сильным артиллерийским огнем противника, отошел.

Бой разгорался по всему участку; ружейная, пулеметная и орудийная стрельба достигли апогея. Наши части, расположенные южнее 16 и 18 полков, стали продвигаться к ст Воломин, но, под давлением бешенного огня противника, могли дойти только до г. дв.—д. Липины, где и залегли у проволоки.

С целью помешать дальнейшему наступлению 4-й бригады, противник ввел в бой бронепоезда, подошедшие вплотную к ст. Воломин. С одной жел. дор. платформы поляки сняли орудие, поставив его в кустах в районе станции. Отсюда они могли поддерживать косоприцельный огонь во фланг и тыл 18 полку, находившемуся в дер. Нова-Весь, и обстреливать в упор дер. и г. дв. Липины.

С этого момента намечается перелом. Полки, утомленные предыдущими боями и деморализованные успехом поляков на участке 27-й дивизии, теряют наступательный дух. Противник,

ободренный неуспехом наших атак и удачными действиями бронепоездов, начинает настойчивые контр-атаки, прикрываемые огнем многочисленных батарей. Ночь застает пехоту в цепи, по линии Нова-Весь—дер. Липины. Поляки дерзко выдвигают свои орудия вперед. Несмотря на наступающую темноту, бронепоезда продолжают курсировать по линии, непрерывно нанося полкам потери. Красной артиллерии, вообще, трудно было бороться с ними, так как железнодорожное полотно было видно лишь участками, через которые противник легко проскакивал, при ночной же темноте бронепоезда могли действовать совсем безнаказанно. Только ст. Воломин, после того, как по ней, к вечеру, пристрелялась 42 лин. батарея, стала для поляков недосягаемой, и находившееся там орудие было убрано.

16 августа.

Иллюстрацией условий, в которых приходилось в это время действовать батареям, может служить следующий факт. Перед наблюдательным пунктом 6-й легкой батареи, находившемся на флв., что ю.-з. от д. Загосцинец, вплоть до самых позиций противника у дер. Славек (южнее дер. Нова-Весь), в пехотном расположении существовал перерыв. Это пространство, видимо, не освещалось полковой разведкой, потому что около 1 часу ночи разведка противника, числом не более 10 человек, прошла между дер. Славек и жел. дор. полотном и, пройдя шагов на 200 к наблюдательному пункту, обстреляла его ружейным огнем; угроза захвата, создавшаяся в виду отсутствия вблизи пехоты, заставила наблюдателей временно отойти к месту расположения штабов 16 и 18 полков.

Около 2 часов 16 августа бронепоезда противника, после двухчасового перерыва, вновь открыли огонь. Потушить его было приказано тяжелой батарее, которая, израсходовав около 50 снарядов, добилась этого.

Необходимость принятия более действительных мер против бронепоездов побудила вынудить одно орудие 6-й батареи выйти на жел. дор. полотно г. дв. Липины; однако, распоряжение это было отменено, в виду отхода пехоты, и орудие вернулось на прежнюю позицию.

Ночью и днем 16 августа на левом фланге дивизии было относительное затишье, прерывавшееся только выступлениями бронепоездов. Между 5 и 6 часами, 6-я батарея, несмотря

на обстрел, вела удачный бой с бронепоездом, заставив его удалиться.

В 17, 19 и 23½ час. поезда появляются вновь и вступают в борьбу с легкими и тяжелыми батареями красных. В некоторых случаях последним удавалось добиться частичного успеха, кладя удачные попадания вблизи бронепоездов и заставляя их менять позиции. Но решительного успеха, благодаря трудности наблюдения и необходимости экономить снаряды, не было достигнуто ни разу. Противник же, пользуясь близостью Варшавы, патронов не жалел, и достигнутые красными небольшие успехи были окуплены ценою крови.

Положение 17-й дивизии на участке Мостувка—Майдан продолжало оставаться сомнительным. Моментами обозначался явный перевес на стороне противника, так что часть батарей принуждена была временно менять позиции.

На правом фланге 2-й дивизии, противник, утром, около 4 час., оттеснив части 27-й дивизии, обошел 13 и 15 полки в районе Геленов. Вследствие этого, пехота отошла на Ржиск—Добчин, где сосредоточились также 235, 238 и 240 полки 27-й дивизии. Об этом, со слов командира 13 полка, случайно узнал командир 5-й батареи, который уведомил об отходе и 16-й полк. Командир последнего выслал в Геленов, для заполнения прорыва, 2 роты; роты эти впоследствии, под давлением поляков, оставили Геленов. Посланная комбатом 5. в д. Ржиск, разведка донесла, что деревня свободна от войск. Через 10 мин. от 16 полка пришло извещение, что в д. Ржиск вошел противник.

Так как 13 и 15 полки в это время расположились на линии Добчин—Загосцинец, батарея оказывалась стоящей почти в пехотной цепи. Расчитывая, что полки 27-й дивизии, предполагавшие возвратить Крашев обратно, приведут в исполнение свое намерение, командир 5-й батареи продержался до 8 час. 40 мин., когда получил приказание сняться с позиции и перейти в район дер. Грабе-Старе. По занятии этой позиции, вновь была выслана разведка, донесшая, что дер. Добчин продолжает оставаться в наших руках, что в ней находятся 14 и 15 полки, а 13 полк занял линию Добчин—Загосцинец.

В то же время действовавшие с 5-й бригадой батареи, оставив свои позиции у Викторова и Крашева, перешли юго-восточнее и расположились: 3-я—у дер. Добчин и 4-я—г. дв. Липка. Намечавшиеся попытки овладеть Крашевым успеха,

видимо, не имели, так как на 17-е число батареи продолжали оставаться на последних занятых позициях. *)

К полуночи 16 числа части занимали такое положение: 5-я бригада удержалась на линии Добчин—Загосцинец; 2-й легкий дивизион, как сказано, на позиции у Добчин—Липка; 6-я бригада—на прежней линии выс. 56,1—Нова-Весь; 5 и 6 батареи на позициях у Грабе-Нове, 4-я бригада у г. дв. и дер. Липины; 1-й легкий дивизион продолжает оставаться у д. Грабе-Нове, 1-я тяжелая батарея, снимавшаяся утром, в виду неопределенного положения на левом фланге, в 19 час. вновь заняла прежнюю позицию, восточнее д. Грабе-Нове. Гаубичная батарея попрежнему в резерве, в д. Мостувка. Штаб артиллерии дивизии, бывший до того в д. Лясковизна (черт. 5), в 23 ч. переходит в Мендзылесь.

16 Августа дивизией была получена новая задача,—сменить части 17-й дивизии на участке Воломин—Забранец, имея в виду нанесение решительного удара в направлении Туров—Оссов.

Приказом по дивизии № 089, бригады, а, следовательно, и действовавшая с ними артиллерия, перемещались след. образом (черт. 4): 4-я бригада—на участок г. дв. Липины—Мостувка, имея в виду удар на дер. Кобелка; 6-й бригаде, по смене ее 27-й дивизией, сменить части 17-й дивизии на участке Мостувка—Майдан, с целью выхода на Оссов—Туров. 5-й бригаде, по смене ее 27-й дивизией, перейти в Кольно, после чего, выделив один полк в дивизионный резерв в Ренчай, остальными сменить части 17-й дивизии на участке от Ценцива до Малков (исключ.), имея в виду содействие соседней 6-й бригаде и обеспечение левого фланга дивизии. Атака должна была начаться по особому распоряжению.

Начарту приказывалось: „произвести перегруппировку артиллерии, дабы последняя могла содействовать пехотным частям, и нанесением ударов на Кобелку—Оссов, обеспечить успех. Перегруппировку закончить к рассвету 17 августа".

В развитие этого распоряжения, начартдив Моисеев, оставив 2 и 3 легкие дивизионы в прежнем положении, приказал командиру 1-го легартдива: „находясь в непосредственном подчинении комбригу 4, получить боевую задачу от него, строго

*) Отсутствие журнала военных действий 2-го легкого дивизиона вообще затрудняет выяснение картины боев, разыгравшихся на правом фланге.

следя за целесообразным выполнением таковой, дабы артиллерия в группе своим метким огнем способствовала пехоте в выполнении поставленной задачи".

Одновременно, „руководство тяжелой батареей", имевшей „своей целью борьбу с бронепоездами противника", передавалось командиру 2-го тяжелого дивизиона Ильину, с подчинением его комдиву 2-го легкого; гаубичную батарею приказывалось держать в резерве дер. Посвентне.

Таким образом, вся перегруппировка артиллерии выразилась в изменении порядка подчиненности тяжелой батареи; все артиллерийские части, ведшие бой, остались на прежних местах и сохранили прежние задания.

17 августа.

Бой, несколько затихнув к ночи, продолжался. Пехота попрежнему была в цепи. Около 2 час. ночи в 5 батарею поступила просьба 16 и 17 полков открыть огонь по дер. Геленов, засев в которой, противник обстреливал наши цепи сильным пулеметным и ружейным огнем. Батареей были зажжены два дома и стог сена, после чего стрельба поляков временно прекратилась. Выпущено за эту стрельбу 36 гранат.

В 11 час. пришлось вновь открыть огонь по этой деревне, так как на южной окраине был обнаружен, в кустах, действовавший пулемет противника. После обстрела — неприятельские пулеметчики бежали, оставив раненых.

В ответ на нашу стрельбу, противник выпустил по наблюдательному пункту 5-й батареи 18 шрапнелей, не причинивших вреда.

В течение дня положение на фронте 2-й дивизии оставалось без перемен. Противник усиленно обстреливал наши части ружейным, пулеметным и минометным огнем. Появлявшиеся бронепоезда несколько раз открывали по пехоте артиллерийский огонь. Ожидая приказа о наступлении, полки в атаку не переходили; батареи вели стрельбу эпизодического характера.

Зато с юга поступали тревожные вести об отходе 8-й, 10-й, а затем 17-й дивизии. В образовавшийся промежуток хлынули поляки, распространившиеся на север и занявшие охватывающее положение по отношению к 2-й дивизии. В 19 час. тяжелая батарея, находившаяся на позиции у дер.

Грабе-Нове, была обстреляна ружейным огнем, исходившим с левого фланга.

По приказанию начальника артиллерийской группы, командира 1-го легкого артдивизиона, батарея снялась с позиции и отошла через дер. Надбель в северо-восточном направлении.

Одновремено с наступлением на 17-ю дивизию, приведшим к 18 час. ко взятию г. Ново-Минска, противник, при поддержке танков, повел превосходными силами наступление на 5-ю бригаду, которую ему быстро удалось сбить с занимаемой ею неукрепленной линии.

По распоряжению начарта (приказ № 039) артиллерийские транспорты, парки и обозы были отведены назад, одновременно, по соглашению с командирами стрелковых бригад, была выслана разведка путей отхода. В 21 час началось спешное отступление 1-го и 2-го легких дивизионов. Третий простоял почти до полуночи, когда сняли с позиции и, ведя арриергардные бои, стал сперва между дер. Кшивица и Тул, потом у дер. Мендзылесь. Впоследствии, в арриергарде была оставлена 5-я батарея, получившая приказание перейти в дер. Загосцинец (приказание это впоследствии было отменено), а шестая, с пехотой выдвинута на позицию, для обеспечения левого фланга отходящей дивизии, к дер. Конты-Боруча.

18—29 августа продолжался отход дивизии, сопровождавшийся боями с наседавшим с юга противником. К концу августа дивизия сосредоточилась в районе г. Лиды.

III. Выводы.

А. Цель и средства. При подходе к Варшаве, перед дивизией встала задача овладеть подступами к столице польского государства. Задача эта — чисто наступательного типа. Характер действий, предстоявших дивизии, требовал превосходства над противником, если не материального, то хотя бы морального.

Фактически перед укрепившимися и фанатизированными близостью Варшавы поляками предстали части, измотанные безостановочным пятисотверстным переходом по тяжелым дорогам Западного края, с обезсиленным конским составом и утомленными людьми. Первые впечатления, под влиянием которых завязывался бой, не могли способствовать поднятию духа

Красных; неожиданное появление противника в месте, где его не ожидали, пренебрежение расграничительными линиями и происшедшее отсюда перемешивание частей, неуспех на правом фланге, безнаказанные и дерзкие действия бронепоездов,— все это могло только погасить наступательный порыв. И действительно, артиллерия развертывалась под впечатлением неясной опасности с флангов и первым действием ее был отход 2-го легкого дивизиона. Таким образом, о моральном превосходстве Красных в данный момент не могло быть и речи.

Не в лучшем положении находилась и материальная сторона, характеризуемая численным преобладанием польских батарей, превосходством их в калибре, удаленностью парков и, как следствие этого, недостатком огнестрельных припасов. Наличие этих факторов также порождало неуверенность в своих силах.

Имеющийся материал не дает основания судить о состоянии пехоты, да это и не входит в задачу настоящего очерка. Но, что касается артиллерии, из сказанного очевидно, что она не имела того преобладания над противником, которое является непременным условием успеха во всяком, а, особенно, наступательном бою.

Следовательно,—с артиллерийской точки зрения,—средства не соответствовали цели. В результате, на протяжении всего боя, работа батарей отличалась пассивностью, вялостью, носила оборонительный характер и выражалась больше в парировании начинаний противника, нежели в нанесении самостоятельного артиллерийского удара.

Б. Постановка задачи артиллерии. При таком положении, раз общая обстановка не соответствовала предпринимавшемуся наступлению, поставить артиллерии соразмерную задачу было не легко. Не говоря о выполнимости ее в общем, о чем можно судить по только что сделанному выводу, в частности, начартдиву ставились задачи (оперативный приказ 2-й дивизии от 13 августа № 088): «обеспечить части достаточным количеством огнеприпасов». Начдиву, безусловно, были известны реальные условия, в которых находилось питание (недостаток лошадей, удаление транспортов и парков и малое количество патронов в батареях); поэтому пред-

ложение обеспечить доставку припасов было не более, как фразой, за которой не могло скрываться выполнимой сущности.

В дальнейшем, с развитием дела, начарту предлагалось: «организовать борьбу с бронепоездами противника и его артиллерией» (опер. телегр. № 249/пол.). Спору нет, что выполнение этих задач было настоятельно необходимо, но для них, как и в области питания, не было достаточных средств,—задачи были непомерно широки для имевшихся артиллерийских сил. Пред'явление требований всеоб'емлющего характера привело к разброске внимания начарта и не позволило сосредоточиться, хотя бы на одном вопросе, чтобы, покончив с ним, обратиться к другим. Можно предположить, и сам он этого не отрицает, что начарт не участвовал в разработке этих приказов, иначе задачи артиллерии не ставились бы огульно, как это случилось.

Кроме ненормального об'ема задач, обращает на себя внимание также сущность содержащихся в них требований. Выражение, «нанесением ударов на Туров—Оссов обеспечить успех» (опер. приказ 2 стр. див. за № 089), в отношении к артиллерии либо вовсе не имеет смысла, либо является совершенно невыполнимым и безнадежным предприятием.

В самом деле, что должно означать «нанесение ударов» артиллерией на пункты, находящиеся в тылу неприятельского расположения, во время атаки последнего? Обстрел их поведет к отвлечению огня батарей от места нанесения пехотного удара, от окопов противника. Значение этого обстрела может вылиться, максимум, в помеху работе тыловых учреждений и в создание паники в тылу. Постановка подобной задачи возможна только тогда, когда имеется артиллерия, свободная от обстрела передовой линии, или когда противник достаточно поколеблен, переходит к отступлению и необходимо затруднить последнее. Этого в наличии не было, поэтому начдив своим приказом только ослаблял и без того слабый артиллерийский огонь.

Правда, подобного «нанесения удара» фактически не было, как не были выполнены и все ранее отданные распоряжения начдива. Но в таком случае последний пишет свои приказы без заботы об их исполнении и, как бы, отделывается от постановки задач артиллерии рядом общих фраз, не имеющих практического значения.

В. Управление артиллерией и группировка батарей. Проследив распоряжения начарта, в них нельзя найти элементов управления и постановки самостоятельных заданий, варьирования группировок и т. д.

Приказы начарта имеют однообразный характер и повторяют общие места. Вот примеры этих распоряжений:

1) Выдержка из опер. приказа по артиллерии 2-й стр. дивизии 13/VIII № 034 ...„Приказываю:

Начарт группы 4 т. Леонов.
Уп-ние 1-го арт. див-на.
1 батарея 4 ор. 3 дм.
2 „ 4 „ 3 „
Итого 8 ор. 3 дм.

Оставаясь в непосредственном подчинении комбрига 4, все распоряжения получить от него, а также и боевую задачу, разработав которую, донести мне, и также в распоряжение н-ка бригадной разведки выслать разведку от артгруппы, в составе одного инструктора и четырех разведчиков.

Начарт группы 5 т. Гладких.
Уп-ние 2-го арт. див.
3 бат. 4 ор. 3 дм.
4 бат. 4 ор. 3 дм.
Итого 8 ор. 3 дм.

Оставаясь в непосредственном подчинении комбрига 5, все распоряжения получить от него, а также и боевую задачу, разработав которую, донести мне, и также в распоряжение начальника бригадной разведки выслать разведку от артгруппы, в составе одного инструктора и четырех разведчиков".

Дословно та же формулировка задания, предложенного „начарту группы 9", командиру 3-го легартдива, повторять которую поэтому излишне. Другим н-кам ставятся следующие задачи:

«Начарт тяжгруппы тов. Ильин
1 тяжбатарея 2 пуш. 48 лин.
2 гауббатарея 2 гауб. 48 лин.
Итого 2 пуш. 42 лин. и 2 гауб. 48 лин.

В 21 час. 13 сего августа выступить из г.дв. Жуков и перейти в Нарт, где и расположиться по противоположному маршруту, при непременном условии одновременного прибытия на новое место с оперативным штабом артиллерии. Все дальнейшие распоряже-

Резвгруппы начарт. тов. Смирнов.
Уп-ние 2 гаубартдива.
„ 2 тяжартдива.
2 тяжбатарея 2 гауб. 6 дм.
1 гаубатарея 2 габ. 48 лин.
Артпарк.
Ружпульпарк.

ния о продвижении и боевую задачу получить от меня.

В кратчайший срок перебросить группу в г. Седлец".

Из этого приказа видно, что артиллерийская дивизия, следовавшая при последней, была распределена по бригадам и целиком руководилась командирами последних. В том случае, о котором идет речь в приведенном документе, в движении, с целью сближения с противником и занятия исходного положения для форсирования Вислы, оправдание такой формулировки может быть искалось в порядке следования дивизии, шедшей 3-мя колоннами, каждая из которых получила от начдива свою задачу.

Но в дальнейшем обстановка изменилась в корне: завязался бой, в котором бригады принуждены были действовать на узком фронте, причем их боевые участки непосредственно прилегали один к другому.

2) Под влиянием этого следовало бы измениться и порядку подчиненности и группировки артиллерии. Между тем, в разгар боя за ст. Воломин, 17 августа начарт пишет (приказ по артиллерии 2 стр. дивизии (17/VIII № 38)

. . . . „Приказываю:

I. Начартгруппы 4 тов. Леонов
Уп-ние 1 артдива
1 батарея 4 ор. 3 дм.
2 4 ор. 3 дм.
1 тяжбатарея 2 пуш. 42 лин.
2 гаубатарея 2 гауб. 48 лин.

Итого 8 ор. 3 дм., 2 пуш. 42 лин. и 2 гауб. 48 лин.

Находясь в непосредственном подчинении комбрига 4, получить боевую задачу от него, строго следя за целесообразным выполнением таковой, дабы артиллерия в группе своим метким огнем способствовала пехоте в выполнении поставленной ей задачи. Руководство тяжбатареей, имеющей своей задачей борьбу с

бронепоездами противника, передать тов. Ильину, имея его в своем подчинении; гаубичную батарею держать до особого приказа в резерве, в дер. Посвентне.

II. Начартгруппы тов. Гладких и тов. Плаксину, и начарту резервной группы тов. Смирнову продолжать руководствоваться опер. приказом № 034" (приведен выше).

Таким образом, несмотря на то, что перед дивизией встала совершенно новая задача,—овладение укрепленной линией противника,—группировка артиллерии не претерпела существенных изменений и батареи, по прежнему, разбиты по бригадным участкам.

В описанных условиях, начальник артиллерии дивизии является, в сущности, начальником дивизионной артиллерии и, в данном случае, командует 1 тяжелой и 1 гаубичной батареями; руководство же главной массой—75% артиллерии—находится в руках пехотных начальников и комдивов. При введении в бой тяжелой батареи, она подчиняется командиру одной из групп и, таким образом, задачи принаравливаются к готовой группировке.

Вследствие такой застывшей, мертвой организации, артиллерийские действия не имели успеха.

Так борьба с бронепоездами, для которой выделяется одна легкая и одна тяжелая батарея, не была об'единена в одних руках и раздвоилась между н-ком группы 4-й бригады, управлявшим действиями тяжбатареи, и командиром 3 легкого артдивизиона, в группе которого 6-я батарея имела то же назначение.

Так же и по той причине не было согласованной и об'единенной борьбы с неприятельскими батареями.

Эта боязнь нарушить бригадную организацию заводит начарта еще дальше: в начале боя 1 легкий артдивизион остался в резерве, вместе с 4 бригадой, и на участке дивизии, и без того слабом артиллерией, не было введено в бой 50% батарей,—2 легких, 1 тяжелая и 1 гаубичная.

В дальнейшем, по диспозиции 17 августа, 5-я бригада, получившая от начдива пассивную задачу, „содействие 6-й бригаде и обеспечение левого фланга дивизии", продолжала чис-

лить в своем составе столько же батарей, сколько и соседняя, 6-я, наносившая главный удар, с целью выхода на Туров—Оссов. Мало того, численность артиллерии последней ослаблялась еще тем, что 6-я батарея была отвлечена на борьбу с бронепоездами, действовавшими в пределах боевого участка 4-й бригады. Итого в месте нанесения главного удара была лишь одна батарея, а около 90% всей артиллерии находилось на второстепенных участках.

Последнее было тем более странно, что гаубичная батарея в течение всего боя осталась не использована и только переходила из господского двора Цигов в дер. Мостувка и отсюда в дер. Посвентне, продолжая оставаться в резерве.*)

Вопреки решению начарта, узкий фронт боя и характер задач, возлагавшихся ходом событий на артиллерию, не только допускал об'единение работы батарей в масштабе дивизии, но прямо требовал ее. Обстановка вызывала необходимость личного присутствия начарта в боевой линии, с целью руководства действиями артиллерии; судя же по оперативным приказам и по всему сказанному, начарт в течение всего дела оставался при оперативном штабе, верстах в 12—15 от передовых позиций, лишь на время выезжая к штабу 4-й стрелковой бригады.

И если артиллерия противника могла к 15 августа своим огнем отбить атаку 16 полка, а польские бронепоезда безнаказанно заходили почти в тыл пехоте, то, в числе прочих причин, виною этому было отсутствие об'единения работы батарей, действовавших по одной и той же цели.

Есть еще и другая сторона в распоряжениях начарта, заслуживающая внимания. Те приказы н-ка дивизии, о которых говорилось выше, остались в области пожеланий. Начарт ни разу не упоминает о них в своих приказах, игнорируя прямые указания на необходимость самому организовать артиллерийские действия. Получив распоряжение озаботиться погашением неприятельских батарей, он предоставляет комдивам работать за свой страх и риск, даже не упоминая им о необходимости артиллерийской борьбы и обстрела бронепоездов.

Быть может, причина этого кроется в опасении нарушить бригадную организацию; но возможно, что начарт, видя не выпол-

*) По об'яснению начартдива, он не решался поставить ее на позицию, благодаря слабости конского состава.

нимость некоторых приказов начдива, вообще не считался с ними; в пользу последнего предположения говорит следующая фраза из его рапорта (7 сент. № 01285): «...... в данном бою (13—18 августа) сказалось абсолютное незнакомство пехотных начальников ни с «Наставлением для действий полевой артиллерии в бою», ни с тем, что может дать артиллерия..., так как ей пред'являлись невыполнимые требования».

О роли командиров дивизионов упоминалось выше. В установившейся группировке они должны были явиться сосредоточением управления артиллерийским огнем. В действительности же они не только не проявляли необходимого в таком случае почина, о чем уже говорилось, но даже, видимо, находились вне сферы боевых действий. Судя по примеру первого легартдива, командиры дивизионов имели центральные станции, связывавшие их с батареями, но этим и ограничивалась их руководящая деятельность, так как, находясь при штабах отрядов, они могли руководствоваться только теми боевыми сведениями, которые получались ими от командиров стрелковых бригад.

Поэтому децентрализация артиллерии была доведена до апогея и батареи не только были предоставлены самим себе в выборе целей и в ведении огня, но, не видя руководства свыше, с целью поддержания связи и безопасности, предпочитали держаться одного из полков. Так 15 августа 3 легкая батарея действует под начальством командира 13 полка; 5 бат. 16 августа в неуспехе на правом фланге невольно жмется к 16 полку; 17 августа батареи 3 легартдива получают приказание: «если нужно, отходить со своими полками».

Г. Расположение артиллерии, разведка, наблюдение и связь. Описанные выше условия местности не допускали близкого расположения артиллерии. Удаление позиции от окопов противника колебалось в пределах от 1800 саж. до $4^1/_2$ верст для легких батарей и достигало 5 верст для тяжелой.

Дистанции стрельбы лежали в пределах от 90 делений прицела до наибольшей дальности; такие возвышения в условиях наступательного боя были чрезмерно велики и не могли не отразиться на действительности стрельбы самым ослабляющим образом.

Секторы обстрела некоторых батарей не превышали растворением 12° или 2-00 делений угломера. Такая узость об'ясняется отнюдь не характером позиций, нигде не препятствовавшим растворению до 90° или 15-00, а исключительно отрицательными свойствами наблюдательных пунктов.

Последние были также сильно удалены и обладали узким кругозором. Вследствие отсутствия руководства сверху, на выбор их не было обращено должного внимания. Удаление от окопов—от 1 в. до $3^1/_2$ в., и от целей—от 500 до 2800 саж. при пересеченном и лесистом характере местности было очень велико.

Подобная ограниченность кругозора, которую отмечает и начарт, говорящий, что „наблюдательные пункты были неудовлетворительны", и видящий в этом основную причину неуспеха в борьбе с бронепоездами, должна была быть восполнена организацией перекрестного наблюдения и связью по фронту. Но отсутствие руководства сверху сказалось и в этом случае, и каждая батарея ограничилась одним основным и одним, редко двумя, передовыми наблюдательными пунктами. К тому же поля видимости их обыкновенно охватывали почти одни и те же районы, что хотя и улучшало наблюдение, но распределяло его в ничтожной мере.

Большое значение могло бы иметь наличие авиации, но „на всем пути следования дивизии от Рогачева до подступов к Варшаве, за исключением присутствия ее в Рогачеве (т. е. в глубоком тылу), больше нигде не видно было ни одного аппарата" (доклад начарта 21/VIII, № 01515).

Возвращаясь к размещению артиллерии, необходимо отметить, что первоначально батареи были расположены на протяжении всего фронта дивизии от Крашева на севере, до Грабе-Нове на юге. Но, по мере развития боя, артиллерия все более скучивалась, пока не сосредоточилась на 75% своего числа на пространстве, почти в одну кв. версту, прижавшись к дер. Грабе-Нове. Такая скученность вовсе не оправдывалась местными условиями, так как для размещения батареи имелась значительно большая площадь, ограниченная с севера жел. дор., с востока дорогой Добчин—Цуховец—Грабе-Нове и с запада и юга—лесом у дер. Дучки и дер. Грабе-Нове.

Артиллерийская разведка не составила исключения в общей картине. Поскольку рассматривать ее действия в масшта-

бе батарейной работы, она отличалась в некоторых случаях поистине блестящим характером. Пользуясь ее данными, батареи получали недостающие сведения о противнике, о местности и т. п. В некоторых случаях об'ем работы артиллерийских разведчиков выходил за пределы того, что свойственно этому роду оружия и деятельность их протекала в непосредственном соприкосновении с противником, не будучи прикрыта пехотой.

Указанное уклонение от нормы не приходится ставить в вину ни артначальникам, ни разведчикам. При тех перерывах, которые существовали в расположении пехоты и приводили, например, к обстрелу артиллерийских наблюдателей, батареям приходилось самим заботиться о своей безопасности. Этот всеоб'емлющий характер работы привычен для артиллерии Красной Армии. Причины его следует искать в дефектах разведывательной работы других родов оружия, в отсутствии связи на стыках, плохом охранении флангов, слабом несении дозорной службы и, вообще, в малой бдительности пехоты и отсутствии заботливости об участи артиллерии. Все эти черты проявляются и на данном примере: отсутствие связи, разведки в пехоте и ее малая бдительность—в обстреле наблюдательного пункта 6 батареи 15 августа, отсутствие забот об артиллерии—в том, что об отходе 13 и 15 полков на линию Добчин—Загосцинец 5 батарея узнает лишь случайно.

И, наоборот, в тех случаях, когда артиллерия, уповая на безопасность, вследствие совместного расположения с пехотой, не проявляет забот о своем охранении (что она обязана сделать и в нормальных условиях), как, например, лево-фланговые батареи 17 августа,—она подвергается обстрелу ружейным огнем противника (тяжелая и 6 легкая батареи).

Безусловно справедливо правило, что нормы боевой работы должны создаваться на основе правильного и гармоничного сочетания деятельности всех родов войск. Но было бы непростительной схоластикой ограничивать сферу деятельности артиллерийской разведки нормальными рамками и в том случае, когда аналогичная работа пехоты поставлена ненормально и не в состоянии дать необходимых сведений. Поэтому, видя, что полковая разведка отсутствует или слаба в такой степени, что это угрожает интересам артиллерии, артначальники могут и должны восполнять образующиеся пробелы своими средства-

ми. С этой точки зрения, действия разведки 5 легкой батареи 16 августа заслуживают полного одобрения.

К сожалению, нельзя сказать того же о тактической разведке*), которая совершенно отсутствовала. Точнее сказать, приказом начарта от 13 августа (№ 034), командирам дивизионов было предложено выслать по одному инструкторскому раз'езду, но определенной общей задачи им дано не было, и самое исполнение и характер работы были предоставлены комдивам. Поэтому, при столкновении с противником, комдивы, не чувствуя оперативной связи с начартом, не могли дать ему полученных ими от этих раз'ездов сведений (если они и были), а стремились только возможно скорее извлечь из них все необходимое для себя.

Этим еще раз подтверждается, что артиллерия была введена начартом в бой в неизвестности, а следовательно, и вне зависимости от расположения противника.

В дальнейшем планомерной разведывательной работы, а также сопоставления и изучения поступавших сведений, что обязан был сделать начарт, организовано не было. Оправданием этого пробела характер боя служить не может, так как французский опыт подтверждает, что непрерывная рекогносцировочная работа высоко квалифицированных артиллерийских разведчиков в маневренном бою особенно ценна.

Организация телефонной связи повсюду была довольно однообразная, по схеме: командирский наблюдательный пункт с передовым и с позицией, а отсюда—с комдивами; связь последних с начартом по общему проводу.

Батареи установили все линии двойными и, кроме того, связались двумя проводами с пехотой. Артиллерийские начальники всех степеней располагались совместно с пехотными, что в смысле связи и взаимодействия является идеальным решением. Вместе с тем, благодаря такому расположению, начарт и комдивы не могли непосредственно руководить артиллерией; выходом из положения являлось бы занятие ими наблюдательных пунктов и прямой провод от начарта—к начдиву и от командиров дивизионов—к командирам стрелковых бригад.

---

*) Этому термину придается значение, применительно к наставлению: «Боевое применение стрелковой дивизии» 1920 г., т. е. понимая под приведенным названием разведку н-ка артиллерии отряда.

В 5 легкой батареи связь была организована правильно и проведена настолько удачно, что работала без перерыва, даже после отхода ее от Загосцинец к дер. Цуховец.

Связи по фронту между батареями не было. Отсутствие ее сказалось и на полноте наблюдения и на успешности стрельбы. Принимая во внимание, что этим видом связи обыкновенно пренебрегают и он, вообще, налаживается труднее других, а значение его весьма велико, старшим артиллерийским начальникам следует проверять выполнение ст. 45 «Наставления для действий полевой артиллерии в бою», согласно которой «между разными артиллерийскими частями связь устанавливается справа налево».

Обращает на себя внимание положительный пример связи со стороны 5 батареи, командир которой Е. Аристов, узнав случайно об отходе 13 и 15 полков и видя, что этим обнажается фланг 16 полка, предупредил об этом командира последнего, вследствие чего были приняты меры к восстановлению положения.

Уборка линий не везде производилась достаточно быстро, да и условия отхода не всегда давали время на снятие проводов. Так 6 батарея оставила двойную линию с наблюдательного пункта к позиции; управление 3-го легартдива также оставило 8 верст провода; в обоих случаях можно было спасти, если не все, то хотя бы часть имущества, но в частях, изнервничавшихся в 4-х дневной бестолковой обстановке, с началом отхода стали распространяться излишне осторожные стремления.

Д. Стрельба. Совместной стрельбы батарей, об'единенной общим управлением, чем значительно повысились бы результаты артиллерийского огня, не было. Выбор целей и снаряда, определение времени и порядка открытия огня и его интенсивности находились всецело в руках командиров батарей. Вследствие малой опытности последних, стрельба не отличалась высоким качеством.

Излюбленным снарядом, вследствие плохого знакомства комбатов с дистанционной пристрелкой, была граната. Неудовлетворительность наблюдения восполнялась стрельбой при помощи карты или огнем по рубежам. Вместо обстрела бронепоездов, который требовался пехотой, применялся обстрел

вдоль жел. дор. полотна. При этом, так как директрисса стрельбы проходила под углом в пути около 45°, а вследствие продольного рассеивания и необходимости менять направление, большого успеха в стрельбе быть не могло, тем более, что и самая стрельба велась ночью. Это отмечается и начартом, констатирующим, что «осязательных результатов стрельба не дала» и что бронепоезда «не боялись нашего арт'огня».

По требованию пехоты, батареи неоднократно стреляли ночью. Благодаря необходимости открывать огонь по непристрелянным засветло целям, такие стрельбы вызывали большой расход снарядов и приносили мало пользы.

Так же сомнительна польза от обстрела 5 батареи дер. Геленов, в ночь с 16 на 17 августа, так как ценою 36 гранат было достигнуто сорокаминутное затишье в стрельбе поляков, в течение которого пехота не продвинулась и не собиралась продвигаться вперед ни на шаг и которое сменилось еще более интенсивной стрельбой. Принимая во внимание недостаток в снарядах, от этого обстрела следовало бы воздержаться.

Е. Обнаружившиеся недостатки в организации. Больным местом артиллерии 2-й дивизии оказался тыл. Начиная с организации питания, которое освещено в начале очерка, и вплоть до работы батарейных резервов, всюду одна и та же причина сеяла разложение в войсках и осложняла их работу: благодаря недостатку повозок, частям приходилось пользоваться обывательским обозом.

Последние, сформированные из наспех набранных людей, со скверными крестьянскими лошаденками, не зная друг друга и своего случайного начальства, представляли собою недисциплинированные скопища, проникнутые одной лишь мыслью —поскорее вернуться домой. Маловместительные и ломкие повозки не соответствовали характеру возившегося в них груза. Различие образцов не позволяло произвести точного подсчета необходимого для частей обоза; вместо одной казенной повозки приходилось брать две—три обывательских, вследствие чего обоз артиллерии с парками достигал почти тысячи подвод, удлинявших колонны, не признававших никаких правил и дистанции для движения. При малейшей неудаче, все это разбегалось, бросая имущество и сея панику.

Для поддержания связи с отставшими обозами и налаживания в них порядка было выделено большое количество конных и пеших людей, что значительно обессилило батареи.

Сосредоточение вблизи позиции массы повозок, поглощая местные средства, затрудняло питание людей и лошадей. Вследствие загромождения путей обозами, тянувшимися каждый за своею частью, трудно было маневрировать; поломанные и брошенные на дороге повозки временами делали движение артиллерии похожим на скачку с препятствиями. Никогда нельзя было поручиться, что необходимые припасы, материалы и снаряды в нужное время будут под рукой.

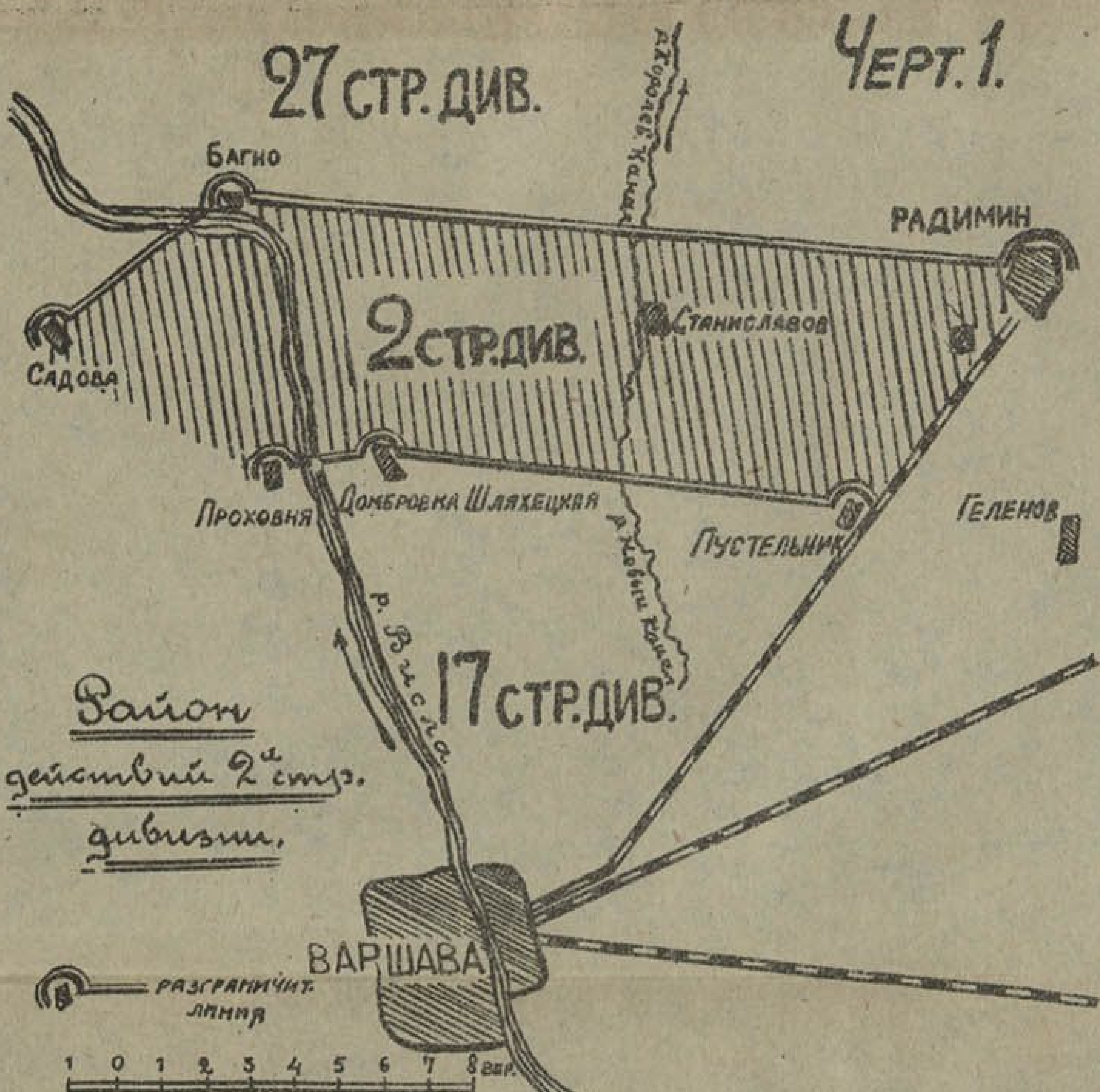
IV. Заключение.

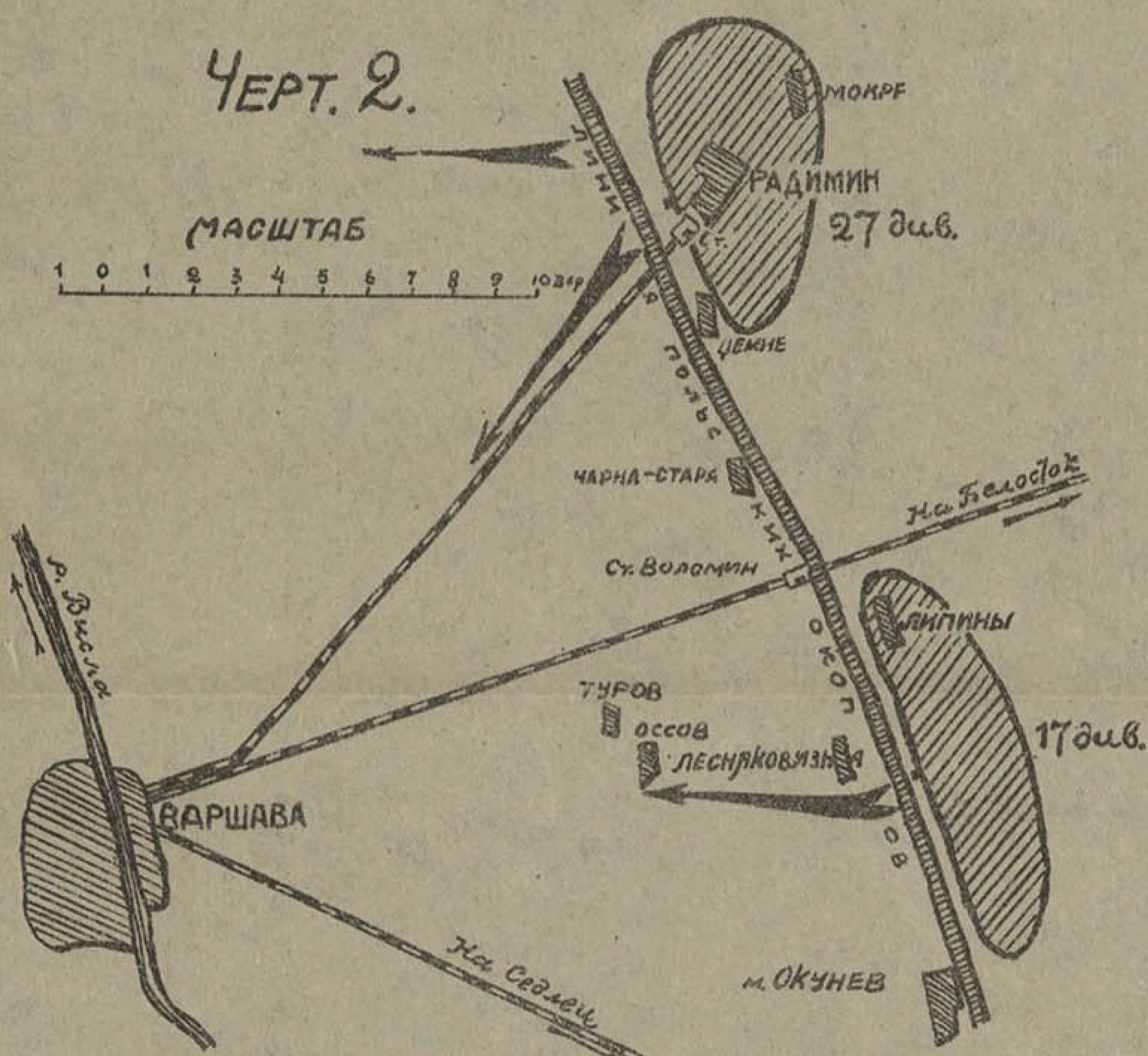
Не ограничиваясь одним критическим разбором операции, считаем полезным в заключение дать некоторые положительные указания.

А. Постановка задачи артиллерии. Задача артиллерии может быть определена либо в общем приказе дивизии, либо путем отдания частного приказа артиллерии. Первое предпочтительнее, так как автоматически знакомит с задачами артиллерии всех войсковых начальников.

В отношении артиллерии приказ о вступлении в бой должен предусматривать: а) исходную задачу артиллерии. При этом не следует стремиться детально установить все задачи артиллерии, так как их об'ем и последовательность зависят от хода боевых действий, которые предугадать заранее невозможно. Вместе с тем артиллерия должна получить инструкцию, пригодную на весь срок, который потребуется пехоте для выполнения поставленной ей задачи. Следовательно, задача артиллерии должна быть изложена не в виде ограничивающего приказа, а в форме директивы и заключать в себе точное изложение намерений начальника, в отношении применения силы артиллерийского огня, а выбор способа содействия лишь в общих чертах, предоставляя детали начарту.

Обращаясь к постановке задачи артиллерии по существу, следует иметь в виду, что требования, которые к ней пред'являются, должны находиться в строгой зависимости от фактического состояния артиллерийских средств в момент боя. Никакие побочные соображения и обстоятельства не могут оп-

Черт. 1.
27 СТР. ДИВ.
Багно
Радимин
Садовая
2 СТР. ДИВ.
Станиславов
Проховня
Домбровка Шляхецкая
Пустельник
Геленов
р. Висла
17 СТР. ДИВ.
Район действий 2ª стр. дивизии.
ВАРШАВА
Разграничит. линия
1 0 1 2 3 4 5 6 7 8 вер.

Черт. 2.
Масштаб
1 0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 вер.
Мокре
Радимин
27 див.
Цемне
Чарна-Старая
На Белосток
Ст. Воломин
Липины
Туров
Оссов
Лесняковизна
17 див.
р. Висла
ВАРШАВА
На Седлец
м. Окунев

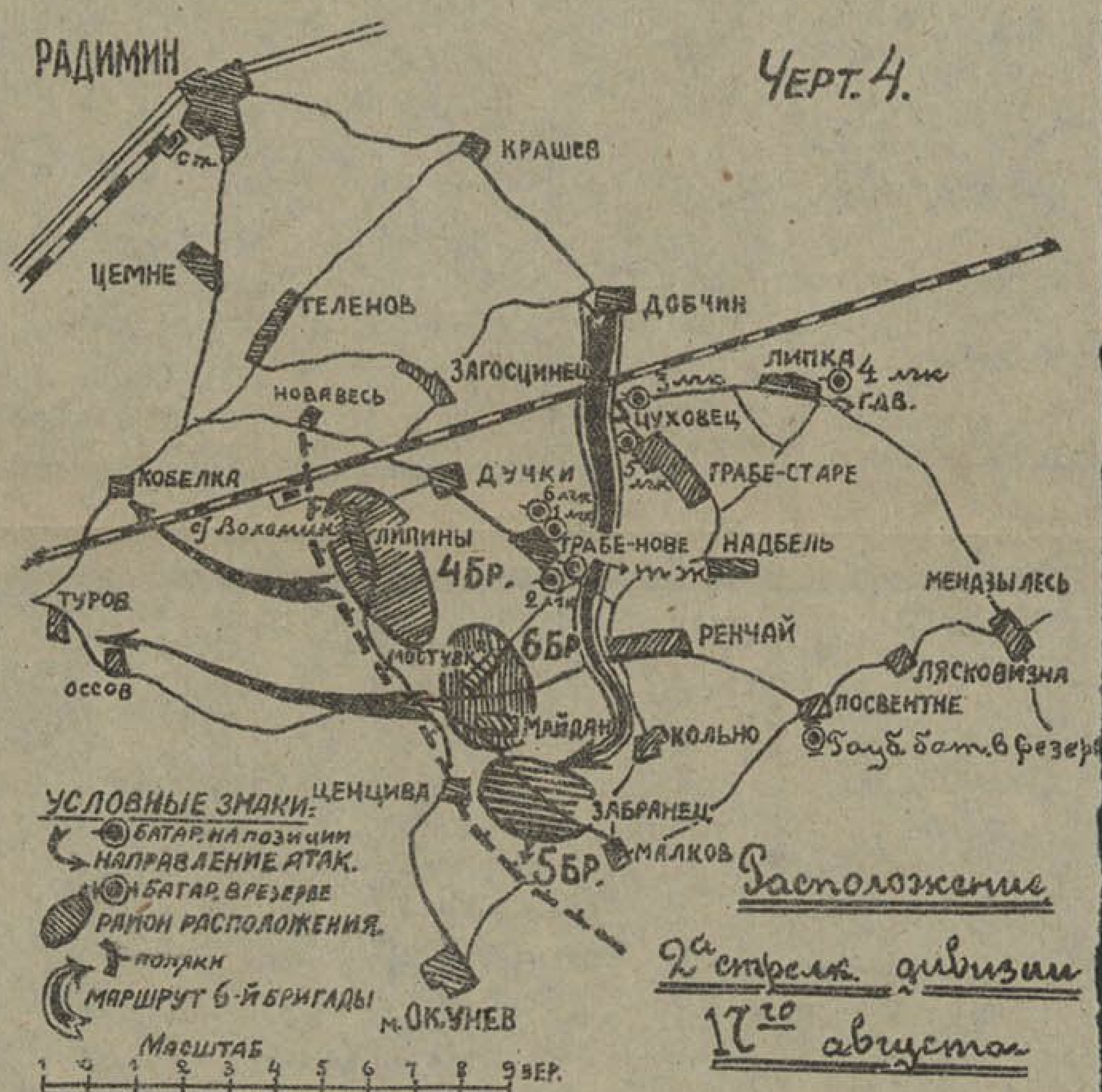

Радимин
Черт. 4.
Ст.
Крашев
Цемне
Геленов
Добчин
Загосцинец
Липка
4 лк
гдв.
Новявесь
Цуховец
Кобелка
Дучки
Грабе-Старе
ст. Воломин
Липины
Грабе-Нове
Надбель
4 БР.
Менадзылесь
Туров
6 БР
Ренчай
Мостувк
Лясковизна
Оссов
Майдан
Посвентне
Кольню
Гауб. бат. в резерв
Ценцива
Забранец
5 БР.
Малков
Условные знаки:
Батар. на позиции
Направление атак.
Батар. в резерве
Район расположения.
поляки
Маршрут 6-й бригады
м. Окунев
Масштаб
1 0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 вер.
Расположение 2ª стрелк. дивизии 17ᵍᵒ августа

Схема района боевых действии и расположения
2ª стрелковой дивизии в бою 13-17 авг. 1920 г.
Черт. 3
Условные знаки
батарея
Управление арт. дивизиона
Польские окопы
Линия красных войск 14 августа
15 августа
16-17 августа
Наблюдательный пункт
Масштаб
РАДИМИН
ЦЕГЕЛЬНЯ
ВИКТОРОВ
КРАШЕВ
ЦЕМНЕ
РЖИСКА
ДОБЧИН
КЛЕМБОВ
ЛИПКА
ТУЛ
ФРАНЦИШКОВО
ЦЕЛЯНЕК
КШИВИЦА
ГЕЛЕНОВ
ЗАГОСЦИНЕЦ
ЦУХОВЕЦ
ГРАБЕ-СТАРЕ
НАДМА
ДУЧКИ
НАДБЕЛЬ
ЮЗЕФИН
ДОМБРОВИЦА
МЕНДЗЫЛЕСЬЕ
НОВА-ВЕСЬ
СЛАВЕК
ГРАБЕ-НОВЕ
ЛИПИНЫ
ВОЛОМИН
КОБЕЛКА
МОСТУВКА
НЕМЕЦКИЕ
ЦИГОВ
ПОСВЕНТНЕ
РЕНЧАИ
ПОЛЬСКИЕ
МАЙДАН
ЛЕСНЯКОВИЗНА
КОЛЬНО
ТУЖЕ
ТУРОВ
СОСОВ
ГЕЛЕНОВ

равдать стремления: взять от нее больше, чем она может выполнить при своей численности, состоянии и запасах снарядов. Преувеличенные требования приведут всегда, как и было в бою под Варшавой, к тому, что часть их останется не выполненной. При недостатке сил лучше установить известную последовательность в обстреле целей, начиная с важнейших.

Вместе с тем, нельзя возлагать на артиллерию задач, которые она должна вообще решить; это так же недопустимо, как и требовать разведки вообще.

Примерная формулировка задач: 1) прикрыть фланг от возможных атак противника, 2) поддержать атаку, 3) вызвать и потушить огонь неприятельской артиллерии, 4) разрушить (такие-то) оборонительные сооружения противника, 5) держать под обстрелом (такие-то) пункты неприятельского тыла.

Вторым вопросом, могущим иногда потребовать указаний, является,—б) районы расположения артиллерийских позиций. Вообще, говоря, нельзя стеснять артиллерию в выборе позиций; однако, в отдельных случаях встречаются такие особенности обстановки и намерений, которые могут повлиять на расположение батареи, уязвимость общей позиции в известном направлении, свойства местности в отношении укрытия дорог для подхода и т. п., или, например, необходимость оставить место для ожидающихся прибытий новых артиллерийских групп. Указания о районе позиции должны содержать в себе перечень обстоятельств, влияющих на расположение батареи, и указание района, в котором возможен выбор артиллерийских позиций.

Третьим элементом приказа о развертывании артиллерии является,—в) срок окончательной готовности и порядок открытия огня. Развертывание должно закончиться с таким расчетом, чтобы артиллерия успела подготовить вступление пехоты в бой и поддержать ее развертывание. Время и порядок открытия огня зависят от обстановки; в некоторых случаях важно начать стрельбу возможно ранее, чтобы застигнуть противника до окончания им развертывания, поддержать авангард или закрепить достигнутый успех; в других, выгодно подождать, пока изготовятся все батареи, чтобы сразу обрушиться на противника превосходными силами.

Вступление артиллерии в бой требует предварительной подготовки, от успешности которой зависит действительность

ее работы; поэтому не следует без надобности ограничивать срок, необходимый ей для открытия огня; в некоторых случаях может оказаться выгодным даже задержать вступление в бой пехоты, чтобы дать артиллерии возможность изготовиться.

Остальные сведения (как, например, данные о противнике и своих войсках, пункты, направление и время атаки и т. п.) артиллерия почерпнет из общих параграфов приказа.

Чтобы увеличить время подготовки артиллерии к бою, начдив должен возможно ранее и не дожидаясь окончания составления приказа предупредить начарта о предстоящей работе, сообщив ему готовые сведения о противнике, о полученной задаче и т. п. Тогда начарт будет иметь время обдумать и исполнить многое до выработки приказа о бое: разведать дороги, собрать необходимые сведения о местности и противнике, сделать многочисленные внутренние и хозяйственные распоряжения и пр.

В дивизии лучше начарта никто не может знать, чего можно требовать от артиллерии и что она может дать. Поэтому, последний должен непременно быть участником составления приказа о бое дивизии.

Б. Приказ начальника артиллерии дивизии. Начдив в своем приказе определенно укажет начарту задачу, которая предстоит дивизии, и, в частности, роль артиллерии, в связи с действиями бригад.

Начальник артиллерии, участвуя в выработке оперативного приказа, будет в курсе всех сведений о противнике, о соседних частях, о положении полков своей дивизии, о местности, свойствах дорог и проч.

Кроме того, указанные сведения к этому моменту будут пополнены донесениями передовой артиллерийской разведки о свойствах местности, со специальной артиллерийской точки зрения, об обнаруженных войсках и сооружениях противника и т. п.

На основании этих сведений начарт может не только ответить себе на вопрос, что и как должна делать артиллерия, но и укажет начдиву свои соображения по поводу того, в какой мере артиллерийские действия могут повлиять на характер боя. Возможно, что придется задержать движение пехоты, чтобы дать время артиллерии на развертывание; при обороне, главное внимание обращается на удобства артиллерийских

позиций и свойства наблюдательных пунктов (ст. 625 пол. уст.), в зависимости от которых придется наметить и пехотные позиции. В отдельных случаях может понадобиться защищать или даже овладеть местными предметами, необходимыми артиллерии для наблюдения. Затем на обязанности начарта лежит также выяснить степень обеспеченности артиллерии с флангов и с тыла и испросить, если нужно, отдельные прикрытия для батареи.

Наметив в общих чертах свой план, начальник артиллерии дивизии выясняет некоторые детали, требующие дополнительного освещения: проходимость дорог, свойства отдельных урочищ, степень закрытия и маскировки, предоставляемых отдельными местными предметами, характер растительности, свойства наблюдательных пунктов и проч.

Все эти сведения могут быть получены от передовых артиллерийских раз'ездов и путем личной разведки начарта и командиров дивизионов, которых последний привлекает к работе, согласно намеченного в общих чертах плана, в отведенных им районах.

Таким образом, н-ку артиллерии станет вполне ясным, какое влияние могут оказать на намеченный им план действий условия места и времени. Лишь только после этого и сопоставив свои намерения с наличием огнестрельных припасов, начарт может принять окончательное решение.

Вызывая командиров дивизионов для разведки, начарт уже дал им общие указания об обстановке, задаче дивизии, общей группировке артиллерии, исходных задачах дивизионов, позиционных участках и проч. Остается только дополнить их и оформить приказом, который должен содержать в себе следующие данные:

1) Сведения о противнике и своих войсках.

2) Общая задача дивизии.

3) Группы, их назначение и численность.

а) Район позиций--пространства для развертывания, боковые границы районов.

б) Ответственные боевые участки.

в) Задачи каждой группе; степень детализации задачи зависит от обстановки. Стремиться перечислить все цели во все периоды боя не следует, так как выбор их дело комдивов. Главная задача начарта, при определении роли каждой группы, за-

ключается в таком распределении артиллерии, чтобы в каждом периоде боя могли обстреливаться все важные в тактическом отношении цели. Впоследствии, находясь на наблюдательном пункте, начарт лично будет регулировать работу групп, обеспечивая своевременное сосредоточение огня на важных пунктах. Поэтому его приказ должен формулировать задачи только с такой степенью полноты, чтобы комдивы, располагая батареи, имели в виду возможность их выполнения и взаимодействия между дивизионами. Здесь же должны быть даны указания о целях групп, лежащих в пределах других участков и либо требующих флангового обстрела, либо не наблюдаемых и не обстреливаемых ими.

В некоторых случаях, не указывая командирам групп района, придется ограничиться только указанием их роли и косвенным определением цели. Чаще всего это будет иметь место при выделении части артиллерии для работы в отдельной колонне или боевом участке, указывая в таком случае только назначение группы,—напр., поддержать атаку на участке и т. п.

1) Распределение целей должно иметь в виду только группы. Дальнейшая детализация должна быть предоставлена н-кам групп. Начарт же распространяет свою разработку далее только в том случае, когда необходимо добиться максимальной деятельности огня, путем сочетания флангового и фронтального обстрела и комбинирования навесной и наступательной стрельбы. Но такая постановка вопроса требует уже от начарта большего количества времени и тщательной разведки и может быть осуществлена только при обороне или атаке укрепленной полосы и, в редких случаях, при затяжке боя и необходимости произвести перегруппировку.

При группировке артиллерии следует избегать всяких шаблонов. Не может быть одного распределения на все случаи и постоянных бригадных групп. Во всех тех случаях, когда батареи решают общие задачи и могут оказать взаимную огневую поддержку,—они должны быть об'единены в группы известного назначения, причем, по мере изменения боевых условий, группы эти должны варьироваться.

2) Указания о технике огня (самые необходимые, т. е. не вторгаясь в сферу деятельности командиров дивизионов и определяя только такие вопросы, как порядок пристрелки, во из-

бежение перемешивания вопросов отдельных групп, указания об интенсивности огня и т. п.).

3) Пути отхода артиллерии.

4) Порядок открытия огня; возможны 3 способа введения артиллерии в бой:

а) немедленно по занятии позиции каждой частью отдельно,

б) по особому указанию начарта, и

в) указаниям начинающей огонь батареи, а для последней—момента открытия огня.

5) Указания о связи.

6) Расположение питающих средств и путей питания, и

7) Местопребывание начарта.

* * *

Не приходится сомневаться, что в ряду замечаний, сделанных по поводу действий артиллерии 2-й стр. дивизии, и в приведенной схеме оперативной работы начарта некоторые из современных артиллеристов отыщут и такие выводы, которые покажутся им в условиях текущей войны не приложимыми. Особенно следует ожидать таких возражений в области проводимой идеи централизации управления артиллерийским огнем.

По этому поводу следует заранее сказать, что разрозненные действия батареи и дивизионов давно отжили свой век. Современная материальная часть и тактика артиллерии требуют концентрации артиллерийских сил и, будет ли то позиционная война или маневренная, национальная или классовая,—тактика артиллерии остается единой и требует такого руководства чтобы ни одна крупица артиллерийских сил не осталась неиспользованной. А это возможно исключительно при цетрализованном управлении огнем.

Н. Кудрявцев.

Борьба с Булах-Булаховичем.

Действия против армии Булах-Булаховича, ныне только что закончившиеся, представляются, конечно, далеко не столь захватывающе любопытными, как события июля—августа месяцев, когда наши армии западного фронта, довершив удар, нанесенный армиями юго-западного фронта полякам под Киевом и Житомиром, в течение 40 дней сверхсильными маршами подошли к Варшаве.

Но в действиях против Булах-Булаховича, мелких, по сравнению с Варшавской операцией, сказывается чрезвычайно занимательная черта.

Эти действия, пока изученные еще в их костяке, в их общих очертаниях служат нам указанием, как отразились на наших приемах войны, в ее отдельных звеньях, те уроки, те опыты, которым подверглись красные, революционные, наскоро сколоченные в 1918 году, войска, за прошедший почти трехлетний период войны. Эти три года война носила то характер чисто партизанской войны, например,—в действиях против петлюровцев и гайдамаков,—то смешанной; в ней применялись и приемы войны партизанской, и приемы войны массовыми армиями, как, например, в столкновении с эстонцами и в т. н. Латгальской операции, в начале 1920 года около Двинска с латышами.

Наконец, боевые действия приняли оттенок регулярных действий в первоначальных наших стычках с поляками до марта 1920 года, а затем, в последующих событиях, приобрели яркий характер войны массовых армий, с кульминационной точкой у Варшавы, когда мы, расчитывая на революционное восстание среди поляков, буржуазии которых угрожал удар в самое сердце, получили резкий, чуть-чуть не ставший роковым для нас, отпор со стороны прочно устроенной польской армии, быстро,—несмотря на короткий срок своего существования,—усвоившей приемы старой национальной или, вернее, общей стратегии в ее французском толковании.

Мы, за три года войны, проделали как бы круг, начав его и закончив чисто партизанской войной. Рядом операций, с налетами и наскоками, мы отбивались от германских добровольцев, от гайдамаков, петлюровцев, галичан и разношерстных белогвардейцев, и не столько упорством войск, сколько случайными революционными организациями рабочих Петрограда свели на нет в январе 1920 года, по чисто политическим причинам, без решительного боя, белую армию Юденича, более или менее правильно устроенную; затем, в марте—апреле в т. н. Мозырской операции, мы учились ведению войны с правильно устроенной армией поляков. Ряд замечаний, особенно командарма 16, частью командзапа и главкома, во время Мозоперации, заключают в себе

подчеркивание наглядных уроков, даваемых нам поляками за время, в течение полутора месяцев. Так или иначе, переброской частей из 16-й армии в другие, общей молвой о событиях, обменом приказов, опыт мозырской операции был учтен до известной степени во фронтовом масштабе. С полезными плодами этих уроков мы выступаем в майско-июньской операции, окончившейся полууспехом, но все же успехом. Наконец, в июле—августе, учтя прежние опыты, бьем поляков и гоним до Варшавы, где, как бы зачарованные блеском успеха и лозунгами политики, скатываемся, в чисто военном смысле, с высшей точки достижения вниз и снова погружаемся в область партизанской войны с прежними петлюровцами и Булах-Булаховичем,—старым знакомым еще по боям с сев.-зап. армией Юденича.

I. Подготовка к операции.

(Краткая оценка сил Булах-Булаховича).

Какие же были признаки, что в ноябре начиналась, именно, мелкая гражданская—партизанская война? Прежде всего они имелись в характере главы всей завирюхи.

Кто такой Булах-Булахович? Это не бывший генерал,—это бывший подпоручик, чуть-ли не первый откликнувшийся на призыв партизан во время нашей войны с Германией. Он в начале революции служил Советскому правительству в Псковском районе, затем бежал к Юденичу, предварительно перерезав все телефонно-телеграфные провода своей войсковой части. В действиях под Петроградом, под Ямбургом и на р. Нарове имя Б.-Булаховича часто встречается, как командира небольших партизанских отрядов—эскадрон-дивизионов.

В общем,—Б.-Булахович, по натуре, партизан чистой воды, в самом подходящем возрасте для этого рода деятельности,—ему около 30 лет.

Предводимая им армия, так называемая, народно-добровольческая армия, состояла к ноябрю из 3-х пехотных, одной кавалерийской дивизий, крестьянской бригады и инженерного полка, находившихся в различных степенях формирования. Наиболее прочно устроенными признавались 1-я и 2-я пехдивизии.

Название полков показывает, до известной степени, из уроженцев каких местностей России создавалась армия Б.-Булаховича. В 1-й дивизии мы видим Островский и Псковский полки, приданные Витебский и Мозырский полки; во 2-й дивизии—Смоленский, Новгородский и Минский полки; в 3-й или Волжской дивизии—Нижегородский, Самарский, Ярославский и Казанский полки; в кавалерийской дивизии находились Путивльский конно-стр. полк, Тульский драгунский имени Учредительного Собрания, Донской кавполк и отдельный Туземный кавал. полк. Как из этих полковых названий, так и из различных сведений разведки можно заключить, что Б.-Булахович комплектовал свои войска из уроженцев некоторых центральных великорусских губерний и из казаков, попавших тем или иным путем за нашу границу,—

пленных, перебежчиков, интернированных, затем из белоруссов, набираемых большею частью на самом месте формирования дивизий; имелись в его полках и поляки, офицеры и солдаты. Виден тут и политический лозунг, под которым будто-бы выступает Б.-Булахович,—Учредительное Собрание.

Идеология, проповедуемая Народно-добровольческой армией, станет еще более ясной, если счесть ее главным вдохновителем Бориса Савинкова, выхоленного барича, прославленного „социал-революционера", завлекавшего других на партийные убийства, красноречивого описателя их, и слабодушного, практического деятеля на посту военного министра в последние дни Керенского.

Общее количество войск Булах-Булаховича 5200—8000 штыков, 2500 сабель и 36 орудий, около 100 пулеметов; в каждом пех. полку команда связи, саперная, бомбометная и пеших разведчиков.

Если рассматривать наиболее устроенные его 1-ю и 2-ю пехдивизии, мы видим в них три чисто белорусских полка и три полка из примыкающих к Белоруссии местностей; можно сказать, что половина армии Булах-Булаховича состояла из белоруссов и с несомненностью надо полагать, что, располагаясь в Белоруссии, в Пинских болотах, она все время действий и пополнялась, главным образом, белоруссами.

Что такое представляют собой белоруссы, именно, пинчуки *), в смысле опоры для каких либо действий,—это ясно без больших пояснений. Бедняки, они должны быть всецело, по несознаваемой ими самими идеологии на стороне Советской власти, но на практике их может сбить с толку почти любая нагрянувшая другая власть.

Этой нагрянувшей власти, в данном случае,—Б. Булаховичу—пинчуки много дать не могли, будучи слабосильными физически и угнетенными, нищими по духу и материальным запасам. Единственно, чем они могли служить,—это знанием местных условий и в этом знании, судя по ходу действий, преимущество было на стороне Булах-Булаховича.

Оценка местности.

В такой местности, как Восточное полесье, в особенности полоса между р.р. Припятью и Днепром, где разыгрались все события, знание местных условий всегда будет играть первенствующую роль.

Здесь ряд болот и лесов, почти сплошные лесисто-болотистые полосы, с редкими проселочными дорогами. Две железнодорожные линии прорезают местность и эти ж. д. линии идут на высоких насыпях, среди топких мест; населенные пункты редки. Отличительными свойствами дорог является то, что только местные жители могут сказать, проходима ли дорога после дождей, особенно в весеннюю и осеннюю пору, и какая именно из дорог. Иногда самая плохенькая дорога по обозначению на топографической карте и пере-

*) Или полещюки.

ходящая даже в тропу является, однако, более доступной во время дождей, чем другая, как будто вполне хорошая дорога по изучению на карте и по первому поверхностному знакомству с местностью.

Расположение войск. (Схема № 1-й).

Расположение войск Булах-Булаховича *) к 1-му ноября было следующее: к западу от демаркационной линии, установленной по условиям перемирия и прелиминарного мира с Польшей, за которую воевавшие стороны обязались не переступать, стояли: 1-я дивизия Б.-Булаховича в Турове, 2-я дивизия—в районе Пинск, 3-я дивизия формировалась в районе Янов, западнее Пинска, и кавалерийская дивизия в районе к западу от Слуцка.

Группировка же наших сил 16-й армии к 8|XI была следующая: на фронте—демарклиния занималась двумя бригадами и одним кавполком 8-й и 10-й дивизий; две другие бригады от каждой из этих дивизий составляли армейский резерв и были сосредоточены: две бригады 8-й дивизии в районе ст. Осиповичи, а две бригады 10-й дивизии в районе г. Мозырь.

Остальные дивизии были расположены: 57-я и 48-я (резерв фронта) в районе Бобруйска, 4-я дивизия (резерв фронта) в районе Гомеля, 17-я дивизия (резерв главкома) в районе Жлобин.

Впоследствии, к концу операции, в распоряжение командарма 16 были даны 10-я кавал., 16-я стр. и 33-я куб. кавдивизии. Сравнительно с армией Б.-Булаховича у нас против него имелось превосходство в пехоте и артиллерии; в два раза мы уступали ему в кавалерии.

На первоначальных действиях слабость кавалерии у нас должна была отразиться, естественно, не к нашей выгоде.

Точно так же и подчиненность наших войск страдала недостатком, особенно невыгодным, именно, тоже для первоначальных действий.

Из 6-ти дивизий—8, 10, 48, 57, 4 и 17—только две, 8-я и 10-я, были в непосредственном подчинении командарму; три другие дивизии—48-я, 57-я и 4-я—составляли резервы фронта, а 17-я—резерв главнокомандующего.

Правда, эти две дивизии, 8-я и 10-я, не уступали в численности войскам Б.-Булаховича, но были растянуты на 250 верст и располагались, естественно, невыгодным кордоном, причем начальники 8-й и 10-й дивизий, опять таки, в последние дни операции почти не могли влиять на боевые события, т. к. в их распоряжении оставалось лишь всего по бригаде слишком 100 верстного сторожевого охранения.

Исправление такой неправильной подчиненности войск происходило с большой постепенностью, в зависимости от действий противника.

---

*) С начала октября 1920 г. стояли около Пинска и Лунинца, южнее их.

Схема № 1

Расположение сторон к началу ноября 1920 г.

Див. Булак-Булаховича

— " — бригады Кр. армии

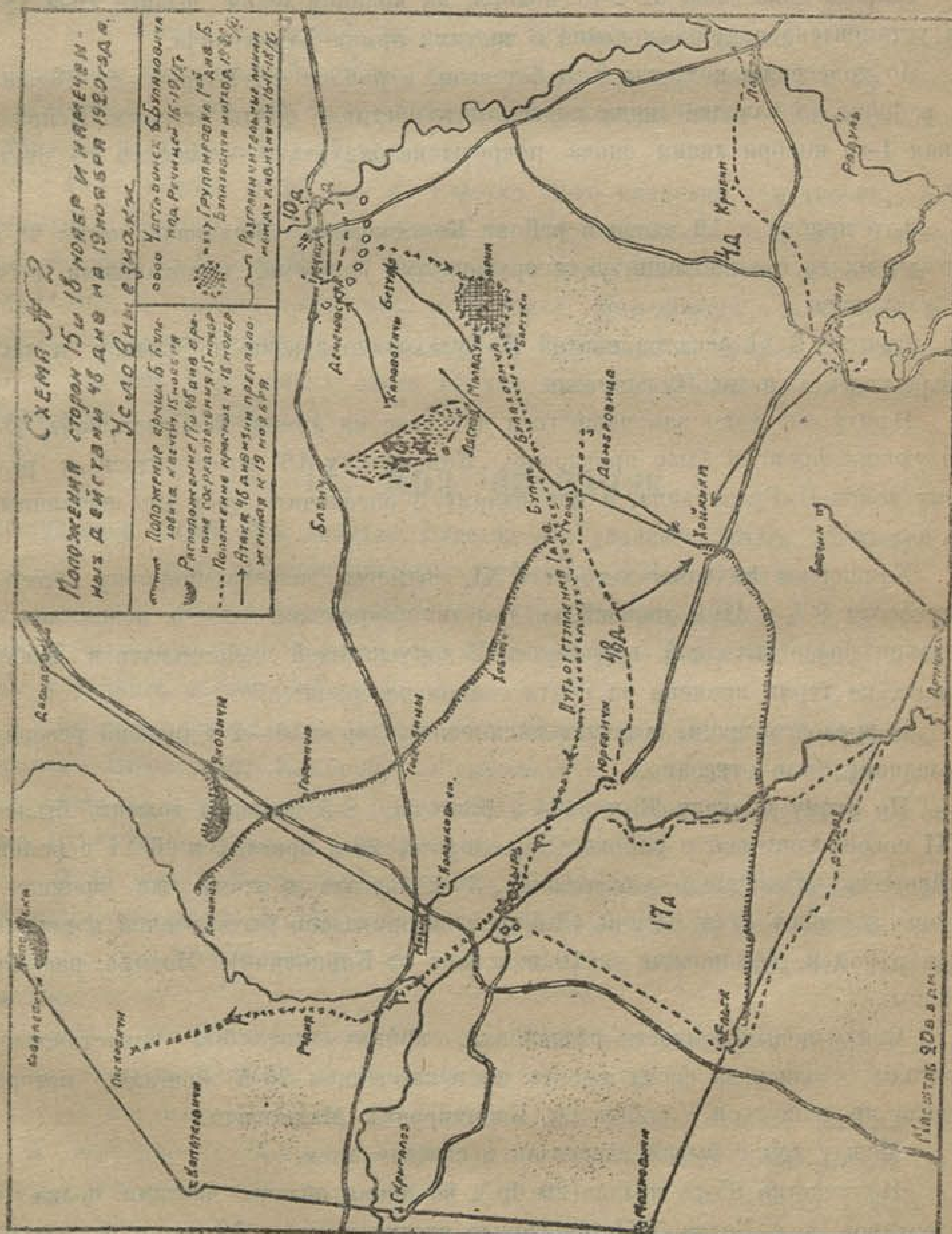
Масштаб 10 в. в дюйме

Волковыск
Слоним
Барановичи
Столбцы
Несвиж
Клецк
Слуцк
Кав. д.
Ляпичи
2 бр.
23 б.
57
48 д.
Бобруйск
Быхово
Рогачев
Глуско
Рудобелка
Кобрин
3 д.
Пинск
2 д.
Штарм
Туров
1 д.
Давид-Городок
29 бр.
30 бр.
48 див.
Мозырь
Мозырь 28 б.
28 бр.
30 бриг.
Речица
Гомель
17 див.
Городня
Чернигов
Домброзицы
Ковель
Сарны
Овруч

Сведения о плане Б.-Булаховича.

Первоначальные стычки. (Схема № 2).

Определенных данных о плане операции Б.-Булаховича у нас не было. Лишь по сведениям от 30 октября,—показание перебежчика булаховского 1-го уланского полка, бывшего красноармейца,—целью Б.-Булаховича является движение на восток, для занятия Могилева и Смоленска.

Да по агентурным известиям от 1 ноября цель действий Б.-Блуаховича определялась, как наступление на Мозырь и дальше, с целью захвата Жлобинского и Гомельского ж. д. узлов.

Еще имелось перехваченное радио с об'явлением Б.-Булаховича, что он переходит границу, установленную в Риге, для „освобождения Белоруссии и одновременно для победы над большевиками“.

Неприятельские действия, в первых числах ноября, выражались в ряде учащенных налетов небольших партий, принадлежащих к составу войск Б.-Булаховича, против левого фланга 16-й армии.

Так, по донесению от 2-го ноября, на крайнем левом фланге 16-й армии установлено соприкосновение с частями армии Булаховича.

По донесению комроты 8-го батсвязи, в районе ст. Уборок—ст. Верейцы, рабочие по наводке линии подверглись обстрелу банды зеленых. Исправленная 1-го ноября линия снова повреждена бандитами,—сожжено 10 столбов.

3-го ноября в 19 часов в районе Костюковичи, Жехавичи, части 28-й бригады имели столкновение с вооруженными бандами, выдававшими себя за булаховцев.

Того-же 3/XI одна из партий Б.-Булаховича заняла д. Млынок и захватила часть заставы 10 кавполка.

В виду очевидно намечавшегося наступления армии Б.-Булаховича, командующим фронтом было приказано: „Командарму 16 изготовиться к разгрому войск Б.-Булаховича, а командарму 3 обеспечить себя от нечаянных его налетов“.

Командарм 16, приказом от 5 XI, наметил перегруппировку бригад армрезерва 8-й и 10-й дивизий, с целью: „Упрочения своего положения и создания более выгодной группировки, допускающей действовать в любой момент, не теряя времени на подтягивание резервов“.

В предоставлении, в распоряжение командарма 16—2-х дивизий резерва, последнему было отказано.

По этому приказу 23-я и 24-я бригады 8-й дивизии должны были к 7/XI сосредоточиться в районе Стар. дороги, 28-я бригада к 6/XI в районе Буйновичи—Махновичи—Острожанка, 30-я бригада к этому же времени в районе к северу от ст. Птичь. 48-й дивизии приказано быть готовой к переходу в район м. Домановичи (в 10 в. к югу от Карповичи), Мозырь, раз. Голевицы.

Ввиду невыясненности обстановки, приказ этот был приостановлен. Бригады остались на своих местах, за исключением 28-й бригады, которая успела продвинуться в район д.д. Казимировка, Махновичи.

Между тем события назревали с каждым днем.

На участке 85-го полка (29 бр.), во время облавы частями полка на дезертиров, в д. Белки 5/XI произошло столкновение в 12 час. с раз'ездом в 20 чел. из отряда Булаховича.

По сведениям местных жителей от 5-го ноября в м. Петриково прибыл отряд Булаховича из 4-х эскадронов (400 сб.) при одном орудии и грабит местечко.

7-го ноября, по непроверенным, правда, слухам, части Булаховича, занимавшие Петриково, выступили оттуда в неизвестном направлении, но в 14 час. 30 мин. отряд Булаховича, очевидно вышедший из Петрикова, невыясненными силами повел наступление на д. Глиница на участке 10-го кавал. полка. Две атаки его были отбиты, а в 20 час. 30 мин. была отбита и третья атака.

8-го ноября, высланная 86 полком (29 бр.) разведка на д. Бобрики, в полуверсте от названной деревни была обстрелена противником в 15 человек неизвестной части. От 86-го полка, в направлении Балки—Петриково, выставлены засады по 12—15 чел.

19-го ноября в 10 час. на участке 10-го кавполка противник, ротою пехоты и взводом кавалерии, ударил на Шестовичи, сбил заставу кавполка, отошедшую на Беложевичи и Скригалов и занял Шестовичи; продолжая наступление, противник после двух атак занял Беложевичи и д. Осовец. В 12 часов колонна противника, невыясненной численности, заняла д. Белановичи (7 в. сев.-зап. Шестовичи), около 14 час. были атакованы и взяты деревня Коржевка и з. Одасев.

II. Ход операции.

Наступление частей 10-й дивизии. Переход 1-го уланского полка на нашу сторону. Занятие противником Мозыря и Коленковичи.

Для восстановления положения, начдиву 10 передавалась 9/XI 28 бригада и было приказано: комбригу 29 подтянуть резерв 87 полка в район Рог и ударить противнику во фланг.

Комбригу 28 оказать содействие кавполку переходом в наступление на Осовец—Шестовичи. Комбригу 30 указывалось выдвинуть 89 полк в направлении на м. Скригалов. Бронепоезду № 8 приказано перейти на станцию Птичь и поступить в распоряжение комбрига 29.

В 17 час. д. Коржевка, з. Адасев, Млын были вновь заняты частями 85 полка, противник отступил на Белановичи. По словам перебежчика в наступлении участвовали части 1-го улан. полка, а к югу от Припяти—1-я пех. дивизия.

В 15 час. 30 мин. части 10-го кавполка, под давлением превосходных сил противника, оставили м. Скригалов и отошли на д. Белая.

1-я пехдивизия Булаховича заняла дер. Белая, Лешня, Казимировка, Б. М. Зимовищи; д. Романовка (12 верст ю.-в. Скригалов) была занята конницей противника; здесь захвачено 3 орудия нашей 2-й батареи 1 легк. дивизиона; 82-му полку приказано перейти из Маховичи в район Мелешковичи и очистить деревню Романовка от противника; в 17 час. полк подходил к д. Романовка. 84-й полк продолжал бой за обладание д. Осовец и к 19 ч после упорного боя овладел им, отбросив б-и пр-ка на Шестовичи, и повел дальнейшее наступление на Лешня и Буда Осовецкая. 89-й полк миновал Скригаловская и около 18 час. подходил к Скригалову.

Штаб армии характеризовал эти бои, как бои местного значения.

87-й полк был направлен из д. Рог на ст. Птичь, для переброски на помощь частям 30-й бригады.

10-го ноября, на рассвете, 1 улан. полк противника, перерезав своих офицеров, в полном составе сдался нам. Посланный комбригом 29 эскадрон этого полка в м. Петриково, в штаб Булаховича, для захвата самого Булаховича, донес, что в м. Петриково прибыл Б. Савинков с кавчастями. В то же время к комполка 85 явилась делегация от Минского пехполка армии Булаховича числом в 15 человек, для переговоров о сдаче; когда Минский полк уже подходил к дер. Кержовка, он был перехвачен противником и повернут к югу.

10-го ноября, в 13 час. 30 мин., 83-й полк выбил противника у д. Романовка и повел наступление на д. Перемировка. 89-й полк, перейдя в наступление на д. Скригаловская, был сбит превосходными силами противника и отошел на линию ж. д. Мозырь—Коростень, от моста через р. Припять до ок. Лунино, 88-й и 90-й полки расположились по той-же ж. д. линии, западнее ок. Нороевщизна.

Подготовка маневра с нашей стороны.

Передача начдиву 10 его бригад и командарму 16 двух дивизий фронтового резерва.

Приказом от 10/XI начдиву 10, в распоряжение которого передавалась 30-я бригада, приказано перейти в решительное наступление, с целью уничтожения прорвавшегося противника; 28 бригаде указывалось действовать во фланг и тыл противнику, в направлении на Мозырь, однако, части дивизии, вместо перехода в наступление 10/XI, под натиском превосходных сил противника, отошли: 30-я бригада на линию ж. д. от ж.-д. моста до д. Нороевщизна, 28-я бригада в район д. Мелешковичи.

Вследствие развивающегося наступления армии Булаховича и угрозы гор. Мозырю, в распоряжение командарма 16—10/XI были переданы 48-я и 4-я дивизии фронтового резерва. (Прик. 10/XI).

К утру 11 ноября, сведений от 10-й дивизии не было получено по случайной причине,—поезд штадива, уходивший в 20 час. 10/XI со ст. Коленковичи на ст. Василевичи, был внезапно обстрелян, неизвестно кем. От толчка паровоза, давшего сразу полный ход, часть вагонов с оперативной частью, начдивом и наштадивом оторвались и остались в Коленковичах; на ст. Василевичи прибыл лишь помвоенком, не имевший связи со штабригами и прочими частями.

К вечеру 11 ноября (21 час) сведения, за перерывом связи, получены лишь в самых коротких выражениях: „части 30-й бригады, оставив Рудня, Мозырь, отошли на линию Екимовичи, Клинск, Буда, Гулевичи, Лубня. Части 28-й бригады отходят из Мелешковичи на Барбаров“.

Командарм 16, во исполнение директивы командзапа, приказал: начдиву 10 сдерживать натиск противника, не допуская переправы его на с.-в.

берег р. Припять; коннице-же обеспечивать правый фланг и тыл 12-й армии; начдиву 48 приказал сосредоточить дивизию к вечеру 13/XI в районе Шацылка—Озарич—Домановичи—Евтушевичи (приказ 10/XI).

События, однако, разыгрывались своим чередом и приказ этот не мог быть выполнен.

К 9 час. 12/XI сведения о 10-й дивизии носили более определенный, хотя еще недостаточно полный характер,—именно: части 30-й бригады, под натиском превосходных сил противника, в 16 час. 10/XI оставили Мозырь, взорвав мост на р. Припяти и отошли на левый берег, сосредоточиваясь на линии Екимовичи, раз. Клинск, Гулевичи. Утром 11/XI противник, исправив мост на Припяти, переправился на левый берег и, овладев д. Рудня (8 верст сев. Мозыря), продолжал движение на линию раз. Голевицы, д. М. Автюцевичи. Части 28-й бригады в движении из района Мелешковичи на м. Барбаров, м. Юревичи, Прудок, откуда должны войти в связь с частями 30-й бригады, с целью совместных действий. Эти сведения о 28-й бригаде предположительные, о точном же местонахождении частей,—штадив 10 данных не имел.

85-й и 86-й полки (29 бр.) сосредоточились в районе Екимовичи—Клинск. Около 12 час. 11/XI 87-й полк, после боя с противником у м. Коленковичи, к тому-же времени отошел на д. Буда (8 в. с.-в. Коленковичи) таким образом, демарклиния была оставлена.

48-я дивизия была в движении в районе Шацилка, Евтушевичи, Домановичи. Погода пасмурная, оттепель, дороги тяжелые.

В связи со сложившейся обстановкой, командарм 16 приказал: начдиву 8 сосредоточить 24 бригаду в районе Глуск; начдиву 10 приказано прикрывать направление Мозырь—Жлобин, Мозырь—Речица и Юревичи—Хойники (приказ 12/XI).

Обратное взятие Коленковичей частями 29 бригады.

Изолированные действия 28 бригады.

К вечеру 12/XI (к 21 часу), за отсутствием связи, сведений от 28 и 29 бригад не было получено. От 30-й бригады была выслана конная разведка, для установления с ними связи. На части 30-й бригады в 12 часов 11/XI противник перешел в наступление в составе Минского, Островского, Вознесенского, Псковского и смешенного туземного полков, со стороны м. Коленковичи, но был отбит. 87-й полк находился в Осипове, Рудня; 10-й зап. б-н—в Голевицы. 88-й, 90-й полки—в д. Александровка, М. Автюцевичи, 88-й полк—в Б. Автюцевичи. Бронепоезд № 8—в Голевицы.

К 9 час. 13/XI сведений от 28-й и 29-й бригад также, вследствие отсутствия связи, получено не было.

К 13 час. 13/XI сведения о 29-й бригаде получились следующие: бригада, сосредоточившись в д. Дубичи (8 вер. сев. м. Коленковичи), с наступлением темноты, 12/XI перешла в наступление на ст. и м. Коленковичи, и после

продолжительной артиллерийской подготовки 86-й полк в 20 час., атакой во фланг, овладел ст. Коленковичи; в 21 час 86-й и 85-й полки одновременно ворвались в м. Коленковичи; уличный бой, с оказавшим упорное сопротивление, противником, продолжался около часа; м. Коленковичи осталось в наших руках.

Захвачено больше 160 пленных, 10 пулеметов, 2 воза кабеля, много аппаратов, офицерские вещи, духов. оркестр, много винтовок. По словам пленных м. Коленковичи занималось 4-мя полками 1-й дивизии Булаховича.

Бригаде приказано, приведя части в порядок, занять Шынчи, Колбасичи, Рудня, Юшки и Туровичи. 30-й бригаде приказано сменить части 29-й бригады на участке Гулевичи, Ситня и занять участок Рудня (искл.) Рулевичи, Б. Автюцевичи (включ.). О 28-й бригаде получены лишь краткие сведения,—сосредоточивается в районе Хойники.

13/XI сведения, к 21 часу, гласили, что комбриг 28 тов. Ковшев и зав. разведкой, будучи ранены при нападении булаховцев на штабриг в д. Правтюки*), остались в плену; 82-й полк в д. Козелужье, Настолье; 84-й полк в д. Дворище, 83-й полк—Хойники; при 28-й бригаде сосредоточились около 60 сб. 10-го кавполка, несущие разведку на Хвойное, Юревичи; д. Богуславцы, в ночь на 13-е, была занята кавалерией противника. От 48-й и 17-й дивизий сведений не поступало.

14/XI к 21 часу сведения от 29-й бригады не поступали, 30-я бригада и запасбат 10-го в 13 час. сосредоточивались на раз. Голевицы. Разведка из д. Глинная сл. на д. Баруска в 5 час. возвратилась, не встретив противника; 48-я дивизия в пути; от пехполков сведений нет. Отрядом Булаховича, около 800 штыков при 8 орудиях, одном полке конницы, в 14 час 14/XI занято м. Хойники; в 23 часа его конные части завязали бой с заставой у д. Домбровица (20 в. с.-в. Хойники). По показаниям перебежчиков, а также бежавшего из плена зав. разведкой 28-й бригады, полк в районе Мозыря и Коленковичи демонстрирует, главная же его цель—налет на Речицу.

Для противодействия противнику 10-я дивизия перегруппировывалась: 29-я бригада в район Голевицы, Рудня, Б. Автюцевичи; 30-я бригада—Хобное, Старчицы, Великий Бор; 28-я бригада в районе Аврамовская, Великий Бор, Домбровицы.

Передача командарму 16 еще одной дивизии. Наступление Б.-Булаховича по трем направлениям: на Б. Бобровичи, Коленковичи и Домбровицу.

По приказанию командарма, из Гомеля в Речицу, в распоряжение начдива 10 срочно перебрасывался по ж. д. запбат 55 и усиленным маршем один полк 4-й дивизии, для обеспечения Речицы и прикрытия направления на Гомель. 13/XI, в распоряжение командарма 16, передана 17-я дивизия, которой приказано к вечеру 15/XI перейти в район оз. Тремлец, Михайловской, Семиришь, Шкова (приказ 13/XI).

*) В 6 вер. зап. м. Барбаров.

Командарм 16, ввиду развивающихся действий противника и в связи с главной целью противника—овладение Речицей,—приказал начдивам 17 и 48 ускорить движение в указанные районы, а начдиву 10 ограничил задачу—активным прикрытием направления Мозырь—Речица и Мозырь—Юревичи—Хойники; начдиву 4 приказал выслать кавполк в район м. Лоев (14/XI 13 часов).

По сведениям от 15/XI, к 9 час. противник, на участке 10 дивизии, невыясненными силами перешел в наступление на 86-й полк у Б. Бобровичи по ж. д. на Жлобин; на участке 87 полка (Дубичи), на нашу сторону перешло 20 солдат и 2 офицера Минского полка Булаховича (1 из офицеров—бывший компопка Желваков).

Противник занял также вновь 14/XI м. Коленковичи. Действовавший здесь наш бронепоезд № 8 (между ст. Голевицы и ст. Птичь) понес большую утрату,—около Рудня (8 верст западнее Коленковичи) погиб его десантный отряд—13/XI.

Части армии Б.-Булаховича—8-й Псковский, 3-й Островский, 4-й Вознесенский полки (1-й дивизии), Минский полк (2-й дивизии) и туземный дивизион, заняв ст. и м. Коленковичи, 13/XI повели наступление вдоль ж. д. на Речицу, но были отбиты. Около 23 час. конные части противника завязали бой с заставой 28-й бригады у Домбровицы.

13/XI в д. Рудок стоял Мозырский полк Булаховича и в 12 час. ушел на м. Юревичи.

Части 48-й дивизии начали прибывать в район Шацилка, Евтушевичи, Азаричи, Домановичи; части 17 дивизии в пути: 50 бригада прошла дер. Рудня (6 верст юго-зап. Паричи); 49-я бригада в 18 час.—д. Чернин; 51-я бригада переправилась через реку Березину у сл. Якимовской.

15/XI на участке 10-й дивизии 29-я бригада, после боя у д.д. Б. Бобровичи, Дубичи, отошла на линию раз. Голевицы, М. и Б. Автюцевичи, сменив части 30 бригады; в 5 часов 15/XI противник повел наступление на дер. М. Автюцевичи и вынудил части бригады отойти на линию Замостье, Лоски, Глинная Слобода, Хобное; части 30 бригады были в движении из дер. Хобное в дер. Белый Бор; в 28-й бригаде части 84 полка в 10 часов 30 мин. 15/XI с боем заняли д. Домбровица, захватив обоз Георгиевского полка противника, отступившего на Горшков. В 11 часов противник, подтянув пехоту, повел контр-наступление и выбил б-н 84 полка из д. Домбровицы. Комбригом 28 приказано 84 и 82 полкам атаковать д. Домбровицы. В 12 часов 40 минут 15/XI противник повел наступление на смоляной завод, со стороны деревни Горшков. 83 полку приказано занять д. Горшков. Сведения разведки были к этому времени таковы:

а) В Мозыре расположена Волжская или 3-я дивизия Б.-Булаховича: Казанский и Ярославский полки по 300 шт., Самарский и Нижегородский—кадры по 10—15 оф. на полк, Путивльский конный полк действовал у Ельска. Предположение противника занять Овруч и Коростень.

б) В бою 13/XI у ст. Коленковичи штадив 1-й пех. див. был в Скригалове. На Речицу действовала 2-я пех. див.,—Минский, Георгиевский и Смоленский полки и 1 невыясненный кавал. полк,—бывшая сначала южнее Мозыря (подтверждение войсковой разведки о движении 13/XI через Ужинец и Олексичи в вост. направлении 3-х пех. и 1 кавал. полков).

Распоряжение о нашем общем переходе в наступление. Обстановка к вечеру 15 ноября.

Обстановка к вечеру 15/XI на фронте 16 армии, в общем, была такова: противник, с занимаемой им линии м. Бобровичи, раз. Голевицы, Хобное, Домбровица, Хойники, введя в бой 1-ю и 2-ю дивизии, теснил нашу 10-ю дивизию, которая отошла на линию Василевичи, Избынь, ст. Аврамовская. 48-я и 17-я дивизии заканчивали сосредоточение в назначенных районах. Приданная армии кубкондивизия перевозилась по жел. дор. из района Витебска в район ст. Шацилка и один полк ее прибыл в этот район.

До сих пор действия Красных и распоряжения наших начальников по необходимости носили характер приспосабливания к действиям противника и, в общем, сводились к завлечению противника далее на восток к Речице, переходя в должных случаях в контр-атаки, что мы и видели в боях за Коленковичи и Домбровицу.

К 16 ноября наш ответный маневр, с окончанием сосредоточения 48-й и 17 дивизий, мог вылиться в окончательную форму.

Приводя ранее лишь выдержки из приказов, теперь необходимо ознакомиться с важнейшей данной в развитии всех дальнейших действий, с приказом командарма 16 о наступлении,—возможно подробнее.

Командарм 16 считал обстановку выясненной и группировку своей армии законченной.

Важнейшая минута перелома в ходе операции породила такое распоряжение: 17-й дивизии, с приданной 24-й бригадой 8-й дивизии, перейдя в наступление, занять не позже полудня 16/XI линию Скригалов (для чего требовалось форсировать реку Припять, после перехода около 45 верст), завернуть правым плечом—левым флангом, занять Мозырь и выйти 17/XI на линию Мозырь—Ельск, а 18/XI занять Юревичи, Наровль, устье р. Славечна, обеспечивая операцию дивизии выдвижением 24-й бригады на линию Кузьмичи—Петриково. По достижении района Ельск, войти в связь с 12 армией; начдиву 48 было приказано: перейдя в наступление, 16/XI занять линию Коленковичи, Василевичи, Бабичи, к полудню 17/XI занять Гулевичи, Хобное, Великий Бор, ст. Аврамовская и к полудню 18/XI занять линию Ужинец, Руденка, Хойники, прочно укрепившись на этой линии, имея конницу за своим левым флангом. Начдиву 10,—оставив необходимое количество войск для прикрытия направления Хойники—Речица, с утра 16/XI начать постепенно передвижение к югу, имея задачей, не позже полудня 17/XI, занять и упорно удерживать район Городище, Брагин, Острогляды, Ясменчи, давая отпор противнику, стремящемуся прорваться на Чернобыль (этот пункт приказа впо-

следствии отпал), начдиву 4—выдвинуть теперь же кавполк на фронт Городище, Брагин, Спериж, передав его в подчинение начдиву 10 и ускорить выдвижение полка в Речицу, а 4 дивизии быть готовой к выдвижению на фронт Холмычь, Лоев—Радуль. Начдивам иметь сильные резервы для противодействия попыткам противника прорваться па тех или других участках.

Разбор приказа.

Рассматривая этот приказ, прежде всего надо заметить, что он написан вперед на три дня—с 16 по 18-е включительно; все движения войск подробно расписаны; точно указаны на каждый день для каждой дивизии определенные пункты достижения. Видимо, командарм 16 не надеялся на должное поддержание связи с полевыми штабами дивизий для передачи обычных ежедневных приказов и счел необходимым короткое указание цели действий заменить ежедневными подробными расчленениями этой цели, всегда сковывающими действия войск. Затем, переходы, особенно в 17-й дивизии, даны чрезмерно великими. Принимая во внимание, что из Жлобина к озеру Тремлец 17 дивизия шла усиленными маршами, нужно было в дальнейшем ноги красноармейцев пожалеть, а между тем, задание от них требовало еще большего напряжения.

Вместе с 2-мя переходами от Жлобина к озеру Тремлец, всего к 18-му ноября по заданиям, 17-я дивизия должна была пройти 170 в. в 5 дней, т. е. без дневок делать по 30—38 верст в сутки, в осеннюю грязь и непогодь, по плохим проселочным болотистым дорогам. Особенно поражает в расчете движения марш на 16/XI—50 верстный—с задачей в тот же день форсировать р. Припять. Требование явно невыполнимое и высказанное в приказе с таким легким сердцем, без всякого пояснения о его чрезмерности и указания способов облегчения в исполнении.

Фронт движения 17-й и 48-й дивизий также несоразмерно велик и, конечно, не мог обслуживаться имеющимися средствами связи.

Кроме того непонятно, зачем потребовался загиб правого фланга 17-й дивизии, когда простым движением вперед к югу достигалось то же самое, что и этим загибом,—именно, выход в тыл Речицкой группы противника и взятие Мозыря. Задаваться еще большей целью действия с тыла даже на Мозырь, т. е. на полосу в 60 в. по фронту, двумя дивизиями и возлагать эту задачу на дивизию наружного заходящего фланга,—это, значит, явно итти на проигрыш в силе удара. Силы человеческие имеют предел и мотовство их никогда не остается безнаказанным.

Отход 10-й дивизии к Речице. Марш-маневр 17-й и 48-й стрелковых дивизий.

В это время весь день 15/XI противник, обходя левый фланг армии у д. Домбровицы, начал упорно прорываться к Речице и нажимал на м. Махновичи, вследствие чего задача 10-й дивизии была изменена дополнением к предыдущему приказу от 16/XI, „приведя части в порядок, 17/XI занять Лоев“. Приказ этот был отдан тогда, когда части 10-й дивизии, которые теснил противник, были под Речицей и 16/XI вели бой с противником у де-

ревень Кавазаевка и Бронное, причем взято 60 пленных Мозырского полка, 1-го партизанского полка и 1-го конного полка.

49-я бригада (17 дивизии) подошла к р. Припять только 18/XI, а 19/XI, форсировав р. Припять, вышла на линию Скригалов, с опозданием на трое суток. 51-я бригада 17-й дивизии подошла к Мозырю 19/XI и 20/XI, форсировав р. Припять, заняла г. Мозырь. Обозы полков, вследствие тяжелых дорог, отстали сразу от своих частей на дневной переход.

На левом фланге 48-й дивизии 142-я бригада вышла во время на линию, указанную приказом командарма 16; 143 бригада (правый фланг) заняла эту линию с опозданием на сутки, имея целый ряд боев в районе к северу от м. Коленковичи.

Первые непосредственные сведения о противнике 48-й дивизией были получены от 5 солдат Георгиевского полка, сдавшихся нашему раз'езду,— именно: что 1-й баталион Георгиевского полка в д. Коршицы, намереваясь двинуться на д. Опсовичи, 2-й баталион в д. М. Бобровичи.

Бой в районе Домановичи начался 14/XI. Выслана для прикрытия правого фланга рота 427 полка; в районе д. Виша (17 вер. сев.-зап. м. Домановичи) была встречена банда Булаховича в 40 чел. с 1 автоматом; 428 и 427 полки в 14 ч. 30 м. 16/XI повели наступление на Козловичи (5 верст сев.-зап. м. Домановичи). Противник оказал упорное сопротивление. Нами была взята д. Козловичи, взято в плен 7 офицеров, более 100 солдат, 3 пулемета. 429 полк достиг д. Давидовичи (2 в. сев.-вост. Домановичи), занятой противником в числе 200 шт.; завязался бой. Для содействия 429 полку приказано 428 полку ударить во фланг противнику со стороны д. Козловичи. За весь день 16/XI частями 143 бригады захвачено более 150 ч., 10 офиц. в плен, принадлежащих Минскому, Смоленскому и Георгиевскому полкам, и 4 пулемета.

К 22 час. 16/XI нами были заняты д.д. Влески, Солец (7 в. юго-зап. м. Домановичи), начато наступление на д. Мал. Бобровичи.

17/XI в 48-й дивизии продолжался бой с противником; в 143-й бригаде—427-й полк в 23 ч. 30 мин. 16/XI овладел д. М. Бобровичи, захватив 106 пленных; 428 полк к 8 часам 17/XI овладел м. Домановичи, захватив много пленных и пулеметы; 429 полк стал в бригрезерве в м. Домановичи. К вечеру 17/XI части дивизии повели наступление на д. Б. Бобровичи, Горочочи, связавшись вправо с 51-й бригадой 17-й дивизии. 144 бригада к 10 часам 17/XI сосредоточилась в районе д.д. Безовшица, Носовичи, Зеленочи. 142 бригада к вечеру 16/XI вышла на линию д.д. Нахов, Василевичи и связалась влево с кавполком, сосредоточенным в д. Бабичи.

По сведениям 18/XI к 9 час. (от 17 дивизии сведений не поступало) в 48-й дивизи части 143 бригады заняли м. Коленковичи, д.д. Сирод, М. Автюкевичи, захватив пленных, пулеметы и др. трофеи; части 142 бригады к 12 часам 17/XI прошли д. Глинная слобода, д. Махновичи, захватив пленных невыясненной части. Кавполк в районе дер. Бабичи держал связь с 10-й дивизией.

18/XI пленные около м. Домановичи показали, что Смоленский полк (2 дивизии) имеет 100 шт., 40 сб. (из Остр., 1 ул. и Минск. п-ков уцелело до 500 шт.); состав группы, действующей в районе Речицы: 1-й партиз. пех. полк (1 б.) 450 шт., Мозырский пех. полк 200 шт., 1 и 2-й кон. п-ки по 150 сб., эскадрон драг. полка 50 сб.

В 12 часов 18/XI (сведения в 21 ч. 18/XI) 427 полк (143 бр.) повел наступление на д. Гулевичи, з. Дамарка, д. Прудок; 428 п-к по занятии д. Вел. Автюцевичи и д. Боруска с 9 ч. 18/XI начал наступление на д. Огородники, ок. Кунцев-Рог; 129—стал в резерве в д. Б. Бобровичи. 142 бригада: 425 п-к. к 15 ч. 17/XI занял д. Хобное и продолжал движение на д. Мутижир, 424 п-к. в 12 ч. 17/XI занял с боем д. Избынь, захватив 38 пл. 3-го Витебского, 2-го Псковского и 4 Вознесенского полков 1-й дивизии Булаховича и продолжал движение на ст. Аврамовка и д. Великий Бор. Ввиду наличия значительных сил противника в районе восточнее ж. д. Василевичи, Хойники, 426 п-к начал продвигаться из д. Пахов в д. Защебье. Кавполк из д. Бабичи на д. Коровотичи, обнаружил в Коровотичи баталион противника с 2-мя пулеметами; кавполк атаковал его, но был отбит.

Эскадрон кавполка из д. Бабичи был выслан в направлении Речицы.

Бои у Речицы 16—17/XI.

В это время с 16/XI по 19/XI противник, сосредоточив главные силы у г. Речицы, повел неоднократные атаки на город, подходя на 100 шагов к нему. Части 4-й и 10-й дивизий успешно отбивались.

10-й дивизией к 22 ч. 16/XI была занята северная окраина д. Кавазаевка; здесь противник потерял более 100 ч. убитыми, нами захвачено в плен 60 ч. 1-го Мозырского, 1-го Партизанского и 1-го Конного полков. В 3 ч. 17/XI с боем занята южная окраина д. Кавазаевка и д. Жмуровка.

К утру под Речицей было спокойно; разведкой, высланной в западном направлении, на протяжении 2-х верст противника не обнаружено. К 5 ч. 30 м. части, обороняющие Речицу, занимали линию с.-з. окраину Речицы, ст. Речицу, д. Гориводы, с.-з. окраины д.д. Кавазаевка и Жмуровка; резерв 87 полк—г. Речица.

17/XI армия Б.-Булаховича, приостановила наступление на Жлобин и 2-мя группами двинулась на Речицу; южная группа (Мозырский пех. полк), обходящая наш левый фланг, заняла с боем м. Бронное (6 в ю.-в. Речицы) в составе 2-го Псков. полка 450 шт.; 3 Возн.—300; Туз. кон. полка—(в пеш. строю) 200 сб. и Гусарск. полка—130 сб.

В 8 часов 10 м. 17/XI противник снова атаковал ст. Речицу и приблизился к ней на 100 шаг. Части 29 бригады смело бросились в атаку на противника, который, не выдержав,—отошел к Волчьей Горе и д. Бронное. Преследуя противника, части бригады заняли Волчью Гору и продолжали наступление на Бронное. К 11 часам подошли с юга части 28 бригады и тоже атаковали противника и привели его в расстройство. Было захвачено более 100 плен., 1 трехдюйм. орудие и много винтовок; к 19 ч. 25 м. части

30 бригады заняли д. Ровинскую Слободу, к вечеру 17/XI начался бой за д.д. Гориводы, Демеховская Слобода, г. дв. Рабуса.

В 4-й дивизии 28 полк, к вечеру 17/XI, занял линию д.д. Борхов, Берновка, Цикуны на правом берегу Днепра в 20 в. ю.-в. г. Речица и повел разведку в направлении на д. Михалки; в районе Лоева разведка кавполка противника не обнаружила; паром через р. Днепр исправлен; 12-я бригада находилась в движении на Лоев.

В 17 часов противник 2-мя колоннами перешел в наступление,—одной вдоль ж. д. в направлении на Речицу, другой, заняв Молчаны, Коростень, двинулся на Речицу и частью колонны в восточном направлении. По показанию пленных при последней колонне находился сам Булахович; задача всех колонн—соединиться в Речице, для дальнейшего наступления обходным порядком на Гомель. Начдивом 10 было приказано: 86 полку и легкой батареи сосредоточиться на северной окраине г. Речица, где находиться: загототряду 10 у кладбища, что западнее р. Речица, инжбату с отрядом Уварова вести разведку в с.-з. направлении от Речицы, 28 бригаде сосредоточиться на пересечении ж. д. и шоссе, что западнее.

Частям 30-й бригады, находящимся в районе Гориводы, приказано двигаться к месту сосредочения 28-й бригады. 85 и 87 полки были сосредоточены у ок. Волчья Гора. 36 полку, заготряду № 70 и запбату 55 приказано сосредоточиться в д. Кавазаевка; было приказано уничтожить мост у д. Речицкая-Рудня.

По свед. 18/XI к 9 ч. 10 дивизии, части, обороняющие Речицу, заняли линию: инжбат 10 перехватывал дорогу Рудня, Речица; школа комсостава на кладбище; части 28 бригады в д. Речицкая-Рудня (2 вер. зап. ст. Речица); 30 бригада в ст. Речица; 81 и 87 полки на сев. окраине Речица; 36 полк в д. Кавазаевка. Линия охранения — д.д. Озерщина, Дергупы, Демеховская Слобода, Гориводы, Волчья Гора, Бронное; вперед ведется разведка.

Противник после неудачной атаки на линию Демеховская Слобода, Гориводы в 17 ч. 17/XI отошел назад.

Обстановка к 18 ноября. Выход 48-й дивизии в тыл речицкой группы Б.-Булаховича. Несообразные распоряжения об атаке этой группы 48-й дивизией.

Успешное передвижение 48-й дивизии,— сравнительно медленное, из-за дальности расстояний,— продвижение 17-й дивизии, где сопротивление противником оказывалось меньшее, и успешное отражение атаки 4-й и 10-й дивизиями вызвало отдачу приказа от 18/XI, в котором начдиву 17, по овладении Мозырем, приказано выделить одну бригаду в армрезерв в район Коленковичи. Начдиву 48, продолжая наступление своим правым флангом, приостановить наступление центра и левым флангом прочно занять район Великий Бор, ст. Аврамовская; всем же свободным резервам (144 бригада и часть 142 бригады) сбить противника у Речицы в тыл, содействуя начдиву 10; по подходе частей 48-й дивизии, перейти в наступление; начдиву 4, при содей-

ствии 28 полка 10-й дивизии, 12 бригадой занять линию Мохов, Колпень и выдвинуть боковой авангард в район Кривин — Ручевка.

19/XI, после неудачных атак противника у Речицы, обозначился отход частей 1-й дивизии Булаховича в юго-западном направлении; его 2-я дивизия у Мозыря и Коленковичей в это время упорно оборонялась и отходила также в юго-западном направлении.

Приказом 19/XI, в котором в связи с переходом в наступление 10-й дивизии устанавливаются новые разграничитильные линии для 48-й и 10-й дивизий, начдиву 17 назначено: продолжая выполнение первоначальный задачи, выставить сильный заслон в Ельск и 1-ю бригаду выделить в армрезерв в район Мозырь—Коленковичи.

Вот дословно следующие (3, 4 и 5) пункты приказа:

„3) Начдиву 48, заняв правым флангом и центром линию Юревичи, Огородники, Кунцев-Рог, Хойники, В. Бор, Домбровица, резервами, сосредоточенными в районе Бабичи, Лесное, Бобылев, Головки, с рассветом 19 ноября атаковать противника у Речицы во фланг и в тыл в направлениях Коровотичи—Молчаны и Малодуны—Андреевка—Ровенская сл.; атака должна быть произведена стремительно; по разбитии группы противника у Речицы, совместно с частями 10-й дивизии, преследовать остатки войск противника в общем направлении на Хойники, отбрасывая их на Мозырь.

4) Начдиву 10, с рассветом 19 ноября, перейти в решительное наступление, с целью уничтожения группы противника у Речицы и преследования остатков его группы на Хойники искл., Микуличи вкл.

5) Начдиву 4, оказывая содействие начдиву 10, правофланговым полком у Речицы, бригадой у Лоева, к исходу дня 19 ноября, прочно занять район Мохов, Лоев, Колпень, Кривин, Демакерки, Петрицк, имея конницу в районе Городище, Брагин и сильные резервы на фронтеХойники, Новоселки, и быть готовым встретить и уничтожить отходящие от Речицы на юг и юго-запад разбитые части противника“.

Разбор приказов.

В обоих этих приказах нужно прежде всего отметить чрезвычайную сложность маневра и две перемены операционных направлений в течение 24 час. перед самым лицом врага. Распоряжения же для 48-й дивизии о занятии линии от Юревичи до Б. Домбровицы, около 50 вер., и об атаке противника у Речицы на Молчаны и Ровенская Слобода и затем преследование этого противника на Хойники,— совершенно непонятны; ведь от Речицы до Хойники по 3-х верстке недалеко, но на местности, свыше 50 верст; каким образом противник, разбитый под Речицей, мог быть преследуем на Хойники ударом в противоположном северо-восточном направлении? или разбить его должны были сосредоточенные резервы, двинутые на Молчаны, Ровенская Слобода, а преследовать передовые части, стоящие лицом на юг, к Хойникам?

Войска должны были понимать этот приказ так, что противника надо было атаковать в двух направлениях: и на Речицы, и на Хойники; при этом атака в указанных направлениях сама собой напрашивалась быть одновременной, т. к. противник от Речицы к данной минуте был уже отбит, и его части, находящиеся у Хойники, вполне подходили под понятие разбитого у Речицы противника. Таким образом, 48 стр. дивизия, уставшая после ряда переходов и боев, по приказу высшей власти, разлеталась будто бы для удара по противнику в две разные стороны на фронте в 60 верст и сама образовывала у себя прореху, открывая фронт противнику.

На войне под выстрелами, после ряда бессонных ночей, пишутся, конечно, и не такие запутанные и несообразные приказы но, будучи написаны в спокойной обстановке, далеко, за сотни верст от огня, такие приказы при общей наклонности к разброске сил, свидетельствуют о беспричинном мотовстве живых сил и заставляют исследователя не верить клочку бумаги, на котором приказ написан, или же чувствовать себя на границе стратегической гипертрофии.

Прорыв наших войск 1-й дивизией Б.-Булаховича.

Противник (1-я пех. дивизия Б.-Булаховича) в эту прореху и направился, между тем, как фактически уже 19-XI он был отрезан от своих главных сил выходом 49-й и 50-й бригад к западу от м. Барбаров и [illegible] бригады к Явойному.

Исполнение по приведенным двум приказам выразилось в том, что большинство сил 16 армии, к минуте отхода 1-й дивизии (с частью других дивизий) Булаховича, направлялось к югу от линии Юревичи — Домбровица; Булахович же, сосредоточив свои остатки в одну большую группу, несколько восточнее д. д. Андреевка и Малодушь, уже вечером 19 начал отход и стал сбивать наши резервные части 144 и 142 бригад, не успевшие еще сосредоточиться для нанесения удара. Противнику удалось прорваться в направлении на д. Старчицы, очутившись, таким образом, в тылу 143 бригады, наступавшей к югу, 142 и 144 бригад, направлявшихся для сосредоточения у Бабичи и Бобылева. Вышло так, что вместо действия нами по тылам наступавшего на Речицу противника, мы сами подверглись такому же его действию: он прошел по нашим тылам. Части 48 дивизии только 22 и 23 XI повернули вслед за прорвавшимся противником. Последний же непосредственно перед собой имел лишь 2 полка 50 бригады в районе Мозырь—Коленковичи и 2 полка 24 бригады в Бобуничи и Петрикове. Этого оказалось мало для противодействия и они, видимо, плохо были предуведомлены; противнику снова удалось прорваться 22/XI в районе Мозыря и уйти в направлении на д. Екимовичи, где противник встретил части 33 кубкавдивизии. Последующие приказы 20 и 21/XI об окружении и уничтожении нами противника, опаздывали, не поспевали за действиями противника.

Оставшиеся части армии Б.-Булаховича отошли в западном направлении. Прорвавшаяся группа 1-й дивизии шла на Колки.

Здесь можно закончить ход операции против Б.-Булаховича, потому что дальше идет уже простая погоня.

Б.-Булахович потерял 4 орудия, около 2500 человек пленными.

III. Общий вывод.

Замечания о распорядительной деятельности.

1) В первоначальной до операции группировке, вернее, подчиненности дивизий видна излишняя осторожность, навеянная Варшавской неудачей,— ожидали правильных действий, тогда как все говорило о налете характера гражданской войны.

2) Медленность в передаче командарму 16 дивизий и начдивам 8 и 10 их бригад.

3) Непосильная форсировка маршей по первоначальному заданию, особенно 17-й дивизии, для наступления 16 ноября.

4) Ненужная сложность маневра 17 дивизии, по заданию 17 ноября.

5) Разбросанная задача, совершенно невозможная для исполнения, 48 дивизии на 19, 20 ноября.

6) Действия начдивов и комбригов в большинстве еще не изучены; по ходу действий, однако, видно, что эти подчиненные начальники там, где удавалось сосредоточить кое какие силы при общей разбросанности операции, действовали успешно против Коленковичей в действиях 29 бригады 12 ноября, по своей инициативе произведшей удачный и своевременный контрудар; при планомерном отходе 10 дивизии, хотя несколько раз и терявшей связь с 28 бригадой, и при обороне Речицы; равно также и в действиях 48 дивизии при подходе 15/XI к Коленковичам.

7) **Замечания по родам войск:** Кавалерии было мало и действия ее, кроме поддержания связи, почти не заметны. Артиллерия видимо страдала от бездорожья. Захват противником 3-х орудий в Романовке 9 ноября почти без боя свидетельствует о плохой сторож. развед. службе. Несколько неясна роль артиллерии при ночной подготовке атаки на Коленковичи 12 ноября. Инженерные части ведут бой, как пехота под Речицей, а свою специальную службу исполняют плохо; мост через Припять у Мозыря как следует не могли исправить, и на дорогах, по которым велся маневр, почти не угрожаемых, значительными силами противника, переправы содержались не в надлежащем виде. Служба связи часто отсутствовала; при самом замысле операции, в таком несообразно широком, со связью, видимо, не считались.

8) Пехота вела себя геройски и вынесла всю операцию буквально на своих ногах,—шлепала по грязи целых две недели, хорошо дралась в Коленковичах, Домбровице и под Речицей.

9) Про броневые части у Б.-Булаховича сведений нет и бронепоезд № 8 действовал между Голевицы и Птичь; смелые действия его дессантного отряда обошлись ему дорого: у Рудня в 7 верстах юго-западнее Коленковичей этот отряд погиб. Об организации продовольствия и устройства тыла, а также об авиации,—сведений нет.

Заключение.

Сделанные здесь замечания высказаны не для осуждения кого-либо, хотелось лишь выяснить сущность событий и подчеркнуть поучительность положительных и отрицательных черт в приемах ведения войны. При этом надо припомнить правило старого Моколея: „мы должны больше и больше уяснять себе ошибки тех, подвигам которых все мы удивляемся“.

Подвиги командного состава Красной Армии велики, но события грозны и они еще не улеглись. Вместе с уцелевшими отрядами зародышей гражданской войны—остатками Врангеля, Б.-Булаховича, Петлюры, перед западным фронтом целая национальная, миллионная, сплоченная армия Польши, вооружаемая, обучаемая и воспитываемая Францией, нашим жестоким кредитором.

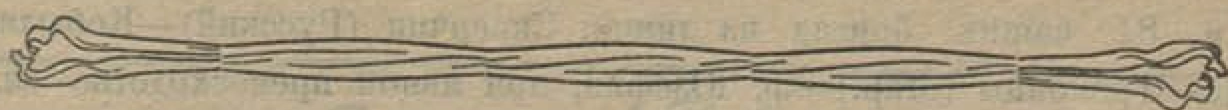
Около 100 французских и французско-польских офицеров входят ныне в штабы, школы польской армии, в качестве инструкторов. Военный гений Франции нашего времени уже показал нам как бы чудо. *) Величественным, коротким ударом, не переходя даже пределов своей страны, французский и вместе с тем общий для Антанты главнокомандующий, заставил немцев в 1918 году подписать мир более постыдный, чем это удалось даже Наполеону в 1805 году, пройдя насквозь всю Пруссию после Иены и Ауэрштедта. Коротким же упругим ударом мы были поражены под Варшавой.

Нам надо во что бы то ни стало расширить свой, если так можно выразиться, стратегический диапазон: вбирать и отражать все отзвуки военной мысли. Против национальных, упругих, сплоченных армий мы должны применять соответственные приемы прежней общей стратегии, коротких ударов, но не забывать и стремительных на широком фронте натисков,—налетов партизанской войны против наскоро сведенных партизанских сил. И в этом мы не должны путаться, должны всегда попадать в такт. Поэтому наша тактика, наше военное искусство, наша военная мысль должны быть высоко подняты.

*) **Прим. ред.** Все выводы в этой статье являются личным взглядом автора.

В. Путна.

Под Варшавой. *)

(Краткий очерк Радиминских боев и нашего отхода в период с 17-го по 25-е августа 1920 г. в действиях 27-й стрелковой дивизии).

Имея задачей дать очерк действий исключительно 27-й дивизии и обладая сведениями о силах и группировке противника лишь против участка этой дивизии, я не имею возможности рассмотреть группировку сторон, состав войск и их моральное состояние к началу вынужденного нашего отхода на всем фронте. Для большей ясности обстановки, сложившейся к началу отхода, и общего состояния дивизии, полагаю необходимым дать краткий обзор действий, предшествовавших Радиминским боям и нашему общему отходу.

От реки Буг до р. Ливец. В силу требований, вытекавших из политической обстановки, 27-я дивизия, ценою громадных потерь (27% всего состава убитыми и ранеными), форсировав 4 августа р. Буг, продолжала стремительное и непрерывное наступление в направлении на г. Соколов и далее севернее магистрали Седлец—Варшава, располагая малочисленными полками и незначительными запасами огнеприпасов.

7-го августа, после сильных боев, 79-я бригада (с приданным 27 кавполком) овладела районом г. Соколов, и дивизия в целом удерживала фронт, равный почти половине фронта 16-й армии, по линии: Суходол—Весола—Августин — Пржездзяткий — Воеводки — Кожухов — Скверчин (Русский)— Трембицы—Дуплевицы—Грушев—Киселев — Глебчин— железнодорожный мост у Фюрстендорфа; остальные дивизии армии оставались на рубеже р. Буг. Такое выдвинутое положение 27 дивизии при проявлении наибольшей активности в районе Соколова, создавало сильную угрозу противнику возможным перехватом его операционной линии в районе западнее Седлец. Эта угроза ясно сознавалась противником и он, отказавшись от дальнейшей обороны рубежа р. Буг, начал постепенно отходить на остальном фронте армии в западном направлении, проявив исключительную активность на участке 80-й и 81-й бригад.

10-й и 14-й полки 4-й польской дивизии, с приданными 16-м и 17-м полками 6-й дивизии, и 59-й, 60-й, 61-й и 62-й полки 15-й Познанской (Великопольской) дивизии, с приданными 2-м и 3-м полками 2-й

*) При составлении настоящего очерка, я пользовался материалами, любезно предоставленными наштадивом 27 т. Шаранговичем.

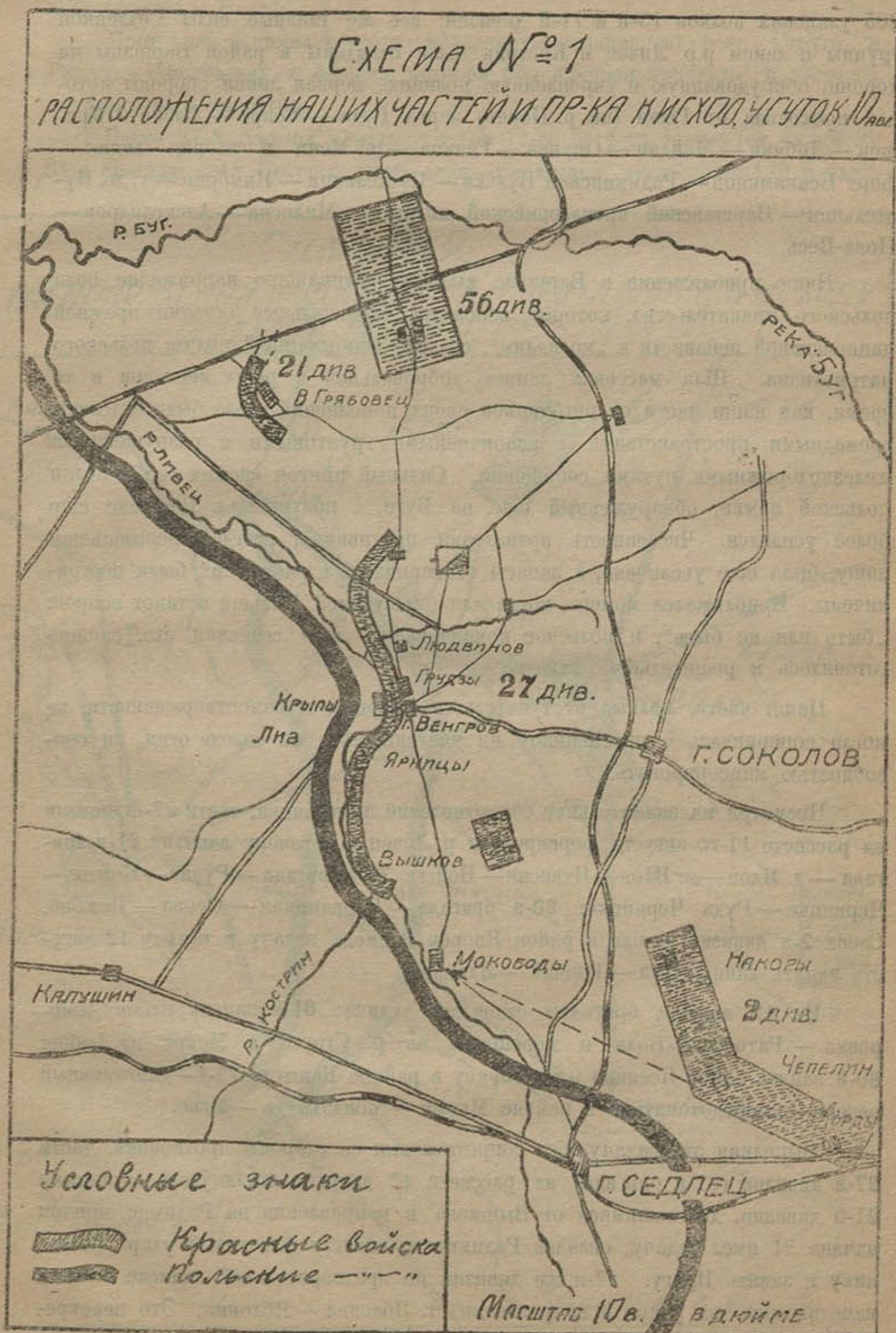
дивизии, в течение 6, 7 и 8 августа вели упорнейшие атаки на участке 80 и 81 наших бригад на линии: Скверчин (Русский)—Кобыляны—Скорупки—Трембицы (стар.)—ф. Юзефин, при явном превосходстве сил и огня артиллерии, стремясь сбить наши бригады к северу и выходом в район Дрогичин заставить нас очистить левый берег Буга. В этих боях наши бригады (усиленные вводом в дело учебной школы 8-й бригады, саперных рот и отрядов особого назначения) проявили исключительную стойкость и упорство, благодаря чему противник, понеся большие потери, успеха не добился и вынужден был поспешно отводить все свои части на линию р. Ливец.

Развивая успех и выполняя задачу, поставленную командармом, дивизия 10 августа **79 бригадой**, с приданным **27 кавполком**, заняла район Медзна и Венгров, а остальными бригадами, занимавшими линию Воеводки—Беляны—Накоры—Чарноты—Оленды, для обеспечения 79-й бригады с юга, заняла: **80-я бригада**—Лив—Гродиск—Вышков—Скупе—высота 81,52 (что южнее Землы); **81 бригада**—Свиняры—Поднесьно—Накоры. В это время части 2-й нашей дивизии вышли на линию: Накоры—Чепелин—Морды. Противник продолжал оборонять непосредственно район Седлец и заканчивал эвакуацию города. Намечавшийся обходный маневр 80 и 81 бригад, с выходом в тыл Седлецкой группе противника в район Поляки—Катунь, не был использован штармом и противник вышел из района Седлец, сохранив свои живые силы и материальную часть, и продолжал отвод главных сил в направлении на Радимин и Ново-Минск, оставив на линии рек Ливец и Кострин сильные арьергардные части.

Форсирование р. Ливец и взятие Радимина. 10 августа командованием армии дальнейшей задачей **27-й дивизии** было поставлено: **продолжать наступление в западном направлении**, строго придерживаясь расграничительных линий, каковыми были: между 3 армией и 27 дивизией—Вотьки—Лохов—Новогеоргиевск (для 3 армии включительно); между 27-й и 2-й дивизиями—Мокободы—Радимин (для 2-й див. вкл.).

Арьергардные части противника упорно удерживали рубеж р. Ливец, для форсирования которой дивизия произвела перегруппировку и к исходу суток 10-го августа заняла (см. сх. № 1): **27 кавполк** — Тхоржево, **81-я бригада** ст. Весь-Божухи — Людвинов, **79-я бригада** — Людвинов — Грудзы — Блоно и **80-я бригада** — Лив — Ярницы — Залонц — Вышков — Пачески. Справа **56-я дивизия** 3-й армии сосредоточивалась в районе Можичин — Колодзионж и должна была составить армейский резерв; **21-я дивизия** лево-фланговыми частями выходила в район Вел. Грабовец. Слева **2-я дивизия** совершала движение с линии Накоры — Чепелин — Морды в район Мокободы. (Схема № 1-й).

Боевой состав 27-й дивизии был увеличен путем сокращения тыловых команд и обозников. Запасы огнеприпасов в передовых частях были крайне незначительны, подвоз их производился из района Слоним и Высоко-Литовск, средствами автороты дивизии и артиллерийского транспорта.

Схема №1
расположения наших частей и пр-ка к исходу суток 10 авг
Р. Буг
56 див.
Река Буг
21 див
В Грябовец
Р. Ливец
Людвинов
Грудзы
27 див.
Крыпы
Венгров
Ярницы
Г. Соколов
Вышков
Моководы
Накоры
Калушин
Р. Кострин
2 див.
Чепелин
Г. Седлец
Условные знаки
Красные войска
Польские —"—
Масштаб 10 в. в дюйме

На участке дивизии противник свой отход прикрывал частями 201 и 205 уланских полков 15-й и 11-й дивизий; все же главные силы Седлецкой группы с линии р.р. Ливец и Кострин были отведены в район Варшавы на хорошо оборудованную и укрепленную позицию, первая линия обороны которой проходила от Рыня (на р. Нарев) через Руда — Мокре — Дыбов — Крашев — Добчин — Майдан — Окунев — Галица — р. Меня и вторая линия — форт Бениаминов — Радиминская Вулька — Пустельник — Янморки — г. дв. Пустельник — Варшавский артиллерийский полигон — Милосна — Александров — Нова-Весь.

Наше приближение к Варшаве вызвало величайшее напряжение воли польского правительства, которое, используя еще сильные остатки прежней национальной ненависти к „москалям", создало необычайный под'ем польского патриотизма. Шла массовая запись добровольцев в ряды легионов в то время, как наши части от источников своих пополнений и баз были отделены громадными пространствами с испорченными грунтовыми и разрушенными железнодорожными путями сообщения. Сильный приток свежих сил в полки польской армии, обнаруженный еще на Буге, с подходом к Варшаве еще более усилился. Численность артиллерии противника, всегда превышавшая нашу, была еще увеличена, а запасы огнеприпасов и расход их были неограничены. Приближался момент, когда для буржуазной Польши встанет вопрос: „быть или не быть", и польское командование, ясно сознавая это, спешно готовилось к решительной схватке.

Наши части, полные наступательного порыва и самоотверженности, не могли соперничать с противником ни численностью, ни силою огня, ни способностью маневрировать.

Несмотря на значительное сопротивление противника, части 27-й дивизии на рассвете 11-го августа форсировали р. Ливец и к вечеру заняли: **81-я бригада** — д. Ядов—м. Ядов—Ядвисин—Войты; **79-я бригада** —Рувне—Копты—Черницке — Руда Черницка; **80-я бригада** — Плевницкая — Осова — Вежбно. Слева **2-я дивизия** вышла в район Яворек и имела задачу к исходу 12 августа занять линию: Тул — Ренчай — Ядвинов.

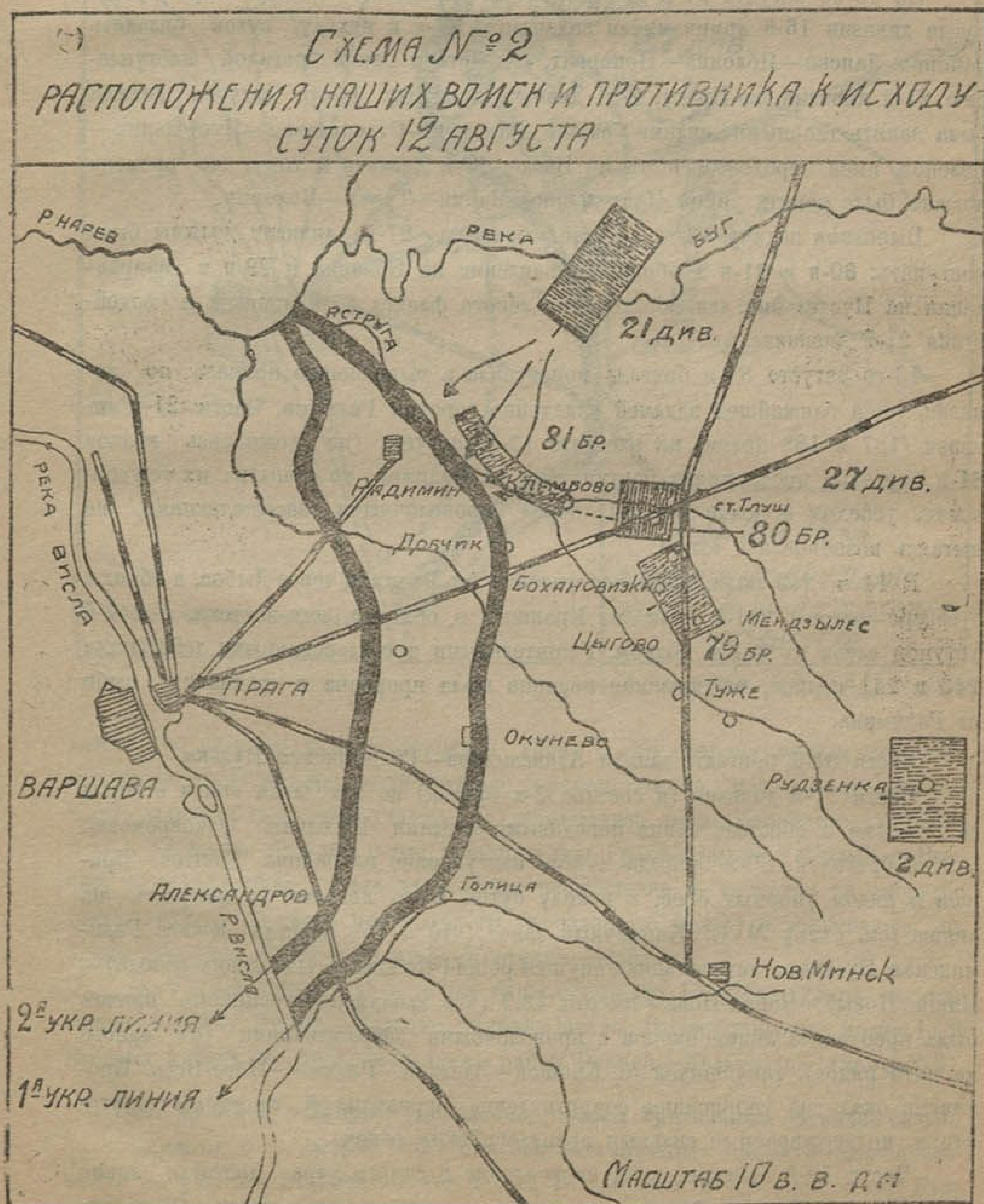
На 12 августа бригадам ставилась задача: **81-й** занять район Домбровка — Ратовская-Воля и переправы на р. Струга в Мокре и Дыбов; **80-й** занять район Ясеница и переправу в районе Раштов; **79-й**—дивизионный резерв — сосредоточиться в районе Менже — Мендзылесь — Язве.

Выполняя эту задачу, без сопротивления со стороны противника, части 27-й дивизии (81-я бригада) на рассвете 12 августа столкнулась с частями 21-й дивизии, двигавшимися от Вышкова в направлении на Радимин, причем начдив 21 имел задачу, овладев Радимином, нанести фланговый удар противнику и занять Прагу. 27-я же дивизия по предварительной записке штарма нацеливалась для удара в направлении ст. Яблонна — Яблонна. Это перекрещивание направлений дивизий нарушило выполнение задачи правофланговых

частей 27-й дивизии и в дальнейшем сильно отразилось на успешности нашего продвижения к Висле.

Противник занимал хорошо укрепленную позицию по реке Струга и Ржондза Раштовская, в обороне которой был намерен проявить наивысшее напряжение и упорство.

Части 27-й дивизии, к исходу суток 12-го августа, заняли (см. сх. № 2): **81**-я бригада—243 Петроградский полк—Емельянов, имея справа 188 и слева

185 полки, 241 Крестьянский—Раштов, совместно с 183 и 184 полками, 242 Волжский совместно с 181 полком—Клембов; **80-я бригада** сосредоточивалась в районе Ясеновица, имея передовые части в районе Раштов и Клембов; **79-я бригада** заняла район Менже—Щепанек—Мендзылесь с заставами в Банаховизна—Цыгов—Туже.

Части 2-й дивизии около 15 часов 12-го августа вышли только в район Рудзенко (Рудно) (см. схему № 2).

На 13-ое августа 21-я дивизия имела прежнюю задачу. Правофланговые дивизии 16-й армии имели задачами: **27-я** к исходу суток овладеть районом Лански—Яблонна—Непорент, содействуя одной бригадой наступлению 21-й дивизии на Прагу; **2-я дивизия** к исходу 14-го августа должна была занять главными силами район Радимин—Станиславов—Пустельник—Геленов, имея передовые части на Висле; **17-я дивизия** к тому же времени должна была занять район Пустельник—Марки—Туров—Воломин.

Выполняя задачу 13-го августа, бригады 27-й дивизии должны были наступать: **80-я и 81-я** в общем направлении на Яблонна и **79-я** в направлении на Пустельник, для обеспечения левого фланга 27-й дивизии и содействия 21-й дивизии.

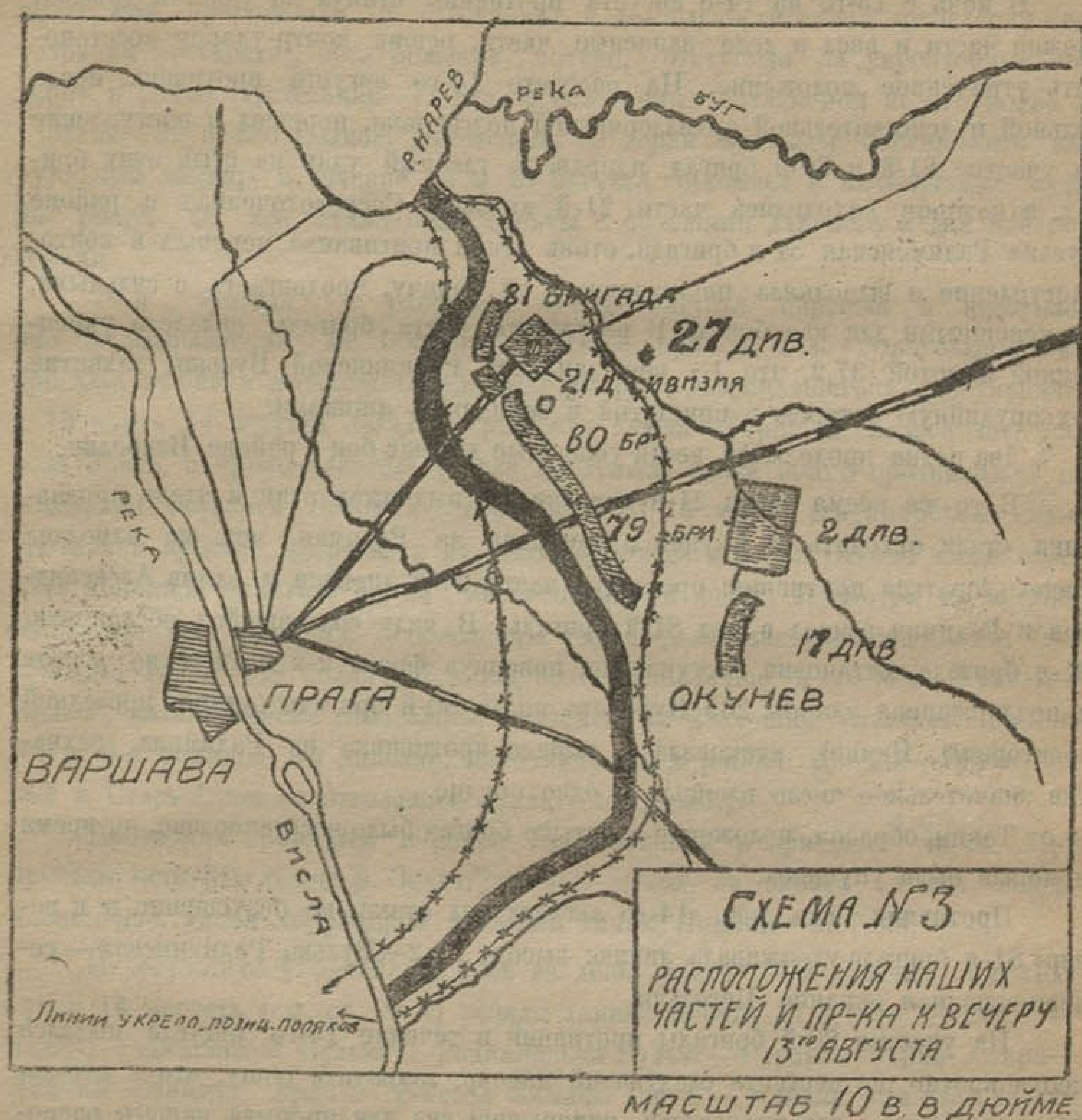
13-го августа 81-я бригада приступила к выполнению приказа по дивизии, имея ближайшей задачей овладение городом Радимин. Части 21-й дивизии (187 и 188 полки) на рассвете 13-го августа (не дожидаясь полков 81-й бригады) предприняли наступление на Радимин, но попытка их не увенчалась успехом и полки залегли перед проволочными заграждениями, не пытаясь возобновлять атаки.

В 14 ч. 243 полк повел наступление на Радимин через Дыбов, в обход с с северо-востока; 241-й полк из Крашева, в обход с юго-востока, и 242-й уступом слева за 241-м полком. Решительными и согласованными действиями 243 и 241 полков, укрепленная позиция была прорвана и противник выби из Радимина.

Части 81-й бригады заняли Александров—Радиминская Вулька.

Части 21-й дивизии (в составе 2-х бригад) не замедлили войти в город со штабами и обозами, заняв передовыми частями Цегельню. Одновременно с 81-й бригадой, 80-я бригада повела наступление из района Раштов—Крашев и рядом упорных боев, к исходу суток 13-го августа, выдвинулась на линию (см. схему № 3): Кирпичный завод (что в $1^1/_2$ верстах южнее Радиминская Вулька), юго-западная опушка рощи (что южнее указанного завода)—Янков Новый—Чарна-Нова—высота 42,9 (что западнее Загосцинец), причем была преодолена линия окопов с проволочными заграждениями (от одного до пяти рядов), тянувшихся от Крашев—Здельне—Ржиска—Нова-Весь. Противник оказывал упорнейшее сопротивление, переходил в яростные контратаки, поддерживаемые сильным артиллерийским огнем.

Части 79-й бригады, ведя наступление с самого утра достигли линии Грабе-Старе, Ренчай, без сопротивления со стороны противника. С подхо-

дом же со стороны железнодорожной линии к его оборонительным позициям, встретили ожесточенное сопротивление, причем, помимо мощной артиллерии, части противника на этом участке поддерживались двумя бронепоездами. Бригада в 14 часов, овладев после упорного боя Грабе-Старым и Новым и Ренчай, безостановочно повела дальнейшее наступление и, несмотря на упорство противника, в 20 часов прорвала его укрепленную полосу и закрепилась на линии западнее Дучки—Липины—Мостувка—Майдан.

Части 2-й дивизии (5-я и 6-я бригады) около 15 часов 13-го августа вышли в район Липка—Надбель—Чубай-Овизна. Правофланговые полки 17-й дивизии к тому же времени вышли в район Ренчай—Кольно. (См. схему № 3).

Бой за Радимин. Прорыв укрепленной полосы противника, очевидно сильно встревожил его и заставил обратить исключительное внимание на участок 27 дивизии, тем более, что он имел эту возможность, благодаря полной пассивности 2-й и 17-й наших дивизий.

В ночь с 13-го на 14-е августа противник стянул на участок дивизии свежие части и ввел в дело запасные части, решив контр-ударом восстановить утраченное положение. На рассвете 14-го августа противник, после сильной и действительной артиллерийской подготовки, перешел в наступление на участке 81-й и 80-й бригад, направляя главный удар на стык этих бригад, в котором находились части 21-й дивизии. Сосредоточенная в районе Вулька Радиминская 81-я бригада, отбив атаки притивника, перешла в контрнаступление и выполняла поставленную ей задачу, продвигаясь с сильными, но успешными для нас боями. В результате части бригады овладели укрепленной высотой 37,2, что 1/2 вер. западнее Радиминской Вульки, захватив 3-х орудийную батарею с прислугой и зарядными ящиками.

Два полка продолжали вести успешные для нас бои в районе Изабелин.

В то же время части 21-й дивизии, не выдержав огня и атаки противника, стали отходить от Слупно и Цегельня на Радимин, чем не замедлил воспользоваться противник: преследуя части 21-й дивизии и заняв Александров и Радимин вышел в тыл 81-й бригады. В силу создавшейся обстановки, 81-я бригада, остановив наступление, повернув фронт 2-х полков на восток и поддержанная ударом 239 Курского полка 80-й бригады (ударом последней со стороны Цемне), атаковала и выбила противника из Радимина, захватив значительное число пленных и одно орудие.

Таким образом, положение на стыке бригад было восстановлено, но время и порыв были упущены.

Противник весь день 14-го августа вел атаки, но безуспешно и к вечеру 81-я бригада удерживала линию: высота 32,2—Вулька Радиминская— северо-западная окраина Цегельни.

На участке 80-й бригады противник в течение 14-го августа пытался неоднократно осуществить следующий маневр: захватить рощу, что к юго-западу от Цемне, где произвести накопление сил для прорыва нашего расположения в направлении Янков Старый и одновременным охватом правого фланга 80-й бригады со стороны Слупно достигнуть тактического окружения наших частей, действовавших в районе Цемне.

В 13 часов, после сильной артиллерийской подготовки, части 11-й и Литовско-Белорусской дивизий, при поддержке шести бронемашин-гусениц, развивая сильный артиллерийский и пулеметный огонь по нашей пехоте и прокладывая при помощи бронемашин (которые не встречали противодействия в лице нашей меткой артиллерии за отсутствием снарядов) путь своим колоннам пехоты по шоссе Пустельник—Радимин, захватили вышеуказанную рощу, где и накапливались на северо-восточной окраине, для дальнейшей атаки на Цемне—Янков Старый.

239 и 240 полки 80-й бригадывынуждены были отойти на позицию юго-западнее окраины дер. Цемне—Янков-Старый. Батальон 238 полка, занимавший перелесок к западу от юго-западной окраины Геленов. стремительно атаковал противника, занимавшего рощу, и поляки, лишенные здесь

поддержки бронемашин и стесненные в деятельности своей артиллерии (по условиям местности), неся большие потери, отступили на укрепленные позиции в район Пустельник—Подма, преследуемые батальоном 238-го полка и частями 239 и 240 полков. Противник, не теряя надежды осуществить задуманный маневр, в течение 14 и 15 августа произвел 6 настойчивых атак на рощу, но все атаки были отбиты с большими для него и для нас потерями.

79-я бригада с рассветом 14-го августа перешла в наступление в направлении на Воломин — Оссов, причем лево-фланговые полки бригады, выбивая штыковыми ударами упорно защищавшегося противника, к 10 часам 14 августа овладели районом Оссов—Туров и закрепились на реке Зонза, а право-фланговый полк продолжал вести бой с противником за обладание станцией Воломин (схема № 4). В 14 часов, сгруппировав силы, противник яростно набросился на выдвинувшиеся в район Оссова части, стремясь конницей охватить левый необеспеченный фланг. Несмотря на настойчивые просьбы комбрига 79 обеспечить левый фланг наступавших полков 79-й бригады, 147 и 148 полки (17 див.), бездействовавшие в районе Ренчай—Кольно, категорически отказались, ссылаясь на неимение указаний свыше. 5-я и 6-я бригады 2-й дивизии, находившиеся в районе Добчин—Грабе Новый и Старый, также отказались оказать поддержку.

Противник прорвался в район Лесняковизна и принудил части 79-й бригады оставить линию р. Зонза, причем отход из охвата полки совершили очень узким коридором и заняли линию Липины—Майдан.

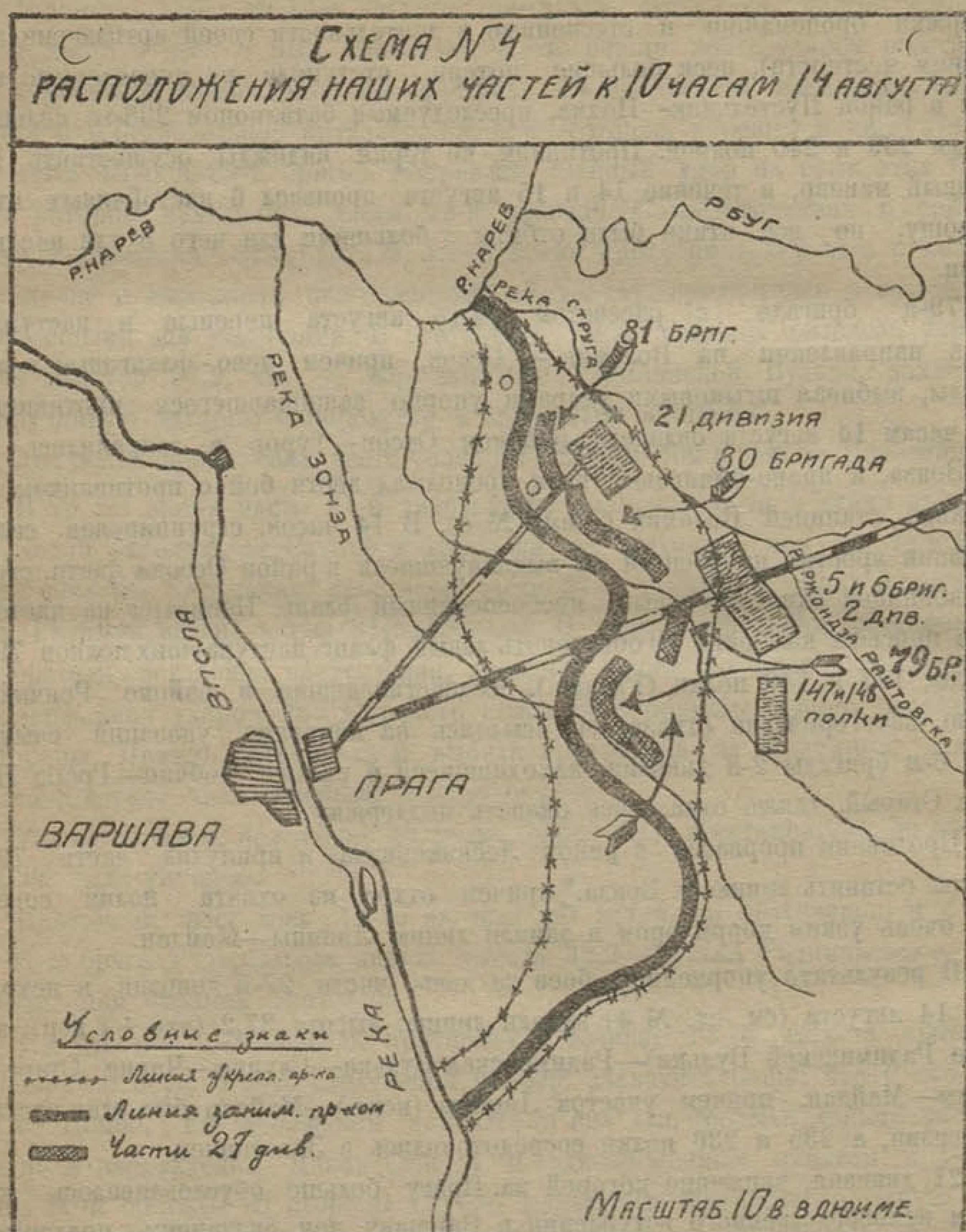
В результате упорнейших боев за день, части 27-й дивизии к исходу суток 14 августа (см. сх. № 4) заняли линию: высота 37,2 (что $1/2$ вер. западнее Радиминской Вульки)—Радиминская Вулька—Слупно—Чарна Стара—Липины—Майдан, причем участок Липины (искл.)—Майдан был сдан частям 17 дивизии, а 235 и 236 полки сосредоточились в Загосцинец.

21 дивизия, движение которой на Прагу больше обусловливалось желанием непосредственного вступления в Варшаву, чем оказанием поддержки соседу,—ударом во фланг противнику, после неудачного наступления на Слупно, отказывается от флангового удара в направлении на Прагу и получает задачу поддерживать 16-ю дивизию, оперировавшую в районе Зегржа, наступлением в направлении на Велишево.

2-я дивизия попрежнему располагалась за 27-й по линии: Радимин—Цемне—Чарна—Дучки, имея прежнюю невыполненную задачу,—выход главными силами в район Станиславов, а передовыми—на Вислу (схема № 5).

Бои 15 августа. К рассвету 15 августа части 80 и 79 бригад должны были быть сменены на своих участках частями 2-й дивизии и с рассветом 21-я, 27-я, 2-я и 17-я дивизии должны были перейти в одновременное общее наступление.

Для выполнения задачи 27-й дивизией, бригадам было приказано: **81-й**—с рассветом 15 августа перейти в энергичное наступление в направлении на

Непорент и занять район Лайски—ф. Михайлов—Непорент; **80-й**—занимаемый участок сдать частям 2-й дивизии и с рассветом повести энергичное наступление в направлении на Изабелин и занять ст. Яблонна—Яблонна, надежно обеспечивая свой левый фланг; **79-й**—сдать участок частям 2-й и 17-й дивизий и, составив дивизионный резерв, следовать в полной боевой готовности за 80-й бригадой.

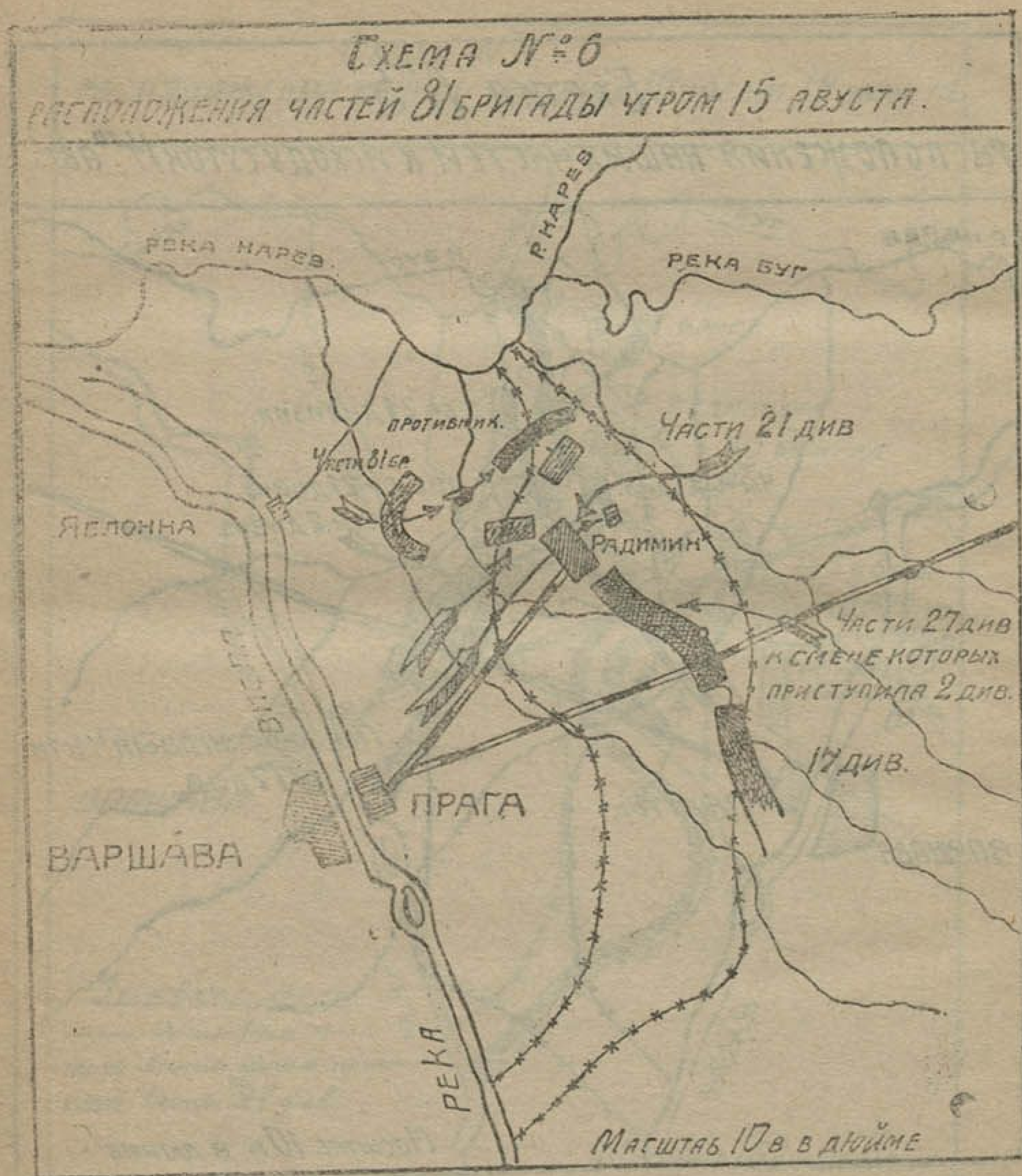
Во исполнение поставленной задачи, 81-я бригада до рассвета 15 августа, не дожидаясь перехода в наступление 80-й бригады, смена которой частями 2-й дивизии почему-то не была произведена, пользуясь утренней темнотой, повела наступление: 243 полк на Непорент, 241-й—Изабелин, 242 должен был обеспечивать движение бригады с юга.

Части 21 дивизии оставались в Слупно.

Наступление бригады развивалось успешно. 243 полк, наступая вдоль тракта на Непорент в районе Малоленка захватил грузовой автомобиль. По показаниям шоффера грузовика, из Варшавы в район Непорент—Беньяминов двигалась свежая 10-я дивизия. 243-й полк, приостановив наступление, занял западную окраину леса, что в одной версте восточнее Непорент. В это время 241 продолжал успешное наступление, занял Изабелин, Александров, Конты Венгерске и вел бой на высотах западнее Юзефов, преодолев вторую укрепленную полосу противника. 242 полк следовал за 241-м. (Схема № 6).

Противник из района Пустельник повел энергичное наступление в направлении на Радимин, Пекельне, Врота, Ремальщизна и оттеснил части 21-й

дивизии и 242 полк, причем последний не успел даже предупредить о происходящем 241 полк. Прибывшие к этому времени в Непорент 28 и 29 полки 10-й дивизии противника, атаковали 243 полк. Последний, несмотря на малочисленность, яростно оборонялся на занимаемой линии, зная, что своим отходом поставит в безвыходное положение 241 полк. Командир 241 полка, услыхав в тылу у себя сильный огневой бой и не имея связи с 242 полком, под прикрытием арьергарда, начал отход на выстрелы в районе действий 243 полка. Противник обрушился на арьергард полка (1 баталион), но исключительная стойкость арьергарда спасла его от полного уничтожения.

Двигаясь далее от Конты Венгерске на Непорент, пользуясь туманом 421 полк неожиданно для противника, наступавшего на 243 полк, атаковал,

его в тыл и фланг, расстроил его и совместными действиями с 243 полком отбросил на северо-запад, после чего 241 и 243 полки отошли к Александрову.

Таким образом, благодаря тому, что 80 бригада не была сменена частями 2-й дивизии, она осталась прикованной к своему участку, не имея возможности оказать должного содействия полкам 81 бригады. В то время, когда 241 полк начал отход из района Юзефов (в силу отхода, под давлением противника, частей 21-й дивизии и 242 полка) 2-я дивизия только начала смену на участке 80-й бригады, на который противник также вел атаки, но был отбит.

Смена, производившаяся очень медленно и нерешительно, так и осталась незаконченной, ибо противник повел энергичное наступление на участок 80-й бригады, и сменившийся было 238 полк (левофланговый), дабы не подвергать опасности поражения 239 и 240 полки, вновь заняли свои прежние позиции. 235 и 236 полки 79 бригады, смененные частями 17 дивизии, к 8 часам 15 августа сосредоточились в районе Загосцинец. 237 полк, почему то не смененный частями 2-й дивизии, оставался занимать позицию западнее Липины и около 2-х часов 15 августа отразил сильную атаку противника. Развивая свой успех, достигнутый на участках 81-й бригады и 21-й дивизии, противник повел дальнейшее наступление и в 12 часов 15 августа занял гор. Радимин. В 13 часов энергичным контр-ударом 81 бригады и частей 21 дивизии г. Радимин был вновь занят нами и положение по линии Александров—Цегельня—восстановлено. Становилось ясным, что успех, достигнутый сильным наступательным порывом полков 81 бригады, не мог быть развит, благодаря тому, что остальные бригады дивизии были связаны с участками соседних дивизий и благодаря активности противника и своей малочисленности, вынуждены активно обороняться. Всей же 27-й дивизии в целом, несмотря на все усилия, не удалось стянуть в кулак все бригады, для нанесения удара, с целью выхода в район Яблонна, что могло бы предрешить участь Праги и Варшавы.

Жестокие бои последних дней, сопряженные с громадными потерями, сильно ослабили полки дивизии и нужда в пополнениях бойцами и огнеприпасами была огромная. Хотя дух частей сохранялся, но их реальная сила таяла с каждым часом неравного боя. Противник все время усиливался, вливая в свои полки значительные по численности пополнения, проникнутые сильной ненавистью к русским (красным „москалям“), и подбодренный известиями об успехах, достигнутых поляками южнее (на участке Мозырской группы), противник стал обнаруживать сильную настойчивость.

Ввиду больших потерь в 81-й бригаде, 79 бригада около 16 часов получила задачу форсированным маршем перейти Радимин и занять для обороны участок: Лось--Александров—Цегельня; 81-я же бригада, с выходом 79 бригады на указанную линию, должна была отойти в район Завады—Дыбов, где немедленно привестись в порядок. Части 21 дивизии получили задачу сосредоточиться в районе Лось.

2-я дивизия: 5-я бригада в районе Александров—Цемне—Кольно—Чарна-Нова--Нова-Весь. Около 21 часа, когда части 79 бригады (с 2-мя полками) подтягивались для смены 81 бригады, противник вновь повел наступление на Радимин от Беньяминова—Радиминской Вульки и Пустельник и в 4 часа 16 августа занял город. Части 79-й и 81-й бригад отошли и заняли линию: Лось (исключ.) Мокре—перекресток дорог (что в 1 версте севернее Радимина) —Дыбов. Пользуясь темнотой, противник повел наступление из Радимина на Крашев—Раштов, каковые и занял в тылу у 80-й бригады, занимавшей позицию в районе Цемне—Чарна-Нова. Части 2-й дивизии, находившиеся в районе Александров—Цемне, отошли в район Клембов—Добчин. Одновременно против участка 80-й бригады противник повел фронтальную атаку на район Цемне—Чарна-Нова, пытаясь окружить части 80 бригады. Последние, во избежание окружения, начали с боем отходить на Ржиска—Пасек. Противник, учтя отход 239 и 240 полков из района Цемне, перешел в яростные атаки на Чарна-Нова (238 полк) в надежде не выпустить эту нашу часть из обхода. 238 полк проявил примерную доблесть, сохранив спокойствие и порядок, стойко отбивал атаки противника, давая возможность главным силам бригады отойти, не опасаясь за левый фланг. Полк, прикрыв отступление главных сил, начал отход на ф. Пасек. В то время, когда 80 бригада отошла в район Ржиска—ф. Пасек и группа противника занимала Крашев, 237 полк, по смене в районе Липины, следовал на присоединение к бригаде (на Радимин). Обнаружив части противника в районе Крашев, полк без промедления решительно атаковал противника, отбросил его к Цемне и занял сам позицию юго-западнее Крашева, которую впоследствии сдал подошедшему 239 полку. Город Радимин не занимался поляками и обстреливался артиллерийским огнем противника и нашим. Таким образом, уже определенно отмечается, что к вечеру 15 августа в действиях наших частей, утомленных схватками с превосходящим нас силой и техникой противником, обозначился перелом от активности к пассивной обороне.

Необходимо отметить, что в боях под Варшавой войска противника имели существенную помощь от своего воздушного флота, так как, помимо разведывательной службы и наблюдения за ходом сражения, самолеты противника 13, 14 и 15 августа буквально терроризовали наш тыл, совершая весьма смелые налеты на штабы и обозы и обстреливая каждую группу из пулеметов.

16-го августа. До полудня 16 августа противник был пассивен но в 15 часов открыл ураганный огонь разноколиберной артиллерии п участку дивизии и в 17 часов повел атаку. Части 79 и 81 бригад отошли на правый берег реки Струга и закрепились.

Несмотря на неблагоприятно складывавшуюся для нас обстановку, командованием армии 16-го августа дивизии была дана задача подготовиться к наступлению на Пустельник, сменив предварительно 2-ю дивизию в полосе

к северу от новой разграничительной с ней линии Туз—Червонный двор (для 27-й див. вкл.).

21 дивизия получила задачу от командарма 3 сосредоточиться на правом берегу р. Буга. 2-я дивизия имела задачу сосредоточить главные силы в районе Липины—Майдан, для нанесения удара в направлении Туров—Марки.

Во исполнение задачи, поставленной 27-й дивизии, бригады должны были, сменив до рассвета 17 августа на участках соседей правофланговые части 2-й дивизии, занять: **79-я бригада** участок Завады—Емельянов (оба пункта включительно), **81-я бригада** —Емельянов (искл.) г. дв. Крашев (вкл.), **80-я бригада** с приданным 27 кавполком—Ржиска—Чарна—Нова—Нова Весь.

17 августа. Смена и занятие бригадами участков, как указывалось, до утра не состоялось, так как с 2-х часов 17 августа противник произвел ряд последовательных и сильных атак на всем участке дивизии и попыток форсировать р. Струга в районе Дыбов. Все атаки поляков были отбиты, но бригады к рассвету остались на прежних участках. В течение дня 17 августа противник ограничился артиллерийским обстрелом наших позиций и интенсивной воздушной и войсковой разведкой.

На левом фланге нашей армии обстановка к этому времени сложилась угрожающе для нас. Противник, сбив 57 дивизию к Лукову, тесния 8 и 10 дивизии в северо-восточном направлении; передовые его части вышли в Ново-Минск и заняли Воля Ребчайска.

21-я дивизия снималась с участка и в 3 перехода должна была к 21 августа сосредоточиться в районе Мельников (на Буге).

По предварительному приказанию командарма (полученному в 27-й дивизии около 16 часов 17-го августа), дивизии армии отводились на реку Ливец.

Бригадам дивизии к утру 18 августа было приказано отойти: **79-й**—на линию Аделин—Пустолнска, **81-й**—Хценсне—Звонцнолы, **80-й**—Лысобыки—Мендзылесь. Начало отхода полков в 24 часа 17 августа. Тяжелая артиллерия и обозы предварительным распоряжением отводились за р. Буг. Бронеотрядам (4 бронемашины) приказано было отправиться в гор. Соколов, где, установив связь с частями 17-й дивизии, совместно с ними прикрывать шоссе со стороны Седлеца. 5-му отряду особого назначения—занять переправы на р. Буг от Граньне до Дрогичин.

Тыловыми дорогами назначались: **79-й бригады**—Мендзылесь—Стердынь—Глоды—Быстрожиры—Долубово—Боцки; **81-й**—Медан—Суходол—Граньне—Острожаны—Гарново; **80-й**—Соколов—Гродек—Наройки—Толкин—Мелейчицы; для дивизионных обозов—Соколов—Гродек—Залесье—Клещели.

Несмотря на сильную деятельность прожекторов противника, части дивизии в 24 часа 17 августа, не обнаружив своего движения, снялись и следовали на новый рубеж. Только 240 полк, задержанный обозами 2-й дивизии в районе Клембов, был нащупан лучами прожекторов бронеотряда против-

ника и вызвал сильный артиллерийский и пулеметный огонь, не причинивший, однако, полку никакого вреда. 238 полк, находившийся в то время в арьергарде, для демонстрации, произвел сильную боевую разведку, после чего тоже быстро снялся и отошел необнаруженный противником.

К утру 18 августа части дивизии заняли линию: 79 бригада—Аделин—Пустолиска, 81 бригада—241 и 243 полками—Хценсне—Дзенцполы, 242-й полк—Заполье, 80 бригада—239 и 240 полками—Лысобыки—Мендзылесь, 238 полк—ф. Рудник—К. Великие. Кавполк—Шлендаки—К. Койданы, ведя разведку в направлении на Станиславов.

Правофланговые части 2-й дивизии (5-я бригада) отошли за наше расположение в район Страховка. В 14 час. 18 августа конная разведка противника была обнаружена на правом фланге дивизии в районе Варнемны. Разведка от 27 кавполка обнаружила сильные раз'езды противника в районе Ольдаковизна, причем Станиславов занимался кавалерийской дивизией противника. Одновременно противник вел усиленную воздушную разведку.

Для обеспечения 80 бригады с юга и прикрытия шоссе Станиславов—Лохов, 238 полк был переведен в. К. Фляковизна.

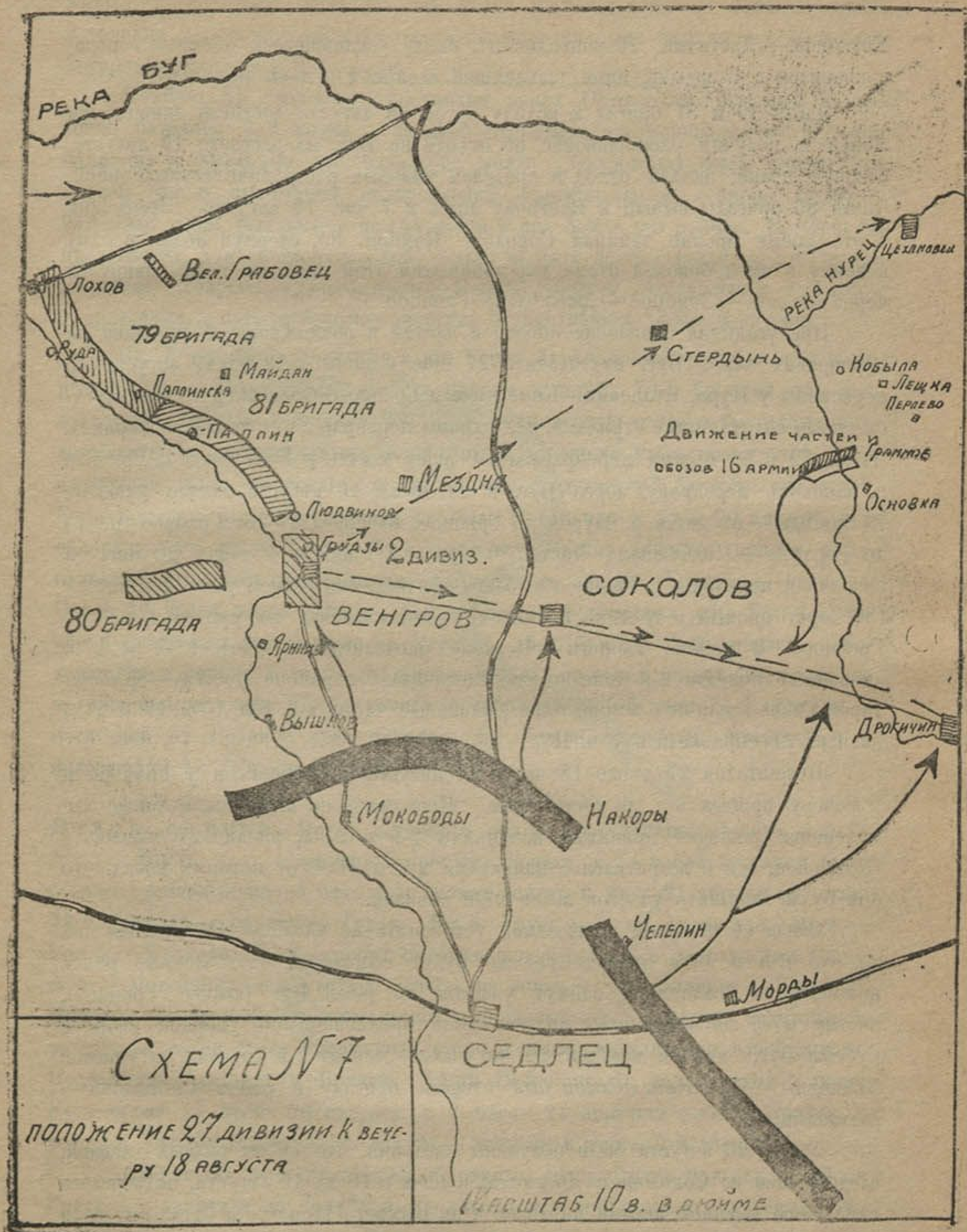
С 18 августа в тыловых районах начинается деятельность партизан.

С 16 часов бригады начали дальнейший отход на линию реки Ливец, для занятия участков: 79 бригада—Лохов—Карчевизна; 81-я—Вулька Паплинская—Стара-Весь, 80-я—Людвинов—Ярницы.

Отход на рубеж р. Буг. Еще 18 августа выяснилось, что остальные дивизии армии уже сдвинулись со своих операционных отходных направлений и части их, за незначительным исключением, двигаются в направлении на северо-восток, как наименее опасном.

Полештадивы 2-й и 10-й к полудню 18 августа находились: первый—в Паплин, второй—в Людвинов (оба на участке 27-й дивизии). По шоссе Венгров—Соколов—Дрогичин двигались части 21-й дивизии, тыловые учреждения и обозы 27-й, 2-й, 17-й, 10-й и 8-й дивизий, причем дорога эта представляла медленно движущуюся беспрерывную колонну в 2—3 ряда.

Полештадив 27-й около 21 часа 30 мин. 18 августа прибыл в Соколов, где выяснилось, что противник, на рассвете 18 августа, занял г. Седлец и распространялся в направлении на Соколов и Дрогичин. К 21 часу им был занят район Разбитье (Разбитый Камень), откуда были оттеснены части 50 бригады. Бронепоезд противника подошел к Соколову и обстреливал шоссе Венгров — Соколов, по которому все еще двигались в несколько рядов обозы всех дивизий 16-й армии. Отдельные разрозненные части 8-й, 10-й, 57-й и 17-й дивизий и обозы отходили через Соколов в северо-восточном направлении (схема № 7). В силу создавшейся обстановки и ввиду перерыва технической связи с армией, в дивизии было принято решение (в 22 часа) — об отходе на рубеж р. Буг, о чем было послано сообщение начдивам: 2, 10, 21 и в штарм 16. Бригадам было приказано занять для обороны участки:

79-й — от устья р. Пурец до Гранное включительно, **81-й** — Основка — Верхуца—Надбужная включительно и **80-й** бриг.—до подхода частей 2-й дивизии—

Хотковцы — Дрогичин. Полештадив 27, ввиду усилившегося обстрела города, направился в Стердынь, имея дальнейшей стоянкой г. д. Острожаны.

Части 79 и 81 бригад к исходу суток 18 августа достигли линии реки Ливец и, получив распоряжение об отходе на Буг, на рассвете 19 августа, свернув полки, начали отход в пределах тыловых разграничительных линий. Части 80 бригады вышли к Венгрову лишь к 7 час. 19 августа. Противник в это время прочно занимал Соколов. Комбриг 80, свернув полки в одну колонну и имея боковой отряд для прикрытия этой колонны с юга, двинулся через Медзна — Зембров — Джезбы на Гранное.

Предугадывая скопление обозов и частей и возможность беспорядка на переправах через Буг, из штадива 27 еще в ночь с 18 на 19 августа на переправы у Нура, Келпениц—Каменчика и Гранного были направлены ответственные сотрудники с отрядами, для охраны переправ и установления порядка. Части 79 и 81 бригад переправлялись через мосты у Каменчика и Гранное и, закончив переправу через Буг, к 23 часам 19 августа заняли участок: 79 бригада — от устья р. Нурец до Гранное, 81 бригада — от Гранное (искл.) до Верхуна — Надбужная. Части 80 бригады лишь к 4 часам 20 августа закончили переправу у Гранное и, благодаря исключительной усталости частей (80 верст прошли в течение 35 часов), расположились на привал в районе Гранное. В районе Твороги — Перлево располагались части 21-й и 17-й дивизии; 5 бригада 2-й дивизии сосредоточилась в районе Кобыла — ф. Викторов. Слева связи ни с кем не было. Остальные части 2-й, 8-й, 10-й, 17 и 21-й дивизий переправлялись у м. Нур.

Полештадив 27 около 18 часов 19 августа переправился у Гранное и к вечеру прибыл в г. дв. Острожаны. Ища связи со штармом, а также для выяснения решений принятых начдивами 2-й и 21-й, начдив 27 выехал в Цехановец, где и встретился с начдивами 2-й и 21-й, от которых узнал, что они будут занимать участок левее 27-й дивизии.

Связи со штармом и штазапом установить не удалось. Рассчитывая на то, что 2-я и 17-я дивизии все же будут выполнять поставленные ранее командармом задачи и займут участок по реке Буг (южнее Гранное), частям 27-й дивизии было подтверждено приказание об упорной обороне рубежа Буг, причем комбриг 80, по выходе частей 2-й дивизии на участок Ходковцы — Дрогичин, должен был отвести бригаду в район Сморкличи — Мелковицы.

Утром 20 августа были получены сведения, что обозы разных дивизий, следовавшие из Соколова на Дрогичин, в ночь с 18 на 19 августа, подверглись нападению крупной партии партизан и на рассвете 19 августа батальон связи 27-й дивизии и 5-й отряд особого назначения имели продолжительный бой с противником за переправу у фольв. Франкополь (по шоссе Соколов—Дрогичин). К вечеру 19 августа пехота и кавалерия противника заняли Дрогичин и Семятичи и продолжали распространяться в северо-восточном направлении. Около 4-х часов 20 августа противник с артиллерией напал на г. дв. Остро-

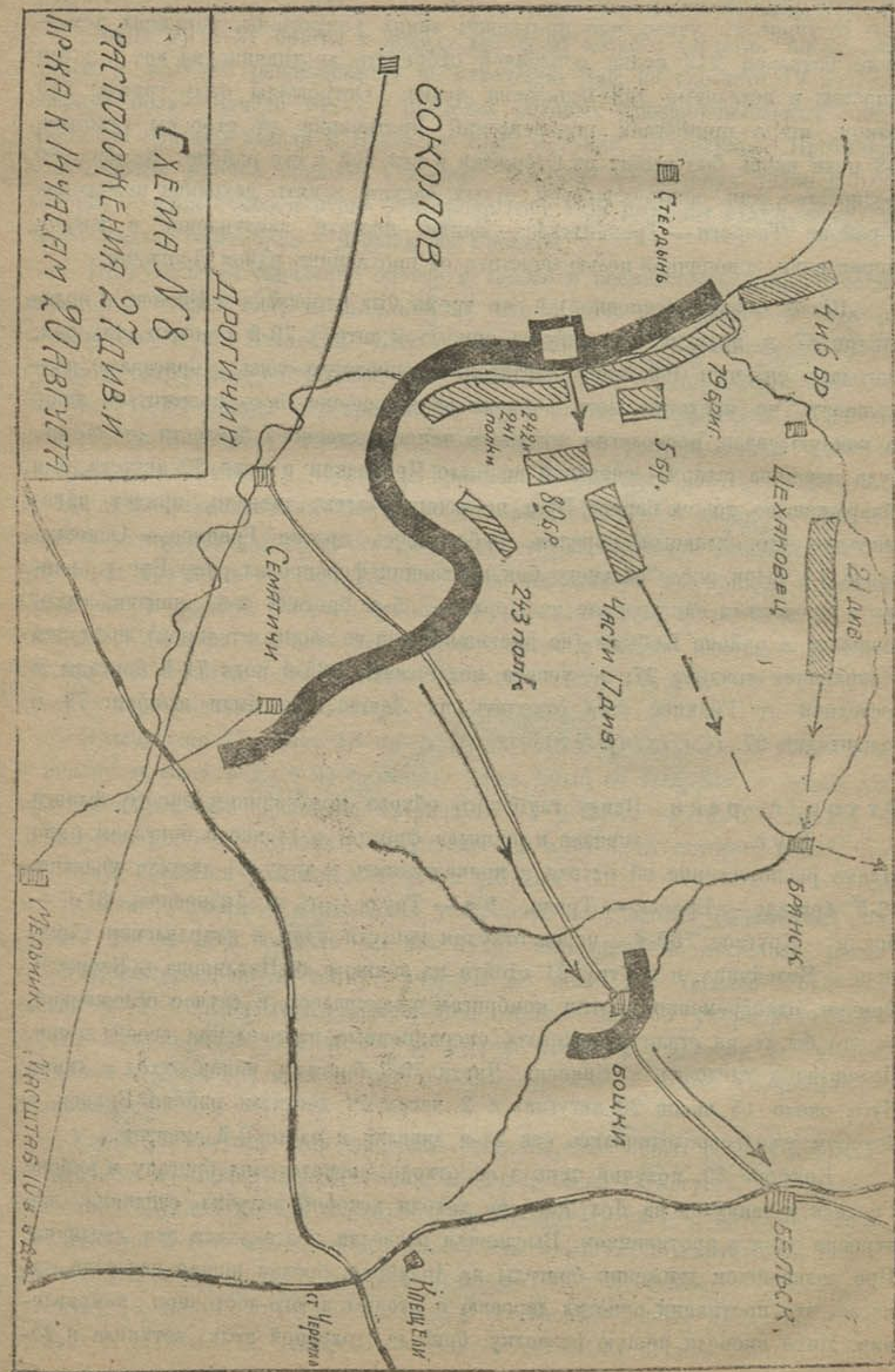
жаны, где находился штадив. 5-й отряд и комендантская команда штаба в течение 2-х часов отражали атаки поляков, но были выбиты и с большими потерями отошли на Цехановец.

Комбриг 81 узнав, что противник занял Острожаны, направил немедленно батальон 243 полка с задачей отбросить противника на юг, а затем направил и остальные два батальона полка. Острожаны были заняты 243 полком, но с прибытием подкреплений противника со стороны Семятич, 243 полк вновь был выбит из Острожан и вел бой в его районе. Комбриг 80 предполагал, дав четырехчасовой отдых частям, занять исходное положение в районе Твороги — Трембитскле — Эдихи, повести наступление в южном направлении, с конечной целью очистить от противника район Дрогичин.

Штаб дивизии (основной) в это время был направлен в Брянск, а полештадив 27 к полудню 20 августа прибыл к штабу 79-й бригады, так как, благодаря сильным действиям партизан, техническую связь с бригадами поддерживать не представлялось возможным и решено было положиться лишь на конную связь, располагая штадив в непосредственной близости от частей. Куда перешел штарм,—сведений не было. Противник с утра 20 августа был обнаружен на левом берегу Буга по всему участку дивизии, причем накапливание его, главным образом, наблюдалось против Грanное — Основка. Около 14 часов, после сильного боя, противник форсировал реку Буг у Гранное и продолжал наступление на Перлево. 5-я бригада 2-й дивизии, находившаяся в районе Кобылы (не имевшая связи со своим штадивом), временно подчиненная начдиву 27, не успела поддержать 235-й полк 79-й бригады и последний от Гранное стал отходить на Лещка, где были штабриг 79 и полештадив 27. (См. схему № 8).

Отход с реки Буг. Ввиду глубокого обхода противником левого фланга дивизии и прорыва фронта, в 14 часов бригадам было отдано распоряжение об отходе и приказ занять к утру 21 августа участки: **79-й** бригаде — Брянск — Трули, **5-я** — Трули — г. дв. Андреевка, **81-й** — Боцки — Круглое, **80-й** — перед отходом нанести удар в направлении Семятичи — Мелейчица и к утру 21 отойти на линию г. дв. Павлинова — Клещели. Причем, одновременно с этим комбригам указывалось, в случае осложнений, во что бы то ни стало удерживать операционные направления своей армии. Полештадив следовал в Брянск. Части 79-й бригады, начав отход с линии Буга около 15 часов 20 августа, к 2 часам 21 достигли района Брянск, в котором уже сосредоточились вся 21-я дивизия и части 2-й дивизии.

Комбриг 80, получив приказ об отходе, сосредоточил бригаду в районе Гродиск и двинулся на Долубово, не доходя которой получил сведения, что деревня занята противником. Высланная разведка подтвердила эти сведения. При дальнейшем движении бригады на Долубово, боевая пешая разведка донесла, что противник очистил деревню и отошел в юго-восточном направлении. Имея впереди пешую разведку, бригада (головной полк) вступила в де-

Схема №8
расположения 27 див. и
пр-ка к 14 часам 20 августа
Соколов
Стердынь
4 и 6 бр
21 див
Цехановец
Брянск
Бельск.
79 бриг.
5 бр.
Части 17 див.
80 бр.
242 и 241 полки
243 полк
Боцки
Клещели
ст Черемха
Семятичи
Дрогичин
Мельник
Масштаб 10

ревню и достигла восточной окраины деревни, выходя на дорогу Долубово—Андреянки.

Неожиданно из всех домов и огородов по нашим колоннам был открыт пулеметный и ружейный огонь. Однако, полк (240), не растерявшись и воодушевленный своим командиром, ударил в штыки и завязался горячий бой. Подошедшие 239 и 238 полки ввязались также в бой и решили исход его в нашу пользу, взяв значительные трофеи и пленных. По показаниям последних, противник главными силами прошел на Боцки—Клещели.

Последнее обстоятельство побудило комбрига, в целях сохранения живой силы бригады, отказаться от наступления на Боцки—Клещели, а следовать на Брянск, для присоединения к дивизии. 80-я бригада сосредоточилась в районе Брянска к пяти часам 21-го августа.

Комбриг 81, не будучи в силах выбить прочно засевшего в Острожанах противника и получив приказ об отходе, начал отход на Крынки—Чарна Церковная и, как выяснилось в дальнейшем, в последней получил сведения, что крупные силы конницы и пехоты противника при артиллерии проследовали утром со стороны Семятичи на Боцки и Бельск. Комбриг решил двигаться не на Боцки, а на Дятьковичи и дальше на Клещели.

Около 2-х часов 21-го августа бригада достигла Дятькович, откуда после часового боя выбила батальон поляков (5 Познанского полка), захватив пленных и трофеи. При дальнейшем движении бригада имела незначительные стычки с конницей противника и достигла Медвижики, откуда выбив кавалерию противника, освободила плененных поляками обоз и красноармейцев 10-й нашей дивизии. Следуя дальше на Ставице—Омелец—Скольники—Новый Двор—Лысково, бригада 25-го августа достигла м. Порозово, откуда установила связь с частями 48-й дивизии, штармом 16 и штадивом 27, через последний. Полештадив 27 прибыл в Брянск около 23-х часов 20-го августа, откуда удалось установить связь по проводу со штазапом (через Бельск, занятый уже противником).

Командзап приказал: 2-ю дивизию форсированным маршем направить в район Свислочь; 21-й дивизии утром 21-го августа атаковать противника в районе Бельск—Боцки; 27-й дивизии занять и упорно оборонять участок Войны—Брянск и установить связь с левофланговыми частями 3-й армии отходившими на линию Остров—Зарембы.

Во исполнение задачи, поставленной 27-й дивизии,—бригадам было приказано занять для упорной обороны: 79-й бригаде участок Домбровка—Нов.-Прошанка, 81-й бригаде (о движении которой на Дятьковичи—Клещели сведений еще не было) участок Мень—Брянск, 80-й бригаде сосредоточиться в районе Залуские—Бранка в дивизионном резерве, кавполку поступить в непосредственное подчинение начдива, а 5-й бригаде присоединиться к своей дивизии, штаб которой прибыл в м. Брянск. 79-й бригаде, кроме того, было приказано установить связь с левофланговыми частями 3-й армии. Полештадив 27 переходил в Топчево.

С рассветом 21-го августа 79-я бригада приступила к выполнению задачи и к 15 часам заняла линию: Костры—Зохи—Мень. Ввиду отсутствия донесений от комбрига 81, оборона участка 81-й бригады была возложена на комбрига 80, которому для этой цели было приказано привести в порядок части 85, 86, 87, 89 и 90 полков 10-й дивизии (оказавшихся в районе бригады без своего старшего командования и связи). Комбриг 80 все указанные части, для об'еденения управления ими, подчинил командиру 90 полка и занял участок. Левее этого участка по реке Нурец занимался участок 49-й бригадой, подчиненной начдиву 21.

Отход на р. Нарев. 21 августа на участке дивизии отмечалась лишь деятельность разведывательных партий противника, а в 16 часов противник силою до 300 штыков вел наступление на Мень, но был отбит. Наступление 21-й дивизии на Бельск успеха не имело, и части 21-й дивизии отошли на Сураж, не предупредив штадив 27. В 16 часов 30 минут в районе Вышки появились раз'езды и пехота противника, а от одиночных лиц (сотрудников штабрига одной из бригад 21-й дивизии) было выяснено, что дивизия, потерпев неудачу под Бельском, вынуждена отходить на м. Сураж. Учитывая обстановку, было принято решение отвести дивизию на линию р. Нарев, причем командиру кавполка дана задача—немедленно занять переправы на р. Нарев у м. Сураж, Лесна и Войшки.

Комбригу 79 отойти на линию р. Нарев и занять участок: Ланы—Завыхи; комбригу 80—участок Завыхи—Войшки.

79 бригада начала отход в 18 часов. 80 бригада, начав отход в 19 час. в районе Данилова, вынуждена была задержаться, дабы дать возможность частям и обозам других дивизий переправиться через Нарев у м. Сураж. 238 полк был направлен для занятия переправ у моста железной дороги Бельск—Белосток и у д. Войшки. Выждав отхода всех обозов и артиллерии, главные силы бригады около 3-х часов 22 августа двинулись на м. Сураж, (единственная в этом районе переправа), где, вновь соединившись с 238 полком, который, встретив непреодолимое препятствие в виде нагромождения обозов и артиллерии на мостах и улицах м. Сураж, не мог проследовать на нужную ему дорогу.

Около 8 часов 22 августа бригада все же вышла на восточную окраину м. Сураж и двинулась далее, для выхода и прикрытия главных переправ и дорог Бельск—Белосток. Запоздалый выход пехотных частей 80-й бригады в район Лесна—Войшки дал возможность противнику сбить заставы 27-го кавполка и свободно двигаться на Белосток, который и был им занят утром 22 августа. Вслед за передовыми частями, противник двигал и значительное количество главных сил, часть которых стягивалась им в район Заблудова, для удара в направлении Соколка, другая же часть распространялась в северном направлении. С одной из этих колонн противника произошел встречный бой 80-й бригады у дер. Чачки Бол.

Бои у Чачки Бол. Главные силы бригады, следуя во главе с 239-м полком из Сураж на Ходоры—Чачки Бол.—Ростовцы, по сильно пересеченной местности, в районе Чачки Бол. были внезапно атакованы противником при поддержке артиллерии, причем комбриг, следовавший с полештабом при головной колонне, подвергшись действию сосредоточенного огня и атакующей пехоты противника, был отрезан от своих частей. 239-й полк, приняв боевой порядок, перешел в контр-удар, но под давлением сильнейшего противника, вынужден был отступить. Командир 239-го полка, узнав об участи комбрига, вступил в командование бригады и, видя, что противник превосходными силами пытается окружить бригаду, решил вывести ее из под удара, отходя в северном направлении (на Белосток).

Этот случай неожиданной для нас атаки противника, с исходом боя в его пользу, об'ясняется лишь отсутствием разведки и надлежащего охранения движущейся колонны, чему причинами были невероятная усталость конных разведчиков и вообще бойцов и беспечность начальника колонны.

Полештадив 27 с кавполком в 9 часов 22 выступил из Боровские Шепетки и к 13 часам прибыл на 12 версту шоссе Белосток—Мазовецк; к тому же времени на 14 версту прибыла 79-я бригада.

80-я бригада находилась в это время в 12 верстах южнее Белостока, имея связь с частями 2-й и 21-й дивизий, ведущими наступление на Белосток. По шоссе к Белостоку в несколько рядов сгруппировались многочисленные обозы и отдельные части 3-х армий (407, 408, 409 полки и части 2, 3, 6, 8, 10, 17, 21 и 55 дивизий).

Противник прочно занимал Белосток, и попытки частей 21-й и 2-й дивизий выбить противника из города успеха не имели, как равно не увенчалось и успехом наступление 80-й бригады с юго-запада, отброшенной противником вводом его резервов со стороны Заблудова.

Белостокский бой. К 14 часам наступательные попытки частей 21-й и 2-й дивизий прекратились. На участке 80-й бригады, которая продвинулась уже к 7-й версте от Белостока, шла ружейная и пулеметная перестрелка. Мелкие раз'езды противника стали появляться с запада и обстреливать плохо прикрытые массы обозов и без того тревожно и панически настроенные.

Учитывая необходимость очистить от противника район и дорожный узел Белостока, для того, чтобы дать возможность пройти многочисленным обозам и разрозненным, потерявшим боеспособность группам красноармейцев разных частей, в штадиве 27 было принято решение во чтобы то ни стало овладеть Белостоком, для чего, одновременно с нажимом 80-й бригады с юго-запада, нанести удар 79-й бригадой и кавполком с северо-запада.

Части 79-й бригады и 27-го кавполка, выступив с 12 и 14 версты в 14 часов, к 18 часам подошли в район западнее ст. Старосельцы, откуда и повели энергичное наступление.

Противник, при сильном содействии партизан (из местного населения), упорно оборонялся, ведя сильный ружейный и пулеметный огонь. Части бригады, подошедшие вплотную к городу, под убийственным огнем противника, замедлили было движение, но ободренные лихой атакой кавполка, прорвавшегося в город и начавшего на улицах рубку, ринулись в штыки и противник, неся потери, стал отходить в направлении на Заблудово. В 19 часов 20 минут город Белосток был занят нашими частями, о чем конными раз'ездами было сообщено колоннам обозов и артиллерии, столпившимся на участке шоссе от 7 версты до р. Нарев. Обозы прошли на Соколку — Гродно.

В 20 часов 30 минут был отдан приказ: комбригу 80 немедленно следовать на присоединение к 79-й бригаде; комбригу 79, прикрыв отход через Белосток всех частей и обозов, подтянуть части и следовать на Васильков.

80-я бригада, сжатая в общей массе обозов и частей, двигавшихся в направлении на Гродно и поддавшись общему с этой массой чувству стремления двигаться в направлении меньшей опасности, проследовала на Соколку. 79-я же бригада с полештадивом, имея в арьергарде 27-й кавполк, продолжала отход на д. Соколку — м. Крынки, с целью прикрыть Волковыское направление. В район м. Крынки бригада прибыла в 21 час 23 августа, причем конной разведкой в районе Городок были обнаружены части противника. Разведка, высланная для розыска частей нашей армии на линии р. Свислочь, таковых не обнаружила.

С рассветом 24 августа бригада продолжала отход на Волковыск и к вечеру достигла района г. двор Старо-Дворжец, а 25 августа—района г. двор Шнипово, откуда и была установлена связь со штармом 16.

26 августа дивизия перешла в армейский резерв, получив для сосредоточения сначала район ст. Молодечно, а затем южнее г. Лиды, куда и следовала в составе 79-й, 81-й бригад и кавполка, а к 28 августа была установлена связь и со всеми остальными частями дивизии.

Дивизия вышла в составе 3200 бойцов, потеряв в бою 2 орудия и часть полковых обозов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Таким образом закончился отход 27-й стрелковой дивизии, одной из действовавших на главном операционном направлении наших войск, в походе 1920 года, столь блестяще начатом, но закончившимся внезапным отходом всех армий западного фронта.

Сопоставляя теперь некоторые положения и возможности, приходится отметить, как выводы, вообще, о действиях наших войск, что, несмотря на первоначальную успешность наших наступательных действий, общая стратегическая цель не была достигнута.

Противник, в значительной части, сохранив свои живые силы, теряя значительное пространство (территорию), выигрывает время для усиления своих армий и к решительному моменту в решающем пункте достигает огромного превосходства над нами и принуждает нас к отходу.

Как выводы, относящиеся к действиям 16-й армии, необходимо отметить:

1) Неготовность армии к выполнению столь важной и сложной задачи, как овладение Варшавой (политическим и национальным центром противника), по причинам: а) оторванность армии от тылов (баз), как результат неналаженности тыловых железных дорог; б) некомплект частей (по количеству бойцов) и отсутствие пополнений и возможности подать их своевременно.

2) Чрезмерное подчинение принципов стратегии политическим соображениям, выразившееся в продолжении наступления по требованиям политической обстановки, вопреки состоянию армии на рубеже р. Буг.

3) Учитывая характер революционной войны (и в войне с Польшей, имевшей характер классовой борьбы) и возможности, сопряженные с этим, можно без особого опасения сказать, что отмеченные недочеты могли быть возмещены наступательным порывом и настойчивостью действий частей 16-й армии, в первые дни выхода дивизии к подступам Варшавы.

Но, как это ни странно, приходится констатировать, что задачи, даваемые командованием армии, некоторыми дивизиями выполняются несвоевременно и до очевидности вяло, как, например, 2-я дивизия, подошедшая к первой линии укрепленных позиций противника, к исходу суток 12 августа, до самого начала отхода, для выполнения своей частной задачи ничего существенного не сделала, в самые тяжелые минуты находясь за частями 27-й дивизии.

4) Пассивность соседей дает возможность противнику безнаказанно производить перегруппировки, в целях усиления участка против 27-й дивизии и в результате—значительные тактические успехи 27-й дивизии, достигнутые в боях на укрепленных позициях противника,—сводятся на нет.

5) При своевременном развитии (поддержании соседями) успеха 27-й дивизии, правый берег р. Вислы в районе Прага—Яблонна мог быть очищен от поляков в первые дни нашего подхода к подступам Варшавы, что неоспоримо могло обречь на неудачу подготовлявшийся противником контр-удар со стороны Ивангорода, как равно предрешить и участь Варшавы.

6) Одной из причин, вредно повлиявших на развертывание действий наших частей на подступах к Варшаве, было ненужное скрещивание направлений ударов дивизий соседних армий (21 и 27 див.), приведшее к нерациональной затрате сил и времени 21-й дивизией.

7) Наш отход, в общем, нужно признать беспорядочным. Распоряжение дивизиям об отходе было передано и получено слишком поздно, когда противник выходил и частично уже занимал тыловые дороги дивизий в 10

верстах в тылу у них. Это обстоятельство и привело к потере связи штадивов со штармом, в первый же день общего отхода, и в последствии заставило начдивов, в лучшем случае, принимать сепаратные решения, учитывая обстановку лишь ближайшего окружающего, в худшем—отходить в направлении по предположению менее опасном.

8) В действиях наших частей, после 17-го августа, бросается в глаза отсутствие попыток со стороны наших дивизий (за исключением 27) парировать удары противника, как равно—нет и желания сохранить фронт армии (общее стремление дивизий в северо-восточном направлении в сущности открывало фронт армии).

9) Отсутствие помощи авиочастей, в данном положении содействие которых могло принести существенную пользу для установления связи армии с дивизиями, для ориентировки в обстановке и передаче распоряжений отходящим частям.

10) Отсутствие тыловых укрепленных районов (с гарнизонами таковых) дало возможность прорвавшемуся противнику распространяться с максимальной быстротой, а отсутствие надежных гарнизонов в крупных местечках и городах вновь занятой области привело к появлению значительных партизанских отрядов в глубоком тылу наших войск.

В действиях 27-й дивизии, в частности, заслуживающих внимания—нужно считать следующее:

1) Некомпактность удара в важнейшем направлении (на Яблонна) и разрозненность бригад во времени (в день решительного наступления, с целью выхода на Вислу) об'ясняемые: а) расчленением частей дивизии при перекрещивании с 21-й дивизией, и б) непонятным промедлением 2-й дивизии с занятием своего участка и сменой на нем частей 27-й д.

2) Недостаток огнеприпасов в передовых (действующих) частях, по причинам общей неналаженности в армии питания частей огнеприпасами.

3) Недостаточность разведки, а подчас небрежное отношение к вопросам разведывания со стороны отдельных строевых начальников (внезапная атака противником колонны 80 бригады, следовавшей на Чачки Бол.).

4) Благодаря уклонению соседних дивизий от своих тыловых операционных направлений, 27 дивизия (на рубеже р. Буг), неожиданно для нее, из правофланговой превращается в левофланговую и естественно, не имея соответствующего обстановке обеспечения фланга и тыла, подвергает ударам противника свои тылы (набег противника на госп. дв. Острожаны—стоянку штадива).

5) Как положительные примеры—характерны:

а) Настойчивость частей;

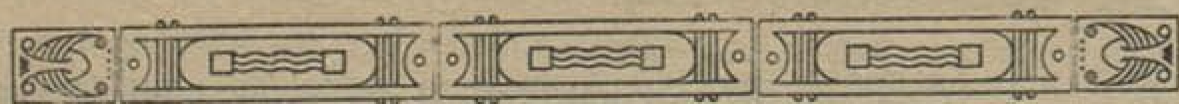
б) Самоотверженность бойцов (примеры—в боях за укрепленную полосу противника под Радимином, когда, несмотря на громадные потери, были слу-

чам, когда в порыве красноармейцы буквально лезли на проволочные заграждения противника и одной своей отвагой заставляли его оставлять окопы).

в) Примерная взаимная выручка (действия 241 и 243 полков под Нерент—Юзефов, 238—под Цемне—Чарна-Нова и пр.).

г) Сохранение духа (способность драться), несмотря на влияние недосыпания, недоедания, недостатка огнеприпасов, отсутствия отдыха, больших потерь, нравственного угнетения от наблюдаемого беспорядка, паники в тылах и разрозненных соседних частях и недружелюбности населения.

К. Умнов.

Латгальская операция. *)

(В январе 1920 года).

Обстановка до начала операции. В тот самый день, когда мы заключили перемирие с Эстонией—3 января 1920 г.—началась неприятельская операция по овладению Латгалией.

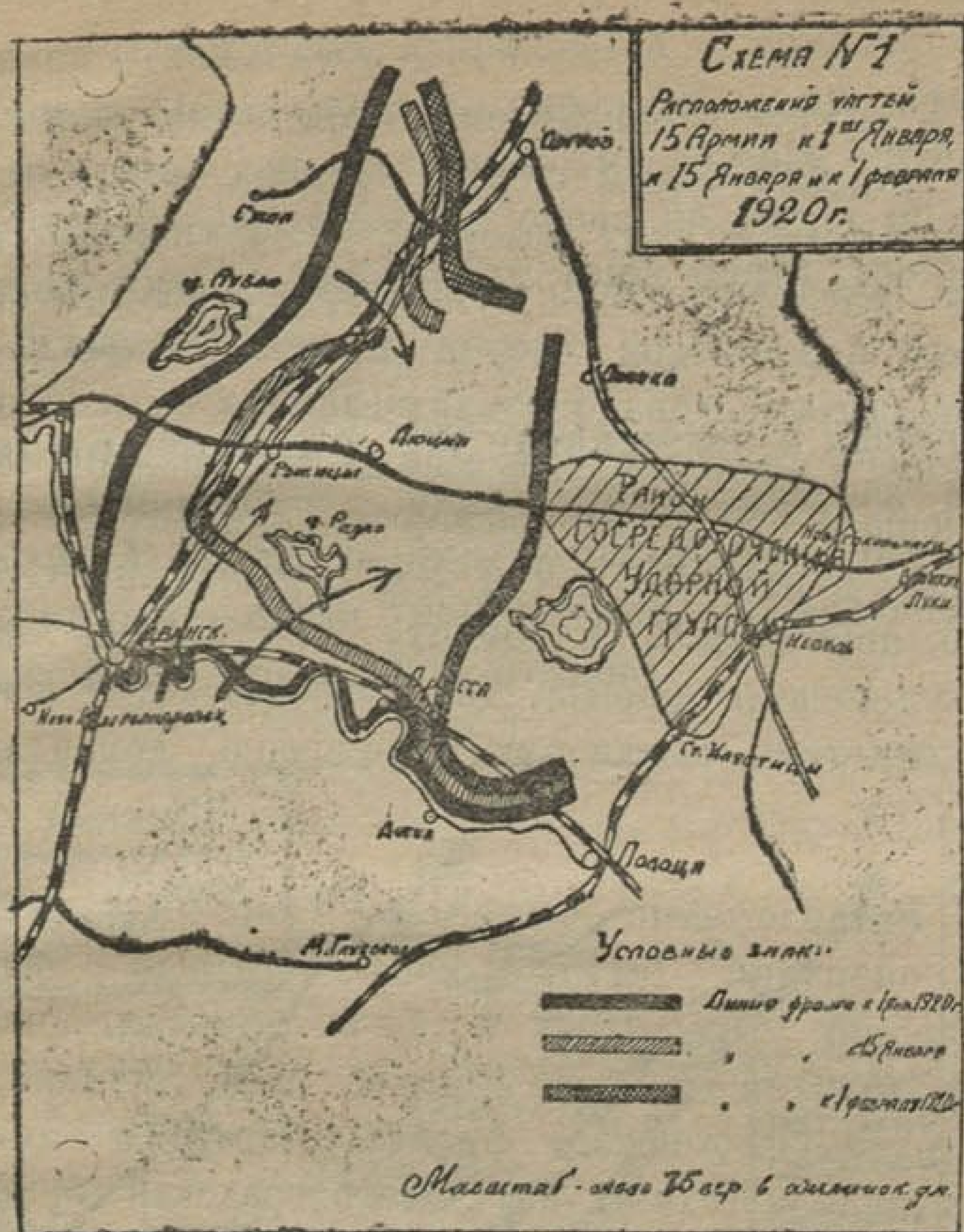
Еще в декабре месяце 1919 года противник проявлял активность по границе Латгалии, особенно на фронте 4-й дивизии, оборонявшей важнейшие пути в Латгалию с запада, забирал налетами наши посты, заставы, иногда оттеснял наши части в разных местах фронта. Во второй половине декабря стало известно, что перед фронтом Двинск—Режица поляки, латыши и литовцы сосредоточивают силы для активных операций. За короткий промежуток времени пыталовское направление (Пыталово—узловая станция на Варшавской железной дороге) усилилось двумя латышскими полками; на двинское направление прибыли два литовских полка, а южнее Двинска сосредоточивалась первая дивизия польских войск Галлера; дрисское направление также усилилось одним польским полком.

У командарма 15 сложилось убеждение, что назревал одновременный удар на режицком направлении и на двинском (юго-восточнее этого пункта). Этим наступлением мог быть отрезан весь Двинско-Режицкий район, которого в это время добивалась Латвия.

Меры, принятые нашим командованием. В связи с создавшейся обстановкой, командармом 15 были приняты следующие меры (схема № 1):

---

*) Это описание неприятельской операции по овладению Латгалией не могло быть изложено здесь с достаточной полнотой и систематичностью, а операция не получила основательной и полной оценки по той причине, что имеющиеся материалы для этого очень скудны.

1) Начдиву 10 приказано было произвести на всем участке дивизии, оборонявшей район Пскова, перегруппировку, с целью снятия с фронта полков 3-й бригады 1-й дивизии. Эта бригада к вечеру 1 января должна была сосредоточиться в районе гор. Острова, для погрузки и отправления на Двинск в распоряжение начдива 4.

2) Одновременно,—снять с боевого участка 471-й и 474-й полки и освободить штабриг 2-й 53-й дивизии для переброски в район ст. Бальбиново. Кроме того, иметь в виду, что в ближайшие дни должны быть сняты с участков и отправлены по тому же назначению 472 и 473 полки.

3) Начдиву 11, с целью облегчить командование крайне растянутым участком 4-й дивизии, приказано было принять командование участком 1-й Петроградской бригады и 2-й бригады 3-й дивизии.

4) Начдиву 4 было приказано воспользоваться направляемыми ему подкреплениями, произвести перегруппировки и усилить обороноспособность растянутого расположения дивизии. Было указано, что из прибывающих 4-х полков 53-й дивизии будет образован особый боевой участок от Придруйска до ст. Боровуха, с подчинением его начдиву 4.

В ночь на 2-е января командармом 15 была получена от командзапа копия договора о заключении с 12 часов 3 января 7-ми дневного перемирия, в силу которого, с указанного времени, всякого рода переброски и перегруппировки на фронтах и в тылах русской и эстонской сторон не допускались. Это последнее условие сильно сковало командование в смысле возможности дальнейшего усиления угрожаемых направлений 15-й армии, но не помещало ему, однако, энергичными мерами выполнить указанные в пунктах 1-м и 2-м переброски. Сверх того даже удалось перебросить к моменту наступления перемирия с русско-эстонского фронта два бронепоезда и поезд-батарею. (Нужно отметить выдающуюся энергию командарма 15 тов. Корк).

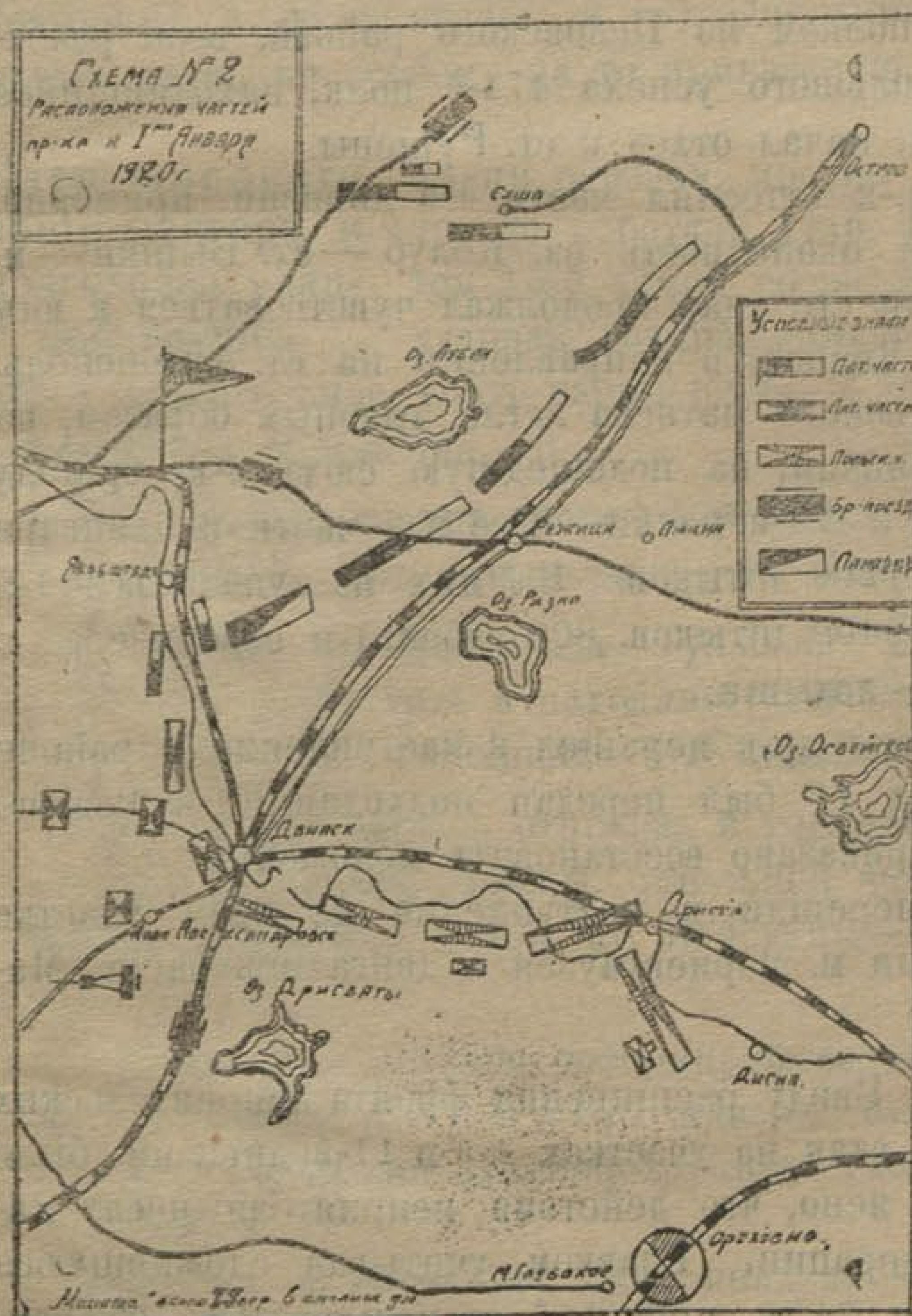
Расположение Кр. Армии. Расположение частей 15-й армии к началу операции было таково: правый фланг армии, — включавший 2-ю, 19-ю и 10-ю дивизии, части 3-й бригады 6-й дивизии и 3-ю бригаду 21-й дивизии, — составлял часть русско-эстонского фронта. Центр и левый фланг армии составляли (схема № 1): Петроградская бригада и 2-я бригада 3-й дивизии, об'единенные начдивом 11, и 4-я дивизия,—включавшая в себя 3-ю бригаду 53-й дивизии. Удар противника пришелся по центру и левому флангу армии, а главная тяжесть его легла на 4-ю дивизию. Армейских резервов за центром и левым флангом не было.

Расграничительные линии. Приказом командзапа № 001 сек. от 5-го января, в связи с заключением перемирия с Эстонией и обстановкой под Двинском, расграничительная линия между 7-й и 15-й армиями была установлена: южная оконечность озера Мариенбургского—Котлеши—Брянчаниново — ст. Чихачево — гор. Демьянск, — все пункты для 15 армии. 2-я, 19-я, 10-я дивизии, части 3-й бригады 6-й дивизии и 3-я бригада 21-й дивизии были переданы командарму 7.

Общая обстановка на запфронте. Общая обстановка на западном фронте, предшествовавшая разбираемой операции, была такова, что заставила фронт 15-й армии разрядить до крайности. Особенно растянут был фронт 4-й дивизии. В общем силы 15-й армии на фронте обозначив-

шихся угрожаемых направлений к моменту наступления противника были, примерно, около 10 тысяч штыков и 80 орудий, в то время, как противник, по данным нашей разведки, имел на тех же направлениях около 26 тысяч штыков и 90 орудий. Таким образом, противник имел почти тройное превосходство в силах.

Расположение противника. На пыталовском и якобштадском направлениях группировались латышские войска (схема № 2), на первом направлении — около 6000 штыков и на втором — около 7000 штыков (со включением Балтийского ландвера — около 2000 штыков).

Литовская группа войск—около 3500 штыков (наиболее пассивная и не принявшая участия в развитии неприятельской операции) служила связью между латышскими и польскими войсками, причем левый фланг польского расположения начинался на двинском направлении, на котором насчитывалось у неприятеля до 7000 штыков и на дрисском направлении до 3500 штыков.

Бои показали, что польские войска были выше по подготовке прочих войск коаллиционного фронта. На польские войска возложена была и главная боевая задача. Особенно

выделились действия первой польской дивизии на двинском направлении.

Начало и развитие неприятельской операции. Утром 3 января, противник (поляки) прорвал фронт 4-й дивизии у Двинска, направляя удар с юга, в общем, на ст. Вышки, вследствие чего 30-й полк оставил гор. Двинск. Одновременно противником севернее Двинска велась демонстрация.

После этого пр-к стал теснить 157-й полк, отбросив его правый фланг к северу от ст. Малиновка и, таким образом, расширяя свой прорыв, 4 января пр-к овладел м. Вышки. Наши части проявляли крайнюю неустойчивость. Их контратаки не удались. 474-й полк, только-что прибывший сюда совместно с 471-м полком из Псковского района, весь разбежался. После небольшого успеха 471-й полк, находившийся в большем порядке, начал отход к ст. Рушены.

К 6 января пр-к оттеснил части 4-й дивизии, примерно, на фронт: северная оконечность оз. Колуб — ст. Вышки — м. Креславка. Главный его удар продолжал чувствоваться к югу от ж. д. Режица — Двинск, в направлении на ст. Антонополь. Тяжесть неприятельского натиска легла, главным образом, на 1-ю бригаду 4-й дивизии, на подошедшую сюда 3-ю бригаду 1-й дивизии и 471-й и 474-й полки. Все эти части к 6 января насчитывали всего 1200 штыков. На них наступала вся 1-я польская дивизия (5400 штыков, 800 сабель) и севернее ж. д. Режица — Двинск — латыши.

Того же 6 января пр-к перешел в наступление в районе оз. Лубань. Начдиву 11 был передан подходящий к Режице 472 полк и было приказано восстановить положение.

9/I латыши перешли в наступление на всем участке 11-й дивизии, заняли м. Мариенгаузен и двигались на ст. Мариенгаузен.

Распоряжения главкома и командзапа. Ввиду расширения фронта неприятельских атак на участках 4-й и 11-й дивизий, было ясно, что действия неприятеля носят характер крупной операции. Главком, учитывая сложившуюся обстановку, номером 31/ш, приказал воспользоваться раз'единенным положением латышских частей и нанести энергичный удар латчастям, действующим вдоль ж. д. Крейцбург — Режица и южнее.

Это послужило основанием соответствующего приказа командзапа № 032/сек. от 9 января, которым командарму 15 указывалось: 1) что операция должна быть проведена наличными его силами. 2) Во время этой операции необходимо прочно удерживать занимаемое положение против польских войск. 3) Для операции передавался ему 1-й стрелковый полк и отправлялся 12 января из Смоленска полк Красных Коммунаров, для обеспечения района сосредоточения направляемых в 15-ю армию поддержек. 4) По сосредоточении всех направляемых ему частей приготовиться к решительному наступлению против поляков, с целью восстановления положения и овладения Двинском. 5) Срочно привести в боеспособное состояние 11-ю дивизию, и 6) Операцию против поляков начать лишь по особому на то приказанию.

Идея широкого контр-маневра и подготовка ударной группы. Таким образом, против латышей заносился только короткий удар. Вообще же за фронтом 15-й армии сосредоточивалась крупная ударная группа, которая должна была повести решительное контр-наступление, с целью полного восстановления положения.

Эта ударная группа сосредоточивалась пока в широком районе: Себеж—Нов. Сокольники—ст. Клястицы.

В состав ее прибывала Тульская дивизия. Меньшею частью она была влита в находившуюся здесь 11-ю дивизию, а большею частью составила 48-ю дивизию.

21 января началась отправка в распоряжение командарма 15, в состав ударной группы, отдельной кавбригады Вильмута с конной батареей в район: ст. Клястицы—оз. оз. Водето, Кривое, Дрисса.

11-я дивизия спешно доформировывалась. 3-я бригада ее, формировавшаяся в Луге, 24-го января была отправлена в район сосредоточения ударной группы; сколачивались полки 48-й дивизии.

Телеграммой № 058 от 17-го января, командзап торопит командарма 15, требует форсировать создание ударной группы и напоминает, что до полного сосредоточения и доведения до боеспособности ударной группы она не должна расходоваться по частям.

Дальнейшее развитие неприятельского наступления. Развивая наступление на участке 11 дивизии, пр-к прорвал фронт ее в районе ст. Корсовка и овладел последней. Явилась опасность развития успеха пр-ка на Люцин. Связь с начдивом 11 была потеряна.

Приказом командарма 15 № 39/к от 10 января, ликвидация образовавшегося прорыва возложена была на начдива 4, которому переданы были во временное подчинение 2-я бригада 53-й дивизии, 2-я бригада 3-й дивизии и 1-й стр. полк.

В то же время продолжала ухудшаться обстановка севернее и сев.-западнее Режицы. Номером 40/к. командарм 15 просит командзапа срочно прислать в Режицу полк Красных Коммунаров. Полк этот был направлен на ст. Люцин.

К 12-му января пр-к значительно усилился на пыталовском направлении и напрягал усилия к овладению узловой ст. Пыталово. Против правого фланга 15-й армии у пр-ка была в резерве целая 2-я латдивизия. На режицком направлении он к этому числу овладел ст. Велены, а на двинском— станцией Рушоны.

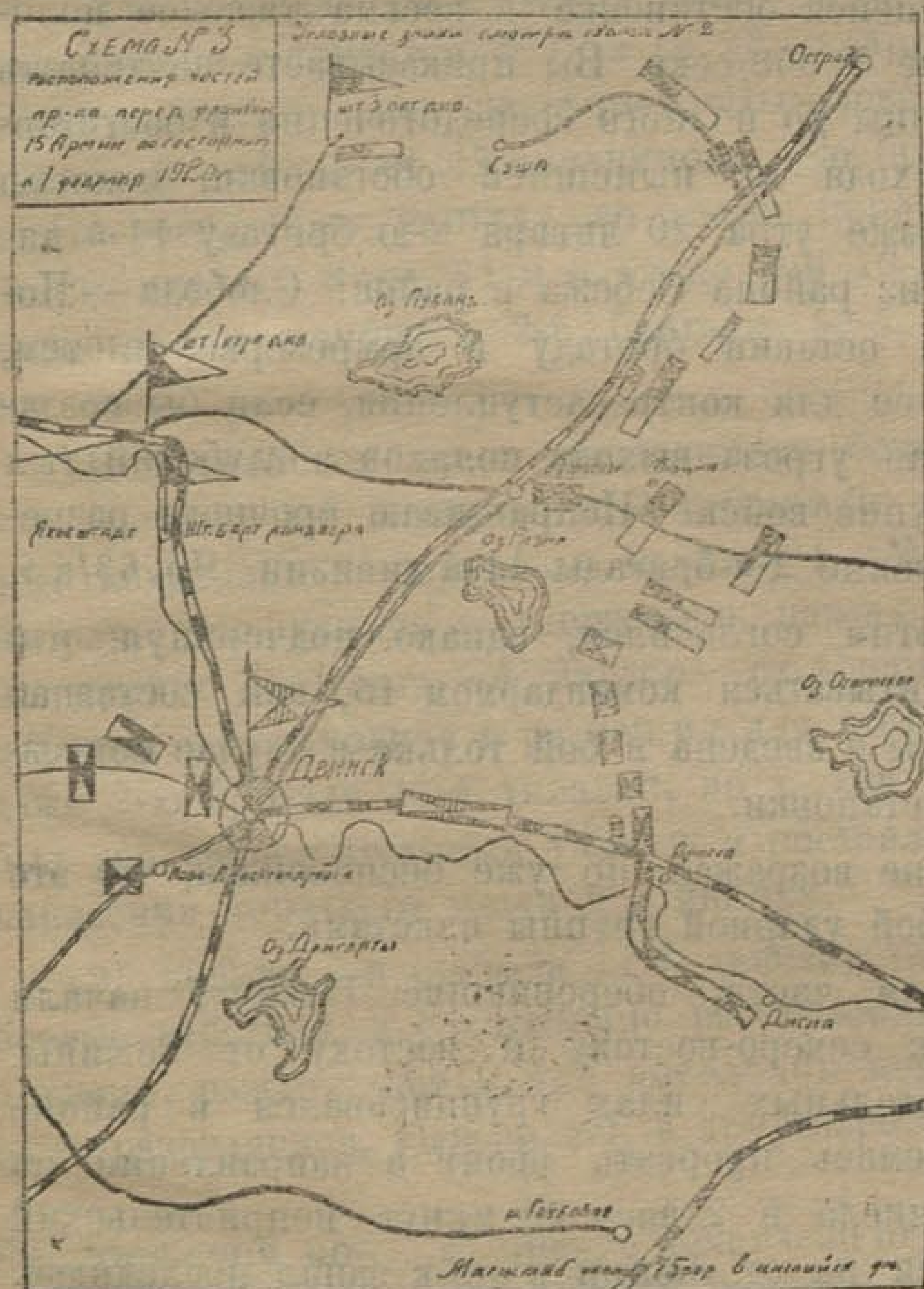
Ввиду этой обстановки направляемый на Люцин полк Красных Коммунаров был передан командармом 15 начдиву 11, с приказанием двинуть его на Корсовку.

Таким образом, удар пр-ка на Корсовку не дал возможности осуществить наш контр-удар на крейцбургском направлении, во исполнение приказа командзапа № 032/сек.

Усиление правого фланга 15-й армии. Ввиду сильной угрозы правому флангу 15-й армии, 14 января № 049/сек. командзап приказал командарму 7 через 48 часов начать переброску в 15-ю армию 2-й бригады 55-й дивизии с батареей (1900 шт. 8 оруд.). Телеграммой 050/сек. командарму 15 командзап указывает, что бригада эта дается ему для усиления правого фланга армии и восстановления положения контр-маневром.

17-го января номером 057/сек. командзап приказал командарму 7 привести в боевую готовность 3-ю бригаду 21-й дивизии и держать ее в армрезерве (737 штыков, 2 ор.), а 24 января последовало приказание направить эту бригаду в Опочку в распоряжение командарма 15.

Обстановка к 20 января. К 20 января (Схема № 3) положение был•, в общем, таково: в Пыталовском районе и на корсовском направлении наши части довольно стойк• отражали натиск неприятеля, даже местами продвигались вперед. Режицкий узел был еще в наших руках, части, прикрывающие его с северо-запада и запада, откуда шел наибольший нажим пр-ка, в общем, дрались хорошо и пр-к здесь продвигался очень медленно.

Но зато к югу от ж. д. Режица—Двинск наши части проявили полную неустойчивость. Рядом сильных ударов, противник к 20 января отбросил наши части на фронт: ст. Антонополь — оз. Разно—м. Росица-- Дрисса. Главный удар противника шел в направлении м. Дагда. Отброшенные на этот фронт наши части пришли в совершенное расстройство. Боевой состав частей стал ничтожным. Особенную неустойчивость проявила 3-я бригада 1-й дивизии. Таким образом, явилась опасность району сосредоточения нашей ударной группы и, следовательно, опасность, что обстановка вынудит начать ее расходовать по частям.

19 января командарм 15 телеграфировал командзапу: «Наши войсковые части, расположенные на участке между оз. Разно и гор. Дрисса, не представляют из себя никакой реальной силы,

которая могла бы сдержать дальнейшее наступление польских войск, развивающих свой удар в восточном и северном направлениях (в общих направлениях на Освею, Себеж и ст. Розеновскую). Учитывая, что в районе расположения 2-й и 3-й латышских дивизий и 1-го Латгальского полка перегруппировка, вероятно, закончена, можно ожидать в любой момент перехода латышей в наступление от Корсовки на Люцин.

Части, прикрывающие непосредственно гор. Режицу, могут попасть при создавшейся обстановке в весьма тяжелое положение. В телеграмме № 058/секр. Вы приказываете не трогать частей ударной группы до полного сосредоточения и боеготовности. Однако, исходя из нынешней обстановки, полагаю необходимым не позже утра 20 января 2-ю бригаду 11-й дивизии передвинуть из района Себежа в район: Слобода — Полицино — Шушково, оставив бригаду в армрезерве, с тем, чтобы использовать ее для контр-наступления, если бы создалась более серьезная угроза выхода поляков в глубокий тыл нашей Режицкой группе войск. Испрашиваю срочного разрешения на использование 2-й бригады 11-й дивизии. Нр. 63/к.».

Командзап с этим согласился, однако, подчеркнул, что бригада должна учитываться командармом 15, как составная часть ударной группы и введена в бой только в случае серьезного осложнения обстановки.

Главком также не возражал, но уже беспокоился, что это начинается ввод в бой ударной группы пакетами.

21 января утром части, оборонявшие Режицу, начали отход на рубежи к северо-востоку и востоку от Режицы. Противник в значительных силах группировался в районе ст. Антонополь, стремясь прорвать фронт в направлении на Люцин. Того же числа в 2 часа 30 минут неприятельский бронепоезд прорвался на ст. Люцин и пр-к занял последнюю.

Начало расходования частей ударной группы.

Ввиду образовавшегося большого прорыва, начдиву 4 было разрешено командармом 15 взять из армейского резерва из района ст. Слобода 94-й полк 2-й бригады 11-й дивизии и поставить его в качестве заслона, прикрывающего ст. Розеновскую, между озерами Курьяново и Нерза.

Противник продолжал энергично развивать свой успех,

наступая крупными силами в общем направлении на Себеж и Освею.

В то же время противник расширял свой прорыв в районе ст. и м. Корсовка и 23 января отбросил 99-й полк на р. Синяя к югу от пригорода—Красной. К этому времени натиск пр-ка особенно сильно чувствовался именно на флангах фронта его наступления: на севере—в направлении на пригород Красной (на р. Синяя) и на юге—на Себеж и Освею.

Для упорядочения управления на правом фланге армии командарм 15 приказом № 75/к от 23 января свел в самостоятельную группу, под названием «Пыталовской», сосредоточившуюся в районе ст. Брянчаниново 2-ю бригаду 55-й дивизии и Петроградскую бригаду со всеми приданными ей частями (в том числе с 83-м, 84-м и кавполком 10-й дивизии) под командованием комбрига 2-й бригады 55-й дивизии, подчинив его себе.

Под натиском пр-ка продолжался безостановочный отход 3-й бригады 1-й дивизии и 3-й бригады 4-й дивизии, ввиду чего командарм 15 приказал начдиву 4 (№ 76/к от 24 января) напрячь все усилия к удержанию наших отходящих частей на линии: оз. Нерза—ф. Лавдор—ст. Слобода—Ляндскрона—м. Освея—Кохановичи и разрешил для этой цели использовать даже 2-ю бригаду 11-й дивизии, но с тем условием, чтобы ей был дан самостоятельный участок и поставлена была бы задача нанесения короткого удара противнику.

25 января 2-я бригада 11-й дивизии была уже втянута в боевые действия, а совершенно расстроенная 3-я бригада 1-й дивизии, разбегавшаяся при появлении перед ней неприятельских разведчиков, выводилась в армрезерв.

Распоряженя командзапа. 27 января командзап отдал следующий приказ фронту, № 0106/сек.: «Установившееся в конце декабря затишье на запфронте нарушилось наступлением латышской и польской армий против наших, занимавших выгодное стратегическое положение в Двинско-Режицком районе, в результате коего наши части оттеснены к востоку указанного района.

Общая задача западного фронта,—упорная активная оборона занимаемой линии фронта.

Приказываю:

1) 7-й армии продолжать, в случае перехода пр-ка в наступление, упорно удерживать занимаемые позиции, используя перемирие с Эстонией для приведения частей армии в боеспособное состояние, для чего выделить возможно большее количество резервов, группируя их сообразно выработанного плана обороны.

2) 15-й армии, по сосредоточении всех частей, направляемых из центра и распоряжением фронта, нанести противнику решительный удар в общем направлении Себеж—Двинск, с целью восстановить утраченное во время января месяца положение, обеспечив на левом берегу З. Двины плацдарм перед Двинском. Операцию эту начать по особому на то приказанию.

3) 16-й армии, продолжая активную оборону своего участка, к началу наступления 15-й армии глубокими поисками сильных частей приковать противника перед своим фронтом».

Еще ранее, а именно 24 января, телеграммой 091/сек., командзап приказал командарму 15 дать свои соображения об использовании ударной группы и о сроке введения ее в дело. Командарм 15 представил свои соображения при № 83/к, но они не удовлетворили командзапа, почему от командарма 15, номером 0128/сек., был потребован новый план, указана была цель действий: «на голову разбить латышские части, действующие в направлении Пыталово—Антонополь—Посиня».

Перемирие. 30-го января был получен приказ Р. В. С. Р. № 144/28, по которому всякие военные действия должны быть прекращены в 12 часов дня 1-го февраля. (Положение к этому времени показано на схемах №№ 1 и 3).

По тому же приказу русские войска не позже 12 часов 9-го февраля должны были занять следующую демарклинию: Каганова-Слобода — Костыри — Толково — Жогово — Сипола — Пудрино—оз. Высокое—оз. Нитоль—Антонки—Пиково—Лавдор—оз. Освойское—Освея—Липовка— Росица — Бальбиново — Придруйск, причем на тех пунктах, где русские войска находятся в настоящее время впереди этой демарклинии, отход должен начаться немедленно по получении приказа.

Причины наших неудач. Наши неудачи об'ясняются следующими причинами: крайне растянутое положение

частей на боевых участках. Почти тройное превосходство противника. Неустойчивость войск. Пассивность. Отсутствие удовлетворительного командного состава. Отсутствие достаточных резервов участковых и армейских. Запоздалое прибытие армейских резервов с эстонского фронта, по независящим от командования причинам, изложенным выше, и ввод армрезервов в бой по частям.

Следует признать, что район сосредоточения ударной группы (Себеж—Ново-Сокольники—ст. Клястицы) был чрезмерно обширен, а главное поставлен был под удары противника. Это заставило преждевременно израсходовать вторую бригаду 11-й дивизии и могло случиться, что при развитии натиска противника на себежском направлении ударная группа уже не успела бы собраться для цельного, планомерного и одновременного удара,—вероятно ее израсходовали бы по частям.

Однако, к моменту наступления перемирия наши части оправились, несколько окрепли, особенно правый фланг 15-й армии, а противник истощился. Ударная наша группа была готова для контр-наступления и были данные за то, что наше контр-наступление все же могло бы иметь успех.

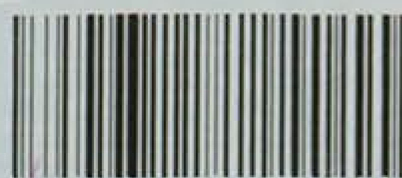
В этой операции обращает на себя внимание общий характер наших тактических действий: противник делал многочисленные прорывы нашего расположения. Мы, по неизменному шаблону, стремились ликвидировать их не путем активным—контр-атакой по флангу, а непременно забеганием навстречу противнику и загораживанием ему дороги, хотя бы положение такой «забегающей» части и было как-раз удобно для удара по флангу прорвавшегося неприятеля. Прорыв обыкновенно «заполнялся»; в общем, все вытянулось в нитку, никаких групп, очень торопились заткнуть все дыры, очень велико было чувство локтя. Маневренного взаимодействия между соседними частями не было.

Что касается действий противника, то его успех обеспечивался, вообще, численным превосходством. Нельзя, однако, отказать противнику в энергии исполнения операции и в известной доле искусства. К сожалению, материалов, могущих осветить этот вопрос не имелось под рукой. Во всяком случае, в пункте главного удара в первый период операции против-

ник скоро сумел создать пятерное превосходство в силах (район м. Вышки—ст. Антонополь).

Следует отметить несомненно лучшую подготовку младшего командного состава противника, сравнительно с нашим. Это чувствовалось по мелким тактическим действиям, как во время самой операции, так, особенно, до операции в период затишья. В период затишья почти не было дня, когда оперативные сводки не отмечали бы неприятельские налеты на наше расположение, почти всегда оканчивающиеся удачно для неприятеля. Последний пользовался нашим неумением правильно нести службу разведки и охранения. Многие приказы нашего высшего командования свидетельствуют о стремлении серьезно бороться с указанным недостатком подготовки нашего младшего командного состава. Этими приказами требовали также от войск активности и предприимчивости, требовали на налет отвечать налетом. Однако, такой активности и предприимчивости у наших младших начальников не замечалось и уменья не было, почему наши ответные предприятия в большинстве случаев не удавались.

B000000302 14 17
+3ПРИЛ.